

Патрик Несс

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЭТО

Обладатель
двух медалей
Карнеги

«Просто прочтайте это»

Джон Грин

Больше, чем это

Patrick Ness

MORE
THAN
THIS

Патрик Несс

БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ЭТО

ИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА

УДК 82-31
ББК 84(7Сое)6-44
H55

Перевод с английского М. Десятовой

Несс, П.

H55 Больше, чем это / П. Несс ; [пер. с англ. М. Десятовой]. -
М. : РИПОЛ классик, 2018. - 400 с. - (Мирры Патрика Несса).

ISBN 978-5-386-10149-7

Обладатель множества престижных премий, неподражаемый Патрик Несс дарит читателю один из самых провокационных и впечатляющих молодежных романов нашего времени!

Сету Уэйнингу остается жить считаные минуты – ледяной океан безжалостно бросает его о скалы. Обжигающий холод тянет юношу на дно... Он умирает. И все же просыпается, раздетый и в синяках, с сильной жаждой, но живой. Как это может быть? И что это за странное заброшенное место, в котором он оказался? У Сета появляется призрачная надежда. Быть может, это не конец? Можно ли все изменить и вернуться к реальной жизни, чтобы исправить совершенные когда-то ошибки?..

**УДК 82-31
ББК 84(7Сое)6-44**

Школа перевода
В. Баканова

ISBN 978-5-386-10149-7

© 2013 Patrick Ness
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015
© Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

Филу Родаку

Вот парень, который тонет.

В эти последние секунды его убивает не столько вода, сколько холод. Холод вытянул все силы, и сведенные судорогой мышцы не подчиняются, как ни барахтайся. Парень молод и крепок, ему почти семнадцать, но ледяные волны накатывают одна за другой, одна другой выше. Они вертят его, кувыркают, тянут глубже и глубже. Даже когда удается на несколько жутких секунд высунуть голову над водой, ее тут же захлестывает снова, не дав сделать и полвздоха. Воздуха не хватает, с каждым разом его все меньше, в груди печет, и мучительно хочется вдохнуть еще.

Парень в панике. Понимает, что его отнесло слишком далеко от берега и назад не доплыть, а ледяные волны тащат все дальше и дальше, на скалы, делающие побережье неприступным. А еще он понимает, что никто его не хватится, никто не успеет поднять тревогу и отвоевать его у холодных волн. Чуда не случится. В это время года, в такую холодину, здесь нет ни туристов, ни бродяг, которые могли бы кинуться с берега и спасти его.

Слишком поздно.

Он умрет.

Умрет одиноким.

От внезапной мысли перехватывает дыхание, и паника усиливается. Парень снова рвется на поверхность, стараясь не думать, что этот рывок может стать последним, вообще

стараясь не думать. Только действовать — толкаться ногами, выграбить руками, корпусом хотя бы развернуться в нужном направлении, чтобы глотнуть еще чуточку воздуха, который совсем близко, совсем...

Но течение слишком сильное. Оно дразнит, подталкивая к поверхности, и тут же утягивает вглубь, не давая высунуть голову, волоча все ближе к скалам.

Волны швыряют его, как игрушку. Он делает еще попытку. Не получается.

А потом, ни с того ни с сего, морю надоедает жестокая игра в кошки-мышки. Подхватив свою жертву, прибой обрушивает ее на убийственно острые скалы. Правая лопатка раскалывается пополам с громким треском — этот «крак!» слышно даже под водой, даже сквозь рев течения. Обезумев от боли, парень кричит, захлебывается, заходится кашлем, но только закачивается в легкие еще больше соленой ледяной жидкости. Раздирающая плечо боль ослепляет, парализует. Он уже не пытается барахтаться — сил нет, и волны снова начинают его вертеть.

«Пожалуйста...» — вот все, что он думает. Одно-единственное слово, гулким эхом отдающееся в голове.

«Пожалуйста...»

Прибой подхватывает его в последний раз. Откатывается, словно замахиваясь, и кидает головой прямо на скалы. Океан швыряет его всей своей разъяренной массой. Нет сил даже выставить руки, чтобы спружинить.

Удар приходится позади левого уха. Череп раскалывается, и острые осколки впиваются в серое вещество, третий и четвертый позвонки слетают, рассекая мозговую артерию и спинной мозг — с такими увечьями не живут. Ни малейшего шанса.

Парень умирает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Первые посмертные секунды вязнут в зыбком тумане. Смутное ощущение боли, но в основном огромная тяжесть, будто его накрыли горой невозможнотолстых одеял. Он пытается выкарабкаться, вслепую, разрывая в панике (опять она!) невидимые захлестывающие путы.

В голове каша. Сумятица и мельтешение, словно в лихорадке, ни одной связной мысли. Его толкает вперед какой-то дикий инстинкт, ужас перед предстоящим и перед случившимся.

Ужас смерти.

Как будто с ней еще можно бороться, еще можно от нее сбежать.

Ему даже мерещится движение, тело продолжает бороться с волнами, хотя борьба давно проиграна. А потом внезапный порыв — нахлынувший ужас влечет его вперед, вперед, вперед, но, видимо, с телом они где-то расстались, потому что плечо больше не болит, и он пробирается вслепую в потемках, ничего не ощущая, кроме жути, толкающей...

И тут в лицо веет прохладой. Почти как летний ветерок, только это ведь невозможно — по многим причинам. От этой прохлады мысли — душа? дух? кто знает! — замедляют лихорадочную свистопляску.

На миг он замирает.

Потемки чуть бледнеют. Свет. Свет, в который почему-то можно проникнуть, и он чувствует, как его туда влечет, как

тело — такое слабое, такое безвольное — тянется к этому сияющему свету.

Он падает. Падает на твердое. Это оттуда идет прохлада, и он позволяет себе в нее погрузиться, дает ей себя окутать.

Он не шевелится. Хватит трепыхаться. Покорно проваливается в забытье.

Забытье серое и очистительное. Он более или менее в сознании, не спит, но и не сказать чтобы проснулся, словно в отрыве от всего, не в силах двинуться, не в силах думать, не в силах воспринимать. Только существовать.

Проходит невозможная прорва времени — день, год, может, даже вечность, как тут поймешь? Наконец где-то вдалеке свет потихоньку, едва заметно меняется. Мгла сереет, потом бледнеет, и он начинает приходить в себя.

Первая мысль — скорее, ощущение, — что его прижимает к бетонной плите. Она прохладная, она твердая, и к ней нужно прильнуть, иначе унесет в пространство. Он удерживает это ощущение до поры до времени, давая ему оформиться, установить связь с телом, с другими мыслями...

Вдруг где-то глубоко внутри вспыхивает слово «морг». Потому что где еще тебя положат на прохладную твердую плиту? С растущим ужасом он распахивает глаза — оказывается, все это время они были закрыты. Он просит не закапывать его в землю, не вскрывать, это все ошибка, кошмарная ошибка. Но горло отказывается издавать звуки, будто отвыкло за долгие годы, и он, закашлявшись, рывком садится в страхе. Перед глазами пелена, словно толстая стопка мутных стекол.

Он отчаянно моргает, вглядываясь. Расплывчатые силуэты вокруг постепенно фокусируются. Нет, это не холодная плита в морге...

Это...

Это...

Что это?

В замешательстве он щурится сквозь резь в глазах на встающее солнце. Оглядывается, пытаясь осмыслить, разобраться, распознать.

Судя по всему, под ним бетонная дорожка, ведущая от проулка через двор к входной двери дома позади него.

Дом чужой.

И не только дом.

Он вздыхает, тяжело, почти с одышкой, в голове каша, но в глазах постепенно проясняется. Осознав, что дрожит от холода, он обхватывает себя руками. Насквозь промокшая одежда...

Не его, чужая.

Он смотрит на себя, но органы чувств еще не поспеваю за приказами сознания. Он снова щурится, вглядываясь. Это, кажется, вообще не одежда, просто полоски белой ткани, не дотягивающие до звания штанов или футболки. Они обматывают тело, как бинты, а не как одежда. И сверху по всей длине они пропитаны...

Стоп.

Они мокрые не от морской воды, не от захлестывающих, соленых, холодных океанских волн, в которых он только что...

(Тонул?)

То есть он промок только сверху. Спина, прижатая к земле, сухая, хоть и продрогшая.

Он оглядывается, совсем уже ничего не понимая. Выходит, его промочила роса? Другого объяснения нет. Солнце висит над самым горизонтом, похоже, еще только утро. А на дорожке виднеется отпечаток его собственного тела — сухое, не пропитанное росой пятно.

Как будто он пролежал здесь всю ночь.

Но этого не может быть. Он помнит свирепый лютый холд волн, свинцовое леденеющее небо, под которым он ни за что не протянул бы целую...

Нет, это другое небо. Он запрокидывает голову. Оно даже не зимнее. Здесь веет не холодом, а просто прохладой, предвещающей теплый день, возможно, даже летний. Совсем не похоже на пронизывающий береговой ветер. Совсем не похоже на то, где...

Где он умер.

Он делает еще один вдох — просто пробует, получится ли. Вокруг сплошная тишина, ни шороха, ни звука, за исключением тех, что издает он сам.

Он медленно оборачивается к дому. Тот проступает все четче и четче, по мере того, как глаза привыкают к свету, заново — такое ощущение — учатся видеть.

А сквозь туман и замешательство пробивается робкая мысль.

Намек, дуновение, проблеск...

Чего-то...

Знакомого?

2

Он пытается подняться, и ощущение пропадает. Подняться почему-то очень трудно, он валится обратно. Тело обмякает, мышцы отказываются повиноваться даже простому приказу.

Сесть прямо и то непосильная задача, приходится на секунду замереть, чтобы отдохнуться.

Ухватившись за крепкий на вид стебель у дорожки, он делает вторую попытку...

И тут же отдергивает руку — жжется!

Это не садовое растение, это вымахавший до неприличных размеров сорняк. Клумбы, обрамляющие дорожку к дому, заросли так, что даже декоративных каменных бордюров почти не видно. Кусты похожи на живых существ, которые тянутся к тебе и вот-вот укусят или оцарапают, если зазеваешься. Повсюду — в каждой проплешине, в каждой трещине — сплошные сорняки, огромные, по метру-полутора-двум высотой. Даже на том пятаке, где он лежал, остался расплющенный сорняк.

Он снова пытается встать — на этот раз получается, хоть и шатает поначалу. Голова свинцовая, тело все еще колотит дрожь. Белые обмотки совсем не греют и — замечает он с тревогой — почти ничего не прикрывают. Ноги и торс замотаны в несколько слоев, руки тоже, но почему-то от пупа до середины бедер все оставлено открытым, самые интимные части, что спереди, что сзади, выставлены напоказ и греются в лучах утреннего солнца. Он лихорадочно пытается прикрыться, оттягивая вниз невесомую ткань, но бинты намотаны слишком туго.

Тогда он прикрывается рукой и стыдливо озирается.

Но вокруг никого нет. Совсем никого.

«Что это? Сон? — Мысли ворочаются медленно, туго, словно пробиваясь издалека. — Последний сон перед смертью?»

Все дворы такие же заросшие, как и этот. На бывших газонах трава по пояс. Асфальт на дороге потрескавшийся, прямо по-

середине из щелей торчат сорняки — некоторые впору называть деревьями.

По обочинам припаркованы машины, но все они покрыты толстым слоем грязи, стекла слепые от пыли. И почти каждая стоит на ободах, потому что шины давно спустили.

Кругом все мертвое. По дороге ничего не едет и, судя по сорнякам, не ездило уже очень и очень давно. Левая дорога тянется к более широкой улице, которая по всем признакам должна быть главной, оживленной и бурлящей. Там тоже ни одной едущей машины, а посреди зияет огромный провал метров в десять — пятнадцать шириной. Над провалом торопится густая сорняковая поросль.

Он прислушивается. Нет, автомобилей нигде не слышно. Ни на этой улице, ни на следующей. Он ждет, навострив слух. Еще ждет. Сматривает в другую сторону, направо. Заметив между двумя домами железнодорожную насыпь, он невольно прислушивается снова, не загрохочет ли поезд.

Но поездов нет.

И людей нет.

Если сейчас действительно утро, то люди должны выходить из дома, садиться в машины, ехать на работу. Или, например, гулять с собаками, разносить почту, спешить в школу.

Жизнь должна кипеть, входные двери хлопать то и дело.

Но вокруг никого. Ни машин, ни поездов, ни людей.

А эта улица — теперь, когда в глазах и в голове потихоньку прояснилось, он присматривается получше — даже устроена как-то странно. Дома лепятся друг к другу, стоят шеренгой, плечом к плечу, никаких гаражей и больших дворов,

только узкие проули через каждые четыре-пять зданий. Совсем не похоже на то, где он жил. Как-то вообще не по-американски. Скорее...

Скорее по-английски.

Англия. Название гудит в голове набатом. Оно отчаянно сигнализирует чем-то важным, но в голове такая кутерьма и неразбериха, что оно лишь усиливает тревогу.

Неправильное слово. Откуда оно выскоило?

Покачнувшись на ватных ногах, он хватается за ближайший куст из тех, что покрепче. Ужасно тянет уйти с открытого пространства, закутаться во что-нибудь, но этот дом, этот дом...

Парень морщит лоб.

Что такое с этим домом?

Неожиданно для самого себя, даже не осознавая принятого решения, он делает неуверенный шаг вперед — и чуть не падает. Мысли по-прежнему путаются. Он не знает, почему идет туда, есть ли в этой тяге что-то, помимо инстинктивного желания укрыться, спрятаться от непонятного заброшенного мира, но все это слишком похоже на сон, поэтому вряд ли здесь действует нормальная логика.

Непонятно почему, но дом его манит.

И он идет туда.

На крыльце он перешагивает через трещину, расколотую надвое первую ступень, и замирает. Колеблется, не зная, как быть дальше — откроется ли дверь, и что делать, если она заперта, — но все-таки протягивает руку и...

Дверь распахивается от легкого прикосновения.

За ней тянется длинный коридор. Солнце уже разгорелось, заливая светом безоблачное голубое небо (наверное, здесь все-таки лето), и бледную, незагорелую кожу нещадно печет, но коридор все равно наполовину тонет в темноте, недосыгаемый для слепящих лучей. Глаза различают лишь ведущую наверх лестницу в глубине. Слева от нее дверь в комнаты.

Свет в доме не горит, везде тишина.

Парень снова оглядывается. По-прежнему ни гула машин, ни грохота поездов, но только теперь он замечает, что не слышно ни жужжания насекомых, ни птичьего щебета, ни шелеста листьев на ветру.

Мертвая тишина, которую нарушает только его собственное дыхание.

Он стоит не шелохнувшись. Ему ужасно плохо, он такой слабый, такой обессиленный — лечь бы сейчас на этом вот пороге и заснуть навсегда, совсем навсегда, никогда больше не просыпаться...

Вместо этого он шагает внутрь, держась руками за стены, чтобы не упасть, и осторожно движется вперед, каждую секунду ожидая, что кто-то окликнет его, остановит, потребует ответа, зачем он забрался в чужой дом. Но он бредет в полумраке, и хотя глаза привыкают к перемене освещения медленнее, чем должны бы, он чувствует под ногами толстенный слой пыли — здесь явно давным-давно уже никто не ходил.

Чем дальше, тем плотнее полумрак, и это странно. Бьющий через открытую дверь солнечный свет не разгоняет сгустившихся перед воспаленными глазами жутковатых теней. Он бредет вперед, уже почти ничего не различая, доходит до лестницы, но не поднимается. Вокруг все так же глу-

хо, никаких признаков жизни, никаких звуков, кроме его собственных.

Он один.

Перед дверью в комнату снова накатывает страх: мало ли что притаилось там, в темноте... Однако он все же заставляет себя заглянуть, дав глазам чуть-чуть привыкнуть.

Перечеркнутая солнечными лучами, проникшими сквозь щели в опущенных жалюзи, перед ним открывается незатейливая жилая комната, объединенная со столовой, из которой дверь ведет в кухню.

Мебель самая обычная, только вся покрыта толстым слоем пыли, будто одета в плюшевые чехлы. Едва держась на ногах от усталости, он пытается увязать всплывающие в голове слова с очертаниями предметов.

Зрение постепенно возвращается, комната рисуется отчетливее, в подробностях, и из полумрака проступает...

Истошно ржущая лошадь над каминной полкой.

Запертая в картинной раме, она косит на него безумным глазом из огненной ловушки, высунув язык, словно пику.

Смотрит прямо на него.

Он вскрикивает, внезапно догадавшись (без тени сомнения, узнавание накрывает, словно океанская волна)...

Он знает, куда попал.

3

Со всех своих измученных ног он бежит по коридору, взметая клубы пыли, он рвется к свету, как...

Как утопающий рвется к воздуху.

До него чуть слышно доносится собственный крик — по-прежнему бессловесный, по-прежнему невнятный.

Но он догадался.

Он догадался, догадался, догадался.

Добравшись до порога, он скатывается с крыльца кубарем, потому что ноги почти не держат, а потом и вовсе подкашиваются. Он валится на колени и не может подняться, словно придавленный к земле своей внезапной догадкой.

Он в панике оглядывается на дом — сейчас оттуда что-нибудь (кто-нибудь!) выскочит, сейчас его догонят...

Нет, никого и ничего.

Все тихо. Ни звука — ни машин, ни людей, ни зверей, ни насекомых — ни-че-го. Только тишина, но такая гулкая, что слышно; как стучит в груди сердце.

«Мое сердце». Слова наконец отчетливо проступают через плотный туман в голове.

Сердце.

Мертвое сердце. Утонувшее сердце.

Его начинает трясти от накатившего осознания, что же такое он увидел в доме и что это значит.

В этом доме он когда-то жил.

Дом из далекого прошлого. Дом в Англии. Дом, в который, мама клялась, она больше ни ногой. Дом, из которого они сбежали на другую сторону земного шара.

Но этого не может быть. Он не видел этот дом — эту страну — уже целую вечность. С младших классов.

С тех пор...

С тех пор, как брата выписали из больницы.

С тех пор, как случилось страшное.

«Не надо!»

Пожалуйста, не надо!

Теперь понятно, куда он попал. Понятно, почему именно сюда, почему именно тут ему положено очнуться после...

После смерти.

Это ад.

Ад, устроенный специально для него.

Ад, где он будет один.

Навсегда.

Он умер и очнулся в собственном, персональном аду.

Его рвет.

Он плюхается на руки, выворачивая содержимое желудка в придорожные кусты. От натуги на глазах выступают слезы, но все равно видно, что рвет его какой-то непонятной прозрачной слизью с легким сахарным привкусом. Все, больше рвать нечем. Поскольку глаза и так мокрые, нетрудно и разреветься. Он рыдает, уткнувшись лбом в бетонную дорожку.

По ощущениям похоже, будто снова тонешь: так же печет в груди, так же борешься с какой-то неодолимой силой, которая тянет тебя в пучину, и бороться с ней бесполезно, ее ничем не остановить, она поглощает тебя, и ты исчезаешь. Лежа мешком на бетоне, он покоряется ее воле, как прежде покорился волнам, накрывающим с головой.

(Хотя с волнами он все-таки боролся, до самого конца, вот.)

А потом изнеможение, пугавшее его с того момента, как открылись глаза, наконец берет верх, и он проваливается в беспамятство.

Глубже, глубже и глубже...

4

— Долго нам еще здесь тухнуть? — заканючила Моника на заднем сиденье. — Я совсем задубела.

— Твоя девушка когда-нибудь затыкается, Гарольд? — поддел Гудмунд, оглядываясь в зеркало.

— Не называй меня Гарольд! — огрызнулся Эйч вполголоса.

— Больше, значит, тебя ничего не возмутило? — Моника обиженно ткнула его в плечо.

— Ты же сама хотела с нами, развлечься, — напомнил Эйч.

— Ага, весело, прям обхочешься. Битый час торчим у флетчеровского дома в ожидании, пока родичи Каллена улягутся и мы наконец умыкнем Младенца Христа. Ты, Гарольд, спец по развлекухе!

На заднем сиденье вспыхнул квадратик света, и Моника принялась демонстративно копаться в телефоне.

— Выключи! — велел Гудмунд, оборачиваясь с водительского сиденья и прикрывая экран рукой. — Заметят свет.

Моника выхватила у него телефон:

— Да ладно, тут никого кругом.

Она снова заскользила пальцем по экрану.

Гудмунд покачал головой и метнул сердитый взгляд на Эйча в зеркало. Странно. Все любят Эйча. Все любят Монику. Но почему-то лишь поодиночке, а вместе Эйч и Моника

всех только бесят. Даже, такое ощущение, самих Эйча и Монику.

— Зачем он нам вообще сдался? — спросила Моника, не отрываясь от телефона. — Младенец Христос, в смысле. Серьезно. Это же, типа, богохульство, нет?

Гудмунд кивнул подбородком на лобовое стекло:

— А это, по-твоему, не богохульство?

Все уставились на масштабную рождественскую сцену, перекрывающую двор Флетчеров, словно группа захвата. Поговаривали, что миссис Флетчер метит не только в местную халфмаркетскую газету, но и гораздо выше — в теленовости Портленда, а может, даже Сиэтла.

Экспозиция начиналась с подсвеченной изнутри оленьей упряжки Санты из яркого оргстекла: тяжело груженные сани, висящие на тросах между домом и соседним высоким деревом, будто бы плавно приземлялись на крышу. Дальше — хлеще. Паутинные нити электрических гирлянд тянулись с каждого выступа, угла и карниза ко всем ближайшим веткам, ножкам и подпоркам. Трехметровые леденцовые трости стояли чатоколом, из-за которого вальяжно помахивали прохожим механические эльфы. Сбоку возвышалась живая шестиметровая ель, вся в огнях, словно собор, а на газоне перед ней прыгал целый рождественский зоопарк (куда каким-то ветром занесло и носорога в красном колпаке).

На самом почетном месте красовался вертеп — из какой-то альтернативной истории, где Иисус родился в Лас-Вегасе. Мария, Иосиф, ясли, сено, мычащая скотина, кланяющиеся пастухи и ликующие ангелы словно застыли в танцевальной сцене из мюзикла.

Посреди этого скопища, прямо в луче света по центру, воздевал ручки Младенец с золотым нимбом, неся человечкам благоволение. Ходили слухи, что он вырезан из привозного венецианского мрамора. Чушь собачья, как потом выяснилось.

— Он из них самый подъемный, этот Младенец, — объяснил Эйч Монике, которая уже не слушала.

— Хватаем — и деру, — добавил Гудмунд. — Не носорога же кантовать. Хотя он-то здесь явный неформат.

— А потом зароем по пояс у кого-нибудь на газоне. — Эйч задрал руки, изображая, как благословляет человеков торчащий из земли Младенец.

— И вуаля! — ухмыльнулся Гудмунд. — Рождественское чудо.

Моника закатила глаза:

— А нельзя просто амфа нюхнуть, как нормальные люди?

Машина затряслась от хохота. Да, жизнь сильно наладится, когда Моника с Эйчем наконец разбегутся.

— Уже одиннадцать почти, — глянув в телефон, сообщила Моника. — Ты же вроде говорил...

И тут наступила темнота — вся флетчеровская экспозиция разом погасла в соответствии с окружным распоряжением о комендантском часе, которое соседи выбивали через суд. Даже сюда, на удаленную гравийную дорожку, донеслось огорченное «у-у-у» из приподнявшихся машин, которые весь вечер тянулись мимо неторопливым потоком.

(Каллен Флетчер, долговязый и нескладный, с самого Дня благодарения до Нового года старался слияться в школе со стенами. Обычно получалось плохо.)

— Ну вот. — Гудмунд потер руки. — Теперь пусть машины рассосутся, и за дело.

— Это кражा, если что, — напомнила Моника. — Они с этой экспозицией носятся, как курица с яйцом, а тут вдруг раз — и Иисус пропал...

— Вот вони-то будет, — расхохотался Эйч.

— Ага, жди! Молча в суд подадут, — возразила Моника.

— Да мы же недалеко его утащим, — успокоил Гудмунд и хитро прищурился. — К Саммер Блейдон, например, будет у них в доме хоть кто-то невинный.

Моника округлила глаза в ужасе, но потом не удержалась и хихикнула.

— Тогда нужно поаккуратнее, чего доброго, нарвемся на какую-нибудь ночную чирлидерскую тренировку.

— А кто секунду назад нас страшал судом? — поинтересовался Гудмунд.

— Я, — беспечно пожала плечами Моника. — И что? Я же не говорила, что не участвую.

— Эй! — одернул ее Эйч. — Ты к нему до утра будешь kleиться?

— Так, заткнулись все! — велел Гудмунд. — Почти пора.

Воцарилась тишина, которую нарушал только скрип ткани по стеклу: Эйч протирал рукавом запотевшее окно. Гудмунд от нетерпения дергал коленом. Машины постепенно редели, но в салоне по-прежнему стояла тишина, потому что все, сами того не замечая, затаили дыхание.

Наконец улица опустела. На крыльце Флетчеров погас свет.

Гудмунд, протяжно выдохнув, с серьезным видом повернулся назад. Эйч кивнул в ответ:

— Погнали.

— Я с вами, — подала голос Моника, убирая телефон.

— Никто и не сомневался, — ухмыльнулся Гудмунд и посмотрел на сидящего рядом, в пассажирском кресле: — Готов, Сет?

5

Сет открывает глаза.

Под ним по-прежнему бетонная дорожка, на которой он свернулся клубком, и все тело ломит от лежания на твердом. Несколько секунд он не может стряхнуть оцепенение.

«Сет. Меня зовут Сет».

Так странно. Он будто не помнил собственного имени до этого сна — или воспоминания — или что вообще это было? Такое отчетливое, такое резкое, что даже больно. И захлестывающий поток информации тоже причиняет боль. Не только имя. Нет, не только.

Он был там на самом деле, так живо не может ощущаться ни воспоминание, ни сон. Он был там, с ними, по-настоящему. С Эйчем и Моникой. С Гудмундом, который всегда за рулем, потому что машина его. С друзьями. В тот вечер, когда они стащили Младенца Христа с газона Каллена Флетчера.

Меньше двух месяцев назад.

«Сет. — Имя ускользает, словно песок сквозь растопыренные пальцы. — Меня зовут Сет Уэлинг».

Меня звали Сет Уэлинг.

Он делает глубокий вдох, и в нос бьет из кустов тошнотворный запах его собственной рвоты. Он садится. Солнце поднялось еще выше. Сколько он здесь уже торчит, а еще, кажется, даже за полдень не перевалило.

Если здесь вообще бывает полдень. Если здесь существует время.

Голова трещит и раскалывается, но сквозь сумятицу ощущений, погребающих его под собой, пробивается какое-то новое и мощное, которое, оказывается, все это время никуда

не девалось, но только теперь для него нашлось определение, слово. Только теперь, когда в мыслях чуть прояснилось и он вспомнил свое имя.

Жажда. Ему хочется пить. Страшно хочется, как никогда в жизни не хотелось. Жажда подбрасывает его на ноги. Колени трясутся, но он удерживается и не падает. Вот, значит, какая неодолимая безымянная сила тянула его в дом.

Теперь, когда у нее есть название, с ней еще труднее бороться.

Сет снова окидывает взглядом безмолвный, пустой квартал, укрытый саваном грязи и пыли. Узнавание, прежде едва уловимое, становится ярче, увереннее.

Да, это его улица, здесь он жил в детстве, здесь был его дом. Налево она ведет к Хай-стрит со всякими-разными магазинами, а справа — теперь он точно помнит — ходят пригородные поезда. Он даже помнит, как считал их. Перед самым переездом из этого крошечного английского пригорода на другой край света, на холоднущее побережье тихоокеанского Северо-Запада, он часто, лежа без сна в предрассветной темноте, считал поезда, будто от этого могло стать легче.

Когда кровать младшего брата у противоположной стены стояла пустая.

Вздрогнув при воспоминании о том лете, Сет гонит его прочь.

Потому что сейчас ведь тоже лето...

Он снова оглядывается на дом.

Свой прежний дом.

Это его прежний дом, совершенно точно.

Выглядит обшарпанным и заброшенным, краска на оконных рамах облупилась, на стенах пятна от прохудившихся

водосточных труб, как и у всех остальных домов по соседству. Дымовая труба просела и частично обвалилась, причем уже в отсутствие хозяев, судя по кучке обломков и кирпичной крошки на карнизе.

«Как? — Сет силился собраться с мыслями, которые глушит жажда. — Как такое вообще может быть?»

Жажда ворочается внутри, как живая. Он никогда ничего подобного не испытывал — распухший язык едва помещается во рту, сухие потрескавшиеся губы кровоточат, когда он их облизывает.

Дом словно поджидает. Возвращаться внутрь не хочется, вот ни настолечко, но делать нечего. Нужно добыть воды. Попить. Входная дверь так и стоит нараспашку, как он ее оставил, выскочив в панике. Он вспоминает потрясение от увиденного над каминной полкой — как удар под дых, от которого раскрываются глаза, и ты понимаешь, в каком аду очнулся...

Но кроме камина, там еще есть столовая, а за ней кухня.

Кухня.

С кранами.

Сет медленно бредет к двери и поднимается на крыльце — теперь он узнает трещину на нижней ступеньке, ту самую, которую так и не заделали, потому что «пустяки, успеется».

Он заглядывает в дом, и воспоминания вновь оживают. Длинный, тонущий в полумраке коридор, оказывается, тот самый, по которому он бесконечное число раз пробегал туда-сюда в детстве, скатываясь с лестницы, что едва различается в глубине. Лестница (теперь он знает) ведет к спальням на верхнем этаже, а оттуда еще выше, в мансарду.

В этой мансарде он когда-то жил. Вместе с Оуэном. Это была их с Оуэном комната до того, как...

Он снова обрывает мысль. От жажды его сгибает почти пополам.

Нужно попить.

Сет хочет пить.

Он повторяет свое имя про себя: «Сет. Меня зовут Сет».

«И сейчас я заговорю».

— Эй? — пробует он. Горло дерет от жажды, там настоящая пустыня. — Эй? — повторяет он, на этот раз громче. — Есть кто-нибудь?»

Молчание. Ни звука вокруг, только по собственному дыханию и догадываешься, что не оглох.

Он стоит в дверях, не решаясь двинуться дальше. Во второй раз войти труднее, гораздо труднее: страх такой плотный, что его, кажется, можно пощупать, — страх перед тем, что еще может ждать внутри, перед тем, почему он здесь и что это означает.

Или что будет означать. Отныне и вовеки.

Однако жажда тоже почти осозаема, и Сет заставляет себя переступить порог, снова взметая облачка пыли. Бинты-обмотки на нем уже давно не белые, на руках и ногах грязные отметины. Прошаркав по коридору, он останавливается у подножия лестницы. Щелкает выключателем — результата ноль, кнопка без толку ходит вверх-вниз. Не решаясь подниматься в темноте, не решаясь даже смотреть на эту лестницу, Сет поворачивается в другую сторону, набираясь храбрости перед тем, как войти в гостиную.

Он делает глубокий вдох — и тут же закашливается от пыли. Но в комнату шагает.

6

Все по-прежнему, ничего не изменилось. Единственный источник света — разбежавшиеся по комнате солнечные лучи, выключатель здесь тоже не работает. Но теперь Сет отчетливо видит, что комната обставлена мебелью из его детства.

Залапанные красные кушетки, одна побольше, другая поменьше, которые отец не хотел обновлять, пока мальчишки не подрастут и не перестанут проливать на них все подряд.

Кушетки с собой в Америку не взяли, оставили тут. В этом доме.

Но что тогда здесь делает журнальный столик, который переехал вместе с ними и должен быть за много тысяч миль отсюда?

«Не понимаю. Ничего не понимаю».

Вот мамина ваза, которая пережила переезд. А вот уродливая тумбочка, которую бросили здесь. А там, над камином...

Его опять будто бьют под дых.

Эту картину нарисовал дядя, и ее увезли в Америку вместе с частью мебели. На ней изображена истощно ржущая перекошенная лошадь с ужасом в глазах и жуткой пикой вместо языка. Дядя рисовал ее в подражание «Гернике» Пикассо, поместив лошадь на фоне разодранного в клочья неба и таких же разодранных тел.

Про настоящую «Гернику» Сету давным-давно рассказал отец, и он давным-давно все понял, но дядина бледная копия все равно оставалась самой первой картиной в Сетовой жизни — первым образцом живописи, который попытался осмысливать пятилетний разум. И поэтому она внушала куда больший ужас, чем оригинал Пикассо.

Что-то кошмарное, жуткое, истерическое, глухое к голосу разума и не имеющее представления о жалости.

И эту самую картину он видел только вчера, если «вчера» здесь еще что-то значит. Если в аду не выключается время. В общем, эту картину он видел на выходе из собственного дома на другом краю света — в последнюю секунду перед тем, как закрыть за собой дверь.

Свою дверь. Не эту. Не из кошмарного прошлого, о котором он старался не вспоминать.

Он смотрит на картину сколько хватает сил, сколько удастся выдержать, чтобы превратить ее в обычный рисунок, но стоит отвернуться — и сердце часто колотится в груди, глаза отказываются смотреть на обеденный стол, который он тоже узнал, и на стеллажи, заполненные книгами, часть которых он читал в другой стране. Со всей скоростью, на которую способны ослабевшие ноги, он спешит на кухню, стараясь думать только о жажде. Прямо к мойке, без оглядки, чуть не плача от предвкушаемого облегчения.

Сет вертит краны, но оттуда ничего не течет, и он невольно стонет от досады. Еще попытка. Один вентиль не поддается совсем, другой, наоборот, прокручивается вхолостую, снова и снова, и ничего не льется.

В глазах опять закипают слезы, жгучие и едкие, слишком соленые от обезвоживания. Он так ослаб, его так шатает, что приходится наклониться, упираясь лбом в столешницу, чувствуя ее пыльную прохладу и надеясь не потерять сознание.

«Конечно, таким и должен быть ад. Само собой. Чтобы тебя мучила жажда, а воды не было. Ясное дело».

Наверное, это наказание за Младенца Иисуса. Моника так и сказала. Под ложечкой сосет при воспоминании о том вече-

ре, о друзьях, о том, как легко и без напряга ему с ними жилось — им нравилась его молчаливость, и ничего, что из-за разницы в английской и американской школьных системах он оказался почти на год младше одноклассников, все они — но Гудмунд особенно, — как и положено друзьям, охотно брали его с собой. Даже на «богохульство».

Они украли Младенца, все прошло до отвращения гладко, выдать их мог только собственный смех, который они с трудом сдерживали. Вытащили фигурку из яслей, поражаясь ее легкости, и поволокли, едва не лопаясь от истерического хохота, к машине Гудмунда. Их так колбасило, что в доме Флетчера даже свет зажегся, когда они неслись прочь по дороге.

Но у них получилось! А потом, как и планировалось, они подъехали к дому капитанши чирлидеров и, шикая друг на друга, вытянули Младенца Иисуса с заднего сиденья.

И Эйч его уронил.

Как оказалось, Младенец все-таки был сделан не из венецианского мрамора, а из какой-то дешевой глины, разлетевшейся вдребезги от падения на тротуар. Оцепенев от ужаса, они застыли над черепками.

«Ну, все, гореть вам теперь в аду!» — заявила тогда Моника, и непохоже было, что она шутит.

В груди Сета зреет какой-то звук — он понимает с удивлением, что это смех. Он открывает рот, и смех вырывается наружу саднящим жутким хрипом, но остановить его Сет не в силах. Он сотрясается от смеха — и ничего, что его сразу мутит, а голову по-прежнему невозможно оторвать от столешницы.

Ад. Точно. Похоже, это он и есть.

Но прежде чем расплакаться снова — в каждой секунде этого смеха таятся подступающие слезы, — он вдруг осознает, что все это время до него доносится еще какой-то звук. Стоны и рев, словно где-то в доме мычит заблудившаяся корова.

Он поднимает голову.

Рев идет из труб. Из крана начинает капать грязная, ржавая вода.

Сет отчаянным рывком кидается к мойке — пить, пить, пить!

7

Вода удивительно мерзкая, металлическая и глинистая на вкус, но Сет не может остановиться. Он жадно пьет все быстрее льющуюся из крана жидкость. После десятого — двенадцатого глотка в животе начинает бурлить, и Сет, отвернувшись, извергает все выпитое обратно в раковину шумным ржавым водопадом.

Потом стоит и тяжело дышит.

Вода уже слегка посветлела, но все равно выглядит малопригодной для питья. Он ждет, сколько удастся выдержать, пока стечет ржавчина, и пьет снова, уже медленнее, с паузами, чтобы отдышаться.

На этот раз вода не просится наружу. Сет чувствует прохладу, разливающуюся от живота. Это приятно, и он снова замечает, как тепло вокруг, особенно здесь, в доме. А еще душно и пахнет пылью, которой покрыто все, куда ни глянь. Руки грязные по локоть, хотя он всего лишь опирался на столешницу.

Однако ему уже чуть лучше, сил чуть прибавилось. Он пьет еще, потом еще, пока жажда не отступает. И когда он наконец распрямляется, головокружения больше нет.

Солнце ярко и горячо светит в дальнее окно. Сет окидывает взглядом кухню. Да, это она, та самая, которая вечно казалась маме слишком тесной, особенно после переезда в Америку, где на любой кухне можно стадо слонов усадить. С другой стороны, в маминых глазах все английское заведомо проигрывало американскому, и неудивительно.

Если учесть, как Англия с ними обошлась.

Он не думал об этом, уже много лет не думал. Незачем было. Кому охота бередить худшее свое воспоминание? Тем более что жизнь продолжается, ты в совершенно новом, неизведанном месте, где так много нужно освоить и столько знакомых завести...

Да, случилось ужасное, но ведь брат не погиб. Да, остались проблемы, да они своими глазами видели по мере его взросления, насколько серьезны могут быть неврологические последствия, но все же брат не умер, и сейчас он вполне стабильный, радостный, прикольный пацан, несмотря на все сложности.

Было, конечно, жуткое время, когда все опасались худшего и, оглядываясь на Сета, снова и снова повторяли, что он ни в чем не виноват, но сами-то думали...

Он выпихивает мысль прочь из головы, сглатывая комок в саднящем горле. А потом смотрит на полутемную гостиную, терзаясь догадками, зачем он все-таки здесь.

С какой-то целью? Чтобы что-то исправить?

Или просто чтобы торчать тут до скончания веков?

Потому что так устроен ад? Ты просто заперт навеки в самом страшном своем кошмаре?

Похоже на то.

Только непонятно, при чем тут эти бинты-обмотки, перепачканные в пыли, но плотно облегающие самые нелогичные части тела. Или вот вода, уже почти прозрачная, с ней тоже непонятки. Если жажда — часть наказания, почему ее можно утолить?

Вокруг по-прежнему ничего не слышно. Ни машин, ни голосов, ни шуршания, ни грохота, ни лязга — ничего. Только шум бегущей воды, который настолько успокаивает, что Сет не в силах заставить себя завернуть кран.

В желудке вдруг начинает урчать. Еще бы, его ведь уже два раза вывернули наизнанку, там совсем пусто. Не успев толком запаниковать — где, спрашивается, в аду найти пропитание? — Сет почти машинально распахивает ближайшую дверцу.

Полки заставлены тарелками и чашками, не такими пыльными, поскольку все же стояли закрытыми, но все равно чувствуется, что к ним давно не прикасались. В соседнем шкафчике бокалы и фарфор, который Сет узнает, — большая часть добралась до Америки в целости и сохранности. Он поспешил открыть следующий. Вот тут наконец-то продукты. Пакеты с крошащимися макаронами; заплесневелые коробки риса, рассыпающиеся под рукой; банка сахара, слившегося в большой ком, который даже пальцем не ковырнешь. В ходе дальнейших поисков обнаруживаются консервы — одни проржавели, другие подозрительно вздулись, но все же есть несколько приличных на вид. Сет вытаскивает банку куриной лапши.

Знакомая марка. Эту лапшу они с Оуэном могли есть бесконечно, каждый раз в магазине прося маму купить побольше...

Нет, стоп. Опасное воспоминание. Сета снова шатает, под ногами словно разверзается пропасть смятения и отчаяния, грозя проглотить, если он посмотрит туда хотя бы краем глаза.

«Это на потом, — говорит он себе. — Ты голодный. Все остальное подождет».

Сам не веря собственным уговорам, Сет заставляет себя перечитать этикетку на банке.

— Суп, — произносит он вслух. Голос по-прежнему сиплый, но все же чуть смягчился после воды. — Суп, — уже тверже повторяет он.

Так, теперь ящики. В первом же он находит открывалку — ржавую и тугую, но рабочую — и не может удержаться от победного «Ха!».

Пробить крышку удается только с семнадцатой попытки.

— Пошли вы все! — кричит он в сердцах и давится собственным криком, застрявшим в измученном горле.

Наконец крышка поддается. Руки болят даже от такой пустяковой работы, и в какой-то момент он пугается, что просто не хватит сил докрутить открывалку до конца. Но злость не позволяет сдаться, и в результате, ценой неимоверных усилий, отверстие в крышке расширяется настолько, что уже можно пить.

Сет запрокидывает голову и подносит банку ко рту. Суп загустел и сильно отдает на вкус металлом, но куриная лапша в нем еще чувствуется. От радости Сет заходится смехом, прихлебывая вязкую жидкость.

Потом щеки становятся мокрыми, и к супу добавляется слезливый привкус слез.

Допив суп, он бухает банку обратно на стол.

«Прекрати. Соберись. Что тебе нужно сделать? Что дальше? — Он слегка выпрямляется. — Как бы поступил Гудмунд?»

И тут, впервые за все время, на лице Сета мелькает улыбка — робкая, едва заметная, но улыбка.

— Гудмунд пошел бы отлить, — сипит он.

Потому что именно этого организма и требует.

8

Он снова оборачивается на темную, пыльную гостиную.

Нет. Не сейчас. Рано. У него пока не хватит духу карабкаться по темной лестнице в ванную на втором этаже.

Взгляд упирается в дверь, ведущую на задний двор (в памяти всплывает словечко из лексикона родителей — «черный ход», так это называется здесь, в Англии). Несколько мучительных минут Сет сражается с заклинившим замком, но вот наконец он снова на залитом солнцем дворе, на террасе, которую как-то летом сколотил отец.

Соседские заборы с обеих сторон будто давят — после американских-то просторов, уже ставших привычными. Лужайка заросла какими-то метелками и сорняками, досягающими Сету почти до макушки, даже когда он стоит на террасе. У дальнего забора виднеется покатая верхушка старого бетонного бункера времен Второй мировой. Мама сперва превратила его в гончарную мастерскую, но по назначению почти не использовала, поэтому вскоре там образовался склад старых велосипедов и поломанной мебели.

За дальним забором высится насыпь, ощетинившаяся поверху колючей проволокой. Дальше ничего не видно, потому что дальше склон.

Но какой же это ад, если из него убрали тюрьму?

Сет отводит глаза, подходит к краю террасы и, подаввшись вперед, готовится отлить в высокую траву.

Ничего.

Ничего.

Он кряхтит от усердия.

Все равно ничего.

Пока наконец под возглас искреннего облегчения в заросли не ударяет жуткая на вид темно-желтая струя.

Сет тут же взвизгивает от боли. Словно кислотой мочишься. Он в растерянности опускает взгляд.

Присматривается.

По всем бедрам и лобку мелкие порезы, ссадины, синяки. В завитушках на лобке запутался какой-то белый пластырь, на голом бедре болтается еще один.

Морщась, он заканчивает мочиться и принимается внимательнее осматривать собственное тело при солнечном свете. На локтевых сгибах тоже сплошные порезы и царапины, такой же пунктир на каждой ягодице. Сет подцепляет пальцем бинты на торсе, пытаясь заглянуть под них. Липучка держит крепко, но в конце концов ее все же удается оторвать. С изнанки у бинтов какая-то непонятная фольга, которая отходит вязкой массой, прихватывая с собой волоски с груди — Сет ими, впрочем, все равно не особенно дорожил. На руках и ногах бинты сделаны так же. Он разматывает и разматывает, оставляя саднящие проплешины в растительности на теле и находя все новые царапины и порезы.

Наконец бинты размотаны и свалены кучей на террасе. Посеревшие от пыли, они бликуют металлической изнанкой, словно нарочно слепя глаза. Никаких надписей на них, судя

по всему, нет, и такой странной фольги Сет не видел прежде ни в Америке, ни в Англии.

Он пятится от бинтов подальше. Что-то в них чудится ино-планетное. Что-то чужое. Захватническое.

Обхватив себя руками покрепче, Сет содрогается в озне-бе, хотя солнце припекает с прежней силой. Теперь он совсем голый, и это нужно срочно как-то исправлять, потому что иначе он чувствует себя до жути уязвимым — буквально весь как на ладони. Где-то рядом таится угроза, она вдруг ощущается совершенно отчетливо. Сет оглядывается на забор, за которым — он помнит — притаилась невидимая отсюда тюрьма, но опасность не там, не в очевидном. Вся эта пыль и сорняки маскируют какую-то иллюзорность. Земля под ногами, якобы твердая, в любой момент может рассыпаться в прах.

Сет стоит, дрожа на солнцепеке, под ясным голубым небом без единого самолета. Потраченные на добывание еды и питья силы вдруг разом покидают его, и изнеможение накрывает с головой, словно одеялом. Он совсем выдохся, он выжат до капли.

Не разжимая объятий, он поворачивается к дому.

Дом ждет, никуда не делся, держа наготове припасенное воспоминание.

9

«Посмотрим, — набрал Сет на экране телефона. — Ты же знаешь мою маму».

«Что ей на этот раз не так?» — ответил Гудмунд.

«Четверка по истории».

«В Америке это называется “В”, дундук. Твою маму колышут ОТМЕТКИ?!?! Она в каком веке застряла?»

«Не в этом. Сам дундук, такие простины катать».

Телефон почти сразу же откликнулся вибрацией входящего звонка, и Сет не удержался от улыбки.

— Я же сказал, посмотрим, — прошептал он в трубку.

— Что ее не устраивает? — возмутился Гудмунд. — Она мне не доверяет, что ли?

— Нет.

— Надо же, я и не думал, что она такая умная.

— Никто не думает. Поэтому она все время злится. Мы тут уже восемь лет, а с ней по-прежнему разговаривают, как с иностранкой, громко и раздельно.

— А она что, не иностранка?

— Ну, из Англии, но язык ведь тот же.

— Не совсем. Ты чего шепчешь?

— Они думают, я еще сплю.

Сет прислушался, не вставая с кровати. Мама топала туда-сюда, разыскивая оуэновский кларнет. Сам Оуэн в соседней комнате играл в компьютерную игру, полную драматичных гитарных соло. Все это перемежалось периодическим стуком молотка из кухни внизу, где отец уже почти год сколачивал какую-то рассчитанную на три месяца самоделку. Типичное субботнее утро, так что нет, спасибо, он лучше полежит тут, пока никто не дергает...

— СЕТ! — донеслось из коридора.

— Мне пора, — бросил он в трубку.

— Давай, Сетти, приходи, — уговаривал Гудмунд. — Сколько раз тебя звать? Предки свалили за город — это же просто открытым текстом сказано: «Гуляем!» Когда еще

шанс выпадет? Один год остался, а дальше разъедемся кто куда.

— Я постараюсь, — скороговоркой заверил Сет, слыша приближающиеся тяжелые шаги мамы. — Перезвоню. — Дверь распахнулась, едва он нажал отбой. — Эй, а стучать кто будет?

— Тебе нечего от меня скрывать.

Мама кривовато усмехнулась — Сет знал, это она так извивается.

— Еще как есть, ты даже не представляешь.

— Кто бы сомневался. Вставай. Нужно собираться.

— А мне зачем?

— Ты не видел кларнет Оуэна?

— Он вполне продержится час...

— Видел или нет?

— Ты меня совсем не слышишь?

— А ты меня слышишь? Где чертов кларнет?

— Откуда я знаю? Я ему в дворецкие не нанимался.

— Последи за языком! — рявкнула мама. — Ты же знаешь, он рассеянный. Не такой собранный, как ты. С тех самых пор, как...

Она не закончила. Не просто умолкла, а оборвала фразу на полуслове. Сету пояснений не требовалось.

— Не видел я кларнет. И все равно не понимаю, зачем мне там с ним сидеть.

— Потому. Что. Я. Хочу. Выйти. На. Пробежку, — сердито чеканя каждое слово, ответила мама и поболтала кроссовками в руке. — У меня и так мало времени на себя, а Оуэн, как тебе известно, не любит оставаться один с мисс Бейкер...

— Да ладно, все с ним нормально, — не уступал Сет. — Просто выделяется, потому что хочет внимания.

Мама со свистом втянула воздух:

— Сет...

— Если я посижу, можно тогда сегодня переночевать у Гудмунда?

Мама помолчала. Гудмунда она недолюбливала, по каким-то необъяснимым даже для самой себя причинам. «Что за имя такое дурацкое? — услышал как-то Сет из родительской спальни. — Гудмунд... Он ведь не швед». — «По-моему, это норвежское», — ответил отец рассеянно. «Ну, так он и не норвежец. Хотя бывают, конечно, американцы, которые не абы кто, а ирландцы там или чероки. Покажи мне еще народ, который не перестанет выделываться, пока не припугнешь». — «Подозреваю, что при тебе в таком случае все послушно, без затей становятся американцами», — съязвил отец, и разговор заглох.

Сет решительно ничего не понимал. Гудмунд — мечта любого родителя. Пользуется популярностью, но не звездит; уверенный в себе, но не наглый; с родителями Сета общается вежливо, с Оуэном тоже, всегда привозит Сета домой вовремя, с тех пор как сел за руль. Ну, старше чуток, как и остальные одноклассники, но ведь всего на десять месяцев, ему семнадцать, Сету шестнадцать, это же ерунда. Они вчетвером (с Эйчем и Моникой) состоят в легкоатлетической команде — здоровый образ жизни, что еще надо? Да, предположим, Гудмунды родичи — те самые кошмарные американские пуритане, от которых у европейцев глаза на лоб лезут, но ведь папа с мамой и сами признают, что люди они неплохие.

Об их с Гудмундом делах они точно ничего не знают, одни смутные подозрения. Хотя там все равно ничего криминального. Никаких наркотиков, алкоголь — да, бывало такое, но за руль пьяными ни-ни. Гудмунд — человек интересный, общи-

тельный, большинство родителей о таком приятеле для сына только мечтают.

А вот мама, видимо, нет. Что-то ее якобы напрягает.

Может, и впрямь.

— У тебя же работа завтра, — напомнила мама, уже почти уступая.

— Только в шесть, — уточнил Сет, стараясь не упрашивать.

— Ладно, — сдалась мама после секундного раздумья. — А теперь все, вставай. Нужно собираться.

— Закрой дверь, — попросил он вдогонку, но мама уже скрылась.

Сет поднялся и натянул через голову футболку с длинным рукавом. Высидеть эту кларнетную тягомотину с Оуэном и пахнущей луком мисс Бейкер, пока мама бежит свой бешеный кросс вдоль берега. А взамен — вечер свободы с участием забытой отцом Гудмунда заначки пива (но только не за рулем, нет, они же просто паиньки, и от этого мамины подозрения еще оскорбительнее, и иногда хочется даже взять и назло ей что-нибудь натворить). Однако в этот раз уговор вполне справедливый.

Что угодно, лишь бы смыться. Что угодно, лишь бы вырваться из клетки. Пусть ненадолго.

Он согласен.

Через пять минут Сет спустился в кухню, одетый.

— Привет, пап! — поздоровался он, прихватывая с полки коробку хлопьев.

— Доброе утро, Сет, — вздохнул отец, сокрушенno разглядывая деревянную раму под новую столешницу, которая, как ее ни подпиливай, все время оказывается не того размера.

— Почему нельзя просто кого-нибудь нанять? — поинтересовался Сет, засовывая в рот горсть хлопьев со вкусом арахисового масла. — Неделя — и все готово.

— А смысл? — рассеянно отозвался отец. — Ручной труд дает душу покой.

Сет слышал это уже много-много раз. Отец преподавал английский в небольшом гуманитарном колледже, который обеспечивал работой около двух третей населения, и самодельные проекты (Сет уже со счета сбился, сколько их всего — терраса в прежнем доме, где он был еще совсем мелким, потом подсобка в гараже, здесь, в Америке, теперь пристройка к кухне, которую тоже непременно нужно делать своими силами) помогали ему не свихнуться после переезда из Лондона в этот крохотный американский городок. В конечном итоге все доделывалось и выглядело вполне добродушно, однако покой в душе, похоже, приносил не столько ручной труд, сколько антидепрессанты, на которых отец сидел. Куда более сильные, чем прописанное некоторым одноклассникам успокоительное, — настолько сильные, что временами отец начинал напоминать призрака в собственном доме.

— Где же я теперь-то просчитался? — пробормотал отец, озадаченно покачивая головой над грудой деревянных обрезков.

Вошла мама и со стуком обрушила на стол кларнет Оуэна:

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что инструмент делал в гостевой комнате?

— А Оуэна не пробовала спросить? — предложил Сет с полным ртом хлопьев.

— Что спросить? — полюбопытствовал входящий Оуэн.

Вот и он. Братик. Со взъерошенными после сна волосами он выглядит гораздо младше своих двенадцати, над губой красные

«усы» от «Кул-Эйда», на подбородке крошки от завтрака, на ногах джинсы, а вместо футболки — верх от пижамы с Коржи-ком из «Улицы Сезам», из которой он уже пять лет как вырос во всех смыслах.

Оуэн. Вечный неряха и раздолбай.

Но мама при виде его сразу расцвела и почти повеселела:

— Ничего, солнышко. Иди умойся и надень чистую рубашку.

Мы почти собирались.

— Я дошел до восемьдесят второго уровня! — возвестил Оуэн, сияя.

— Замечательно, дорогой. А теперь поторопись. Иначе опоздаем.

— Хорошо!

Одарив ослепительной улыбкой Сета и отца, Оуэн вышел. Мама поедала его глазами, словно шоколадное пирожное.

Когда она повернулась, лицо ее озарял такой теплый свет, что Сет с отцом невольно засмотрелись. Возникла неловкая пауза; наконец мама не выдержала и едва заметно смущалась:

— Давай быстрее, Сет. Иначе и в самом деле опоздаем.

Она ушла. Сет так и стоял с пригоршней хлопьев, пока отец не принялся молча пилить несчастную раму. Знакомое желание убраться куда подальше распирало изнутри, такое сильное и осязаемое, что, казалось, загляни — увидишь.

«Еще год, — подумал он. — Всего лишь год продержаться».

Впереди последний, выпускной, класс, а потом в университет — (возможно, если повезет) в один с Гудмундом и, наверное, Моникой. На самом деле неважно куда, лишь бы подальше от этого болота на юго-западе штата Вашингтон.

Подальше от этих чужаков, называющих себя родителями.

*Но потом он вспомнил, что есть отдушины и поближе к дому.
«Час klarнета. И целые выходные свободы».
Мысль отзвалась неожиданной злостью.
И тут же почему-то расхотелось есть.*

10

Сет просыпается на красной кушетке — той, которая побольше, — и снова не сразу стряхивает с себя...

Нет, это не может быть просто сон.

Да, на сей раз он спал, но все равно, слишком все было живо, слишком отчетливо. Никакой зыбкости, никаких внезапных перемещений, неспособности ворочать языком, никаких провалов во времени или логике.

Он был там. Прямо там. Снова. Проживал заново.

Он помнит то утро так ясно, словно только что посмотрел всю сцену по телевизору. Было лето, несколько месяцев до похищения Младенца Иисуса, Сет как раз тогда устроился на первую свою подработку — официантом в местном стейкхаусе. Родители Гудмунда улетели в Калифорнию по делам, оставив сына присматривать за домом, который выходил прямо на холодный, рокочущий washingtonский океан. Эйч и Моника тоже заваливались в гости, и они тупо пинали балду вчетвером — хлебали забытое Гудмундовым отцом пиво, трепались о всяком-разном и закатывались хохотом на любой пустяк.

Суперское было время. Просто сказка, как и все то лето перед выпускным классом, когда невозможноеказалось возможным, любая мечта — лишь руку протяни, и если только уцепиться, задержаться в ней, то все образуется...

У Сета сжимается в груди от горечи, которая грозит захлестнуть, словно утопившие его волны.

Была сказка.

А потом сплыла.

Еще до того, как он умер.

Он садится на кушетке, спускает ноги на пыльный паркетный пол своего прежнего дома. Потом чешет в затылке — странно, волосы такие короткие, какой-то ежик, в настоящей жизни он никогда не стригся так коротко. Встав, Сет смахивает пыль с большого зеркала на стене.

Ну и жесть! Натуральный беженец. Волосы действительно подстрижены почти под ноль, лицо подозрительно осунувшееся, а глаза — как будто он с детства под заборами ночевал.

«Зашибись. Чем дальше, тем прекраснее».

Он вернулся в дом, после того как размотал все бинты. К тому времени усталость уже валила с ног, словно ударная доза анестезии. Он успел только доплестись до большой кушетки, вытряхнуть пыль из наброшенного на спинку покрывала, закутаться в него и провалиться в сон, который больше походил на отключку.

И там ему приснилось. Или он пережил заново. В общем, вот это.

В груди снова давит. Завернувшись в покрывало, словно в пляжное полотенце, Сет топает на кухню со смутной надеждой чем-нибудь поживиться. И не сразу замечает, что свет в дальнем окне изменился.

Солнце всходит. Снова. Снаружи новый рассвет.

Он проспал почти весь день и всю ночь. Понять бы все-таки, как здесь, в аду, устроено время.

Если оно есть. Если здесь не повторяется снова и снова один и тот же день.

Открывалкой на этот раз орудуется легче — сил после сна прибавилось. Фасоль непередаваемо мерзко горчит. Выплюнув все, что попало в рот, Сет шарит в шкафчике в поисках супа.

Супа нет. Там, по большому счету, вообще ничего нет, разве что признать едой мумифицированные макароны. Без особой надежды он крутит ручки на плите — вдруг удастся вскипятить воды? Но газ на горелки не поступает, электричества, чтобы запустить пыльную старую микроволновку, тоже нет. Сколько ни щелкай выключателями, свет не загорается, от холодильника воняет даже сквозь закрытую дверцу, поэтому Сет туда не заглядывает.

За неимением съестного он снова припадает к кухонному крану. Потом, хмыкнув с досады, достает из шкафчика стакан, наполняет уже почти совсем прозрачной водой и выпивает до дна.

«Ладно, — думает он, стараясь унять растущий страх. — Что теперь? Что теперь, что теперь, что теперь?»

Одежда. Точно.

Он все еще не может заставить себя подняться наверх — не готов сейчас смотреть на свою прежнюю комнату, где они жили с Оуэном, здесь, в этом доме, — поэтому идет обратно в гостиную, вспоминая о чулане под лестницей. Позади обеденного стола за двумя дверцами в стене скрываются безжизненные стиралка и сушилка, притихшие, словно скотина в стойле. Не удержавшись от ликующего вопля, Сет выуживает из сушилки серые спортивные штаны. Мешковатые, но не смертельно. Футболки нигде не видно, в стиральной машине тоже ничего, кроме застарелого запаха плесени, зато на

крючке обнаруживается куртка от спортивного костюма. Тесновата в спине, и рукава едва достают до локтей, но прикрыться можно. Пошарив по темным полкам чулана, Сет находит одну поношенную черную парадную туфлю и одну гигантскую тенниску — не пара, зато на разные ноги и не жмут.

Сет возвращается к зеркалу в гостиной. Похож на бездомного клоуна, но хоть не голый, и то хорошо.

«Ладно. Идем дальше».

Желудок тут же откликается угрожающим ворчанием — и не от голода. Сет выскакивает наружу, в уже помеченный уголок с высокой травой, чтобы справить еще более неприятную нужду. Живот пучит, гораздо сильнее, чем бывает от куриной лапши и ложки протухшей фасоли. Это все голод, это он выкручивает желудок, словно тряпку.

Мучиться животом и так несладко, но Сету, пристроившемуся в неприлично высокой траве рядом с террасой, где громоздятся сваленные кучей бинты, с видом на колючую проволоку вдоль насыпи, вовсе не от этого делается все хуже и страшнее.

Тюрьма за насыпью.

Как только отпускает, он возвращается в дом и кое-как умывается холодной водой из-под крана и застывшей жидкостью для мытья посуды. Вытереться нечем, поэтому он сохнет так, думая, что же теперь.

Вот он тут. В пыльном старом доме, где нет никакой еды. В каких-то жалких обносках. Пьет воду, которой, возможно, травится.

Он не хочет наружу, но торчать тут безвылазно тоже не вариант.

Как же быть?

Нашелся бы тут кто-нибудь, кто может помочь... С кем можно посоветоваться. С кем можно разделить эту бредятину.

Но никого нет. Он тут один.

Пустые кухонные шкафы стоят нараспашку.

Здесь нельзя оставаться — без еды, в не пойми какой одежде...

Он поднимает глаза к потолку — может быть, все-таки осмотреть верхние комнаты?

Нет. Только не это. Не сейчас.

Кухню постепенно заливает восходящее солнце.

«Ладно, — говорит он себе наконец. — Пойдем посмотрим, какой он, этот ад».

11

Открывая входную дверь, Сет замечает, что замок поставлен в положение, не дающее захлопнуться. Он всю ночь проспал в незапертом доме. И хотя вокруг по-прежнему никого, становится не по себе. Замок захлопывать нельзя, иначе как он попадет назад? Сет выходит на неяркое солнце, осторожно притворяя дверь за собой и надеясь, что она хотя бы выглядит запертой.

Улица такая же, как вчера. Или когда там? Условно вчера. Он ждет, присматриваясь. Ничего не меняется, и он сходит с крыльца, идет по дорожке, где он... где он что? очнулся? воскрес? умер? Проскочив это место поскорее, он доходит до небольшой калитки, ведущей в переулок. И останавливается.

Все так же тихо. Все так же пусто. Словно застыло во времени.

Сет пытается припомнить, как выглядели окрестности, когда он здесь жил. Справа станция — собственно, одно толь-

ко станционное здание, ничего примечательного. А вот налево — дорога к Хай-стрит, где находился супермаркет. И одежные магазины там вроде бы тоже имелись. Без шика, но однозначно лучше надетого на нем сейчас.

Значит, налево.

Налево.

Он не двигается с места. Мир вокруг тоже.

«Либо налево, либо сиди тут и дохни от голода».

На секунду второй из вариантов кажется заманчивее.

— Плевать! — говорит он наконец. — Ты и так помер. Что с тобой еще может случиться?

Он сворачивает налево.

Сет идет ссугулившись, сунув руки в карманы спортивной куртки, хотя они и оказались чуть не под мышками. Чья это была куртка? Папа вроде никогда ничего подобного не носил, но кто в детстве запоминает, что на ком надето?

Он украдкой посматривает по сторонам, часто оборачивается — нет ли кого сзади? Доходит до улицы, ведущей к центру. Если не считать огромного провала посередине, в котором кустится целая роща сорняков, все так же, как и везде. Покрытые слоем пыли машины на ободах, облупившиеся дорма и никаких признаков жизни.

Он останавливается на краю ямы. Похоже, где-то прорвало трубу и подмыло асфальт, как иногда показывают в новостях; там еще обычно вокруг вертолеты с журналистами и долгие паузы в эфире.

Покореженных машин в провале нет, и на краю тоже, так что, видимо, все обрушилось уже после того, как в городе прекратилось движение.

«А что, если оно и не начиналось? Что, если этого места вообще не существовало, пока я...»

— Хватит! — обрывает он себя. — Ну-ка, прекрати!

«Как-то подозрительно много здесь растительности», — мелькает неожиданная мысль. Все эти сорняки и непонятная трава, прущая из всех щелей, как, например, здесь, в этой огромной дыре.

Тогда получается, здесь могут быть и...

Не успев додумать слово «звери», он замечает лису.

Она застыла там, на дне, притаившись в зарослях, и удивленно поблескивает глазами из темноты.

Лиса.

Настоящая, живая лиса.

Она моргает настороженно, но пока без испуга.

— Что за фигня? — шепчет Сет.

С едва слышным тявканьем через спину лисы неуклюже перебираются три лисенка — и тоже замирают при виде стоящего над ними Сета.

Они смотрят, готовые в любую секунду сорваться с места, и ждут, что он сделает дальше. Этого Сет и сам не знает. Глазеет на рыжие морды и блестящие глаза. Пытается прочесть в них, что все это значит.

Наконец, вечность спустя, он отодвигается от провала, но лиса с детенышами продолжают смотреть ему вслед.

«Лисы, — думает он, шагая по улице. — Настоящие лисы».

Возникшие точь-в-точь тогда, когда у него мелькнула мысль о зверях.

Словно он сам их придумал.

Он спешит к Хай-стрит, все так же набычившись и ссугулившись, еще более подозрительно поглядывая по сторонам. Такое ощущение, что в любой миг кто-то выскочит из кустов, зарослей на газоне или трещин в мостовой.

Но ничего не происходит.

Силы снова утекают быстро, слишком быстро — добравшись до пешеходной Хай-стрит, Сет валится на ближайшую скамейку, тяжело дыша после короткого подъема в горку.

Его берет досада и злость. Три года состоял в школьной легкоатлетической команде, унаследовав любовь к бегу по пересеченной местности от матери (общее хобби почему-то не сблизило их, а скорее наоборот). Да, предположим, звездой команды он не был, школа Босуэлл-Хай часто плелась в хвосте, но все-таки... Не настолько же, чтобы выдохнуться за несчастные пять минут ходьбы.

Он вертит головой. Хай-стрит — это на самом деле просто длинная узкая площадь, перегороженная с обоих торцов рядом металлических столбиков. Когда мама водила их сюда с Оуэном, на каждом шагу продавались засахаренный миндаль и попкорн, свечи ручной работы и браслеты, якобы помогающие от артрита, часы с этническим орнаментом и картины, которые даже карапузу Оуэну казались уродскими.

Теперь тут нет ничего. Огромное пустое пространство, буйно поросшее вездесущими сорняками, в окружении заброшенных домов — все как везде.

Еще чуть-чуть посидев, Сет встает со скамьи.

Он не выдумывал лису. Это не он. Лиса просто сидела там, в зарослях, он ее увидел, вот и все. Он уже стольких людей здесь успел вспомнить — и родителей, и Оуэна, и Гудмунда,

и Эйча, и Монику, даже дядю, который рисовал картину над камином, — но ведь никто из них тут не объявился.

По всем признакам и вопреки всем чаяниям это все же Англия, так почему бы тут не быть лисам? Лиса в Англии почти национальное животное. Когда он здесь жил, они часто попадались на глаза, семенили по улицам — по-взрослому так, слегка высокомерно. Лисы — это нормально. Что тут такого?

Но лисам надо что-то есть. Сет скользит взглядом по деревьям, растущим в кирпичных кадках вдоль улицы, высматривая птиц, или, может, белок, или крыс. Какая-то живность должна быть. Если есть одна лиса, должны быть и другие, еще кто-нибудь.

Или как? Или все-таки он их выдумал?..

— Ау, — произносит он, заодно обрывая неприятную мысль, но как-то не очень получается.

— Ау... — пробует он опять, сам не зная зачем, просто чтобы нарушить тишину.

И еще раз, громче.

— Ау! — зовет он, вставая. — АУ-У-У!

Он кричит снова и снова, сжав кулаки, кричит до хрипа, до боли в саднящем горле, пока не срывается голос.

Только тут он замечает, что щеки все мокрые от слез.

— Ау... — шепчет он.

Никто не откликается.

Ни птица, ни белка, ни лиса, ни лисята.

Никто ниоткуда.

Он тут один.

Сглотнув, он морщится от боли в горле и отправляется дальше на поиски.

12

Все магазины на Хай-стрит закрыты. Солнце светит ярче, и Сету приходится приставлять ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в бликующие витрины. Некоторые заведения — пончиковую, «Сабвей», какой-то «Топшоп» — явно выпотрошили подчистую, оставив только пустые полки и вешалки, разбросанную по полу упаковку и выстроившиеся вдоль стены голые манекены.

Однако не все магазины стоят пустые. Вот благотворительная лавка — если вдруг понадобится чайный сервис или связка заплесневелых бульварных романов, бери не хочу. А вот салон свадебных платьев — нет, спасибо, такое он на себя даже в аду не наденет.

Следующий в ряду магазин туристского, рыболовного и охотничьего снаряжения. Сет заглядывает в витрину — и сердце чуть не выпрыгивает из груди.

— Да ладно, — шепчет он. — Да ладно...

Внутри чего только нет — и рюкзаки, и походная утварь, и еще куча разной невообразимо полезной всячины.

«Как по заказу», — мелькает настороженная мысль, которую Сет тут же гонит прочь. Туристские магазины есть по всему миру, почему бы одному такому не оказаться здесь?

Стеклянная дверь заперта, и Сет, оглянувшись в поисках чего-нибудь тяжелого, замечает вывалившиеся из кадки с деревом кирпичи. Он подбирает один из обломков, но даже в этом безлюдном, заброшенном месте все внутри протестует против того, что нужно сделать, поэтому он просто подбрасывает обломок в руке. Он играл на физкультуре и в бейсбол, и в баскетбол. Первый — скучища смертная, второй —

ничего так, можно побегать и покричать, не особенно выкладываясь, потому что рядом есть кому играть всерьез. Зато уж бросок он осилит — только чудес меткости и дальности не ждите.

И все равно — кирпичом в стеклянную дверь...

Он снова оглядывается. Потом еще раз. Нет, никого.

— Ну, была не была... — шепчет он.

Замахнувшись, он кидает что есть сил.

От звона разбившегося стекла закладывает уши — словно мир рушится. Сет инстинктивно пригибается, готовясь оправдываться, что это не он, что это случайно...

Но рядом, конечно, никого нет.

— Идиот, — констатирует Сет со сконфуженной улыбкой.

Потом выпрямляет спину и, гордясь тем, что хоть что-то совершил, вразвалочку идет к зияющему проему.

Оттуда выплескивается сгусток верещащей темноты и проносится над ним на сверхзвуковой скорости. Сет падает на землю, прикрывая голову руками и вопя от ужаса...

И тут же все снова замирает, вокруг тишина, слышно только его учащенное дыхание.

Сгусток в паническом шелесте крыльев исчезает за крышей заколоченного книжного магазина.

Летучие мыши.

Мыши!

Рассмеяввшись, Сет встает, выбивает торчащие в проеме осколки стекла и осторожно пролезает внутрь.

Магазин — настоящая пещера с сокровищами.

Сет хватает рюкзак со стойки. Рядом целый стеллаж с фонариками — сперва восторг, потом выясняется, что батареек

нигде нет. Но он все равно забирает тот, что побольше, — длинный и тяжелый, вполне подойдет для обороны, даже если и не будет светить. Дальше сублимированные продукты: мерзкие на вид мороженые фрикадельки, суп с сушеными овощами и прочая малоаппетитная фигня, но это лучше, чем ничего. Еще он находит стопку походных газовых плиток — хорошая вещь, только не взорвалась бы в руках при попытке разжечь...

Магазин, кажется, закупорили на совесть, получше, чем его дом, поэтому пыли здесь поменьше. Аптечки на полке практически чистые, и Сет запихивает одну в рюкзак, потом останавливается в задумчивости. Берет с полки еще одну аптечку, открывает. Там обычный набор: бинты, спиртовые салфетки... А, вот, у задней стенки упаковка с ярлыком «изоляционная лента». Он раздирает ее зубами. На пол вываливается ролик лейкопластиря.

Даже не подбирая его, Сет видит, что изнанка покрыта блестящей фольгой.

Он вертит в руках пустую упаковку, но, кроме «изоляционной ленты» там ничего не написано, если не считать инструкции в картинках, как этот пластырь наклеивать. Ни зачем он нужен, ни в каких случаях применяется, ни на кой черт обматывать им половину туловища...

— Изоляционная лента...

Будто и так все понятно, без объяснений.

Оставив пластырь валяться на полу, он отходит к одежным стойкам в глубине зала.

Там столько всего, что Сета разбирает радостный смех. Даже белье есть. Ну да, термобелье. Для лета, может, слегка жарковато, но Сет, не раздумывая, скидывает свои растяну-

тые треники и облачается в термошорты. Чистая ткань приятно освежает, и сразу становится так хорошо, что хочется сесть.

Остальная одежда в основном для горного спорта и пеших походов, но футболки, шорты и навороченная ветровка в наличии имеются. Поверх термобелья он надевает вместо прежних спортивных штанов почти такие же, только новые и дорогие, хоть на бомжа будет не похож. А еще тут не сосчитать сколько носков.

Подходящая обувь находится не сразу — только пробавившись в подсобку через воняющую аммиаком кучу помета от летучих мышей, он подбирает пару своего размера. Все, вроде бы экипировался полностью. Прихватив добычу, Сет выходит наружу, на солнце.

И тут же взмокает во всей этой теплой, непродуваемой одежде.

На какой-то миг ему все равно. Он просто закрывает глаза, подставляя лицо солнечным лучам, и впитывает тепло. Он не голый, не в грязных бинтах, не измазан в пыли. На нем чистая одежда и новая обувь, и впервые после смерти он чувствует себя почти человеком.

13

Супермаркет в конце Хай-стрит просторнее и темнее остальных магазинов, но за стеклянной витриной вроде бы угадываются какие-то очертания на стеллажах. Поправив рюкзак за спиной, Сет с запозданием осознает, что продукты класть некуда, потому что все доверху забито вещами. Он начинает вытаскивать вещи с мыслью сложить их на мо-

стовую и забрать позже, но тут взгляд его упирается в стену супермаркета.

То что надо!

Битых пятнадцать минут уходит на то, чтобы выкорчевать проржавевшую тележку из колонны составленных одна в другую, но в конце концов получается, и даже колеса почти крутятся, если навалиться посильнее.

Во второй раз проламывать дверь кирпичом уже легче, а вот внутри оказывается неожиданно темно. Потолок низкий, стеллажи перегораживают весь обзор — кто его знает, что прячется внутри? Сет вспоминает летучих мышей. А если там кто-то покрупнее лисицы? Как у Англии с крупными хищниками? В Америке, например, водятся горные львы и медведи в лесах, но насчет Англии ничего такого не припоминается.

Он вслушивается в тишину.

Ничего. Только собственное дыхание. Ни гудения ламп, ни шорохов. Хотя, возможно, все просто притаились, услышав оглушительный звон разбитого стекла.

Он выжидает. По-прежнему ничего.

Тогда он наваливается на неповоротливую тележку и толкает ее по проходу.

В продуктовых секциях шаром покати. Лотки для овощей и фруктов стоят выпотрошенные, только на дне кое-где виднеются сморщеные шкурки. Сет ходит от стеллажа к стеллажу, и надежда тает. Если какие-то товары и попадаются, то с ними та же история, что с продуктами в кухонном шкафчике. Пыльные коробки, рассыпающиеся от одного прикоснения; банки с когда-то красным, а теперь почерневшим томатным соусом; упаковки яиц, растерзанные каким-то голодным зверем...

О, за углом картина поприятнее. Батарейки, целые ряды батареек! Много проржавевших, но есть и нормальные. С третьей-четвертой попытки большой фонарь наконец включается.

Сет шарит лучом по длинному темному проходу, где громоздятся целые сугробы муки.

Пристроив фонарь на тележке, он объезжает оставшуюся часть зала, не находя больше ничего ценного, кроме бутылок с водой. В конце концов до него доходит, что поживиться здесь не удастся — какой ему толк от ссохшихся в упаковке батонов, от выключенных холодильников, поросших черной плесенью, которая воняет протухшими оливками, и от пакетов обратившегося в пыль печенья и крекеров? Вся надежда только на две пары стеллажей в отделе консервов.

И опять большая часть банок либо проржавела, либо вздулась так, что, кажется, слышно урчание бактерий внутри. Но луч фонаря выхватывает на полках одну за другой вполне приличные, хоть и пыльные, банки. Сет сваливает в тележку супы, макароны с соусом, кукурузу, горошек и даже — какое счастье! — заварной крем. Банок целое море, его и за несколько набегов не вычерпаешь.

Питание можно считать обеспеченным. На какое-то время. На которое он тут застрял.

Темнота и тишина вдруг начинают давить, несмотря на обнадеживающую тяжесть фонаря в руке. Слишком плотные они, слишком душат.

«Перестань! — велит он себе. — Так крыша может совсем поехать».

Потом все-таки наваливается на тележку и выбирается наружу, на солнце.

Силы снова куда-то утекают, он чувствует. А еще просыпается голод и грызет изнутри, почти такой же нестерпимый, как вчерашняя жажда. Ухватив краем глаза какую-то зелень за углом супермаркета, Сет припоминает там небольшой сквер, спускающийся по склону в низину с фонтанами и дорожками.

Кряхтя от натуги, он толкает тележку до сквера. Тот, разумеется, разросся в джунгли, но прежние очертания еще угадываются. Даже песочница неподалеку от входа осталась. Чуть ли не единственное место, где нет сорняков.

— Пойдет! — говорит Сет и скидывает рюкзак со спины.

По инструкциям на плитке он разжигает огонь, и в баллоне даже остается достаточно бутана, чтобы разогреть банку спагетти, открытую куда менее проржавевшей открывалкой, которую он тоже прихватил в магазине. И только когда спагетти уже булькают, Сет понимает, что не взял ни вилок, ни ножа. Он выключает плитку. Ничего не поделаешь, придется ждать, пока остынет слегка.

Достав из тележки бутылку с водой, он смотрит ее на свет. Вроде прозрачная, прозрачнее, чем из крана, но примерно половины не хватает, хоть крышка и запечатана. Сет откручивает крышку, и газ вырывается с легким шипением. Пахнет нормально, не протухла вроде, поэтому он отпивает глоток и оглядывается раскинувшись внизу парк.

Место знакомое (если закрыть глаза на заросли), но что из этого? Даже если все вокруг точь-в-точь как в городе его детства, застывшем во времени, еще не факт, что это он, тот город, и есть.

Да, все кажется настоящим. И на ощупь, и уж точно на запах. Но сам-то он тут, похоже, не взаправду, а значит, какая,

простите, реальность? Если это просто пыльные глубины памяти, в которых он почему-то залип, тогда это вообще не место, а, например, последние секунды перед смертью, перетекающие в вечность. Застывшее мгновение из худшего периода твоей жизни, разлагающееся, но не умирающее до конца.

Он отхлебывает еще воды. Настоящий парк или нет, но лучше он точно не стал. В нем и раньше веселого было мало — песочница и небольшая детская площадка у входа, а дальше крутой склон, перегороженный посередине большой кирпичной стеной, так что даже скейтерам не разгуляться. В основном сюда приходили на перекур всякие работники с Хай-стрит.

Зато тут есть пруд — вон он, внизу, похож на фасолину контуром и на удивление чистый. Сет думал, он будет весь зеленый от ряски, но нет, вода манит прохладой и свежестью. Посередине торчит каменный островок, на котором обычно чистили перья утки. Сегодня уток нет, но солнце светит так ярко, погода такая теплая, что кажется, утки вот-вот пожалуют.

Сет поднимает голову — вдруг действительно появятся, вызванные его мыслями? Но нет, уток нет.

Он совсем запарился в походной одежде, а пруд так и зовет окунуться — прыгнуть в воду, поплавать, освежиться, даже вымыться, и потом просто покачиваться в воде, как поплавок...

Стоп.

«В воде, как поплавок»?

Ужас, чистый, неприкрытый ужас, которому нет конца. Со страхом можно бороться, когда знаешь, что есть выход, а из этих ледяных волн, из смертельных объятий океана, которо-

му нет до тебя дела, который только вертит тебя, как в барабане стиральной машины, заливаясь в легкие, швыряя тебя об скалы...

Сет щупает лопатку в том месте, где она треснула. Он помнит резкую боль, помнит непоправимое «хрясь» ломающихся костей. Его слегка мутит при воспоминании, хотя вот оно плечо, на месте, работает, двигается.

Где, интересно, его тело?

Где угодно, только не здесь. Видимо, там, где он умер, вот только где? Может быть, вынесло на берег? Догадаются ли вообще искать его в океане или на берегу? Ему ведь нечего там было делать, там в принципе никого не бывает в это время года. Промерзший насквозь суровый каменистый пляж... Кому придет в голову в такую пору бродить у воды, а тем более лезть туда?

По своей воле — ни за что.

Только под нажимом.

В животе снова леднеет — при воспоминании о последних минутах на берегу становится еще муторнее. Завинтив крышку бутылки с водой, Сет заставляет себя приняться за остывшие спагетти. Он опрокидывает банку в рот и прихлебывает, пачкая соусом новую футболку — ну и черт с ней.

Интересно, как сообщают родителям? Может, тело найдут, когда он уже будет числиться в розыске? А может, его даже не успеют хватиться, и родители, открывая дверь на звонок, будут ожидать кого угодно, только не полицейских с фуражками в руке? Или они просто будут волноваться, с каждым часом все сильнее, пока не станет ясно: что-то случилось.

Или, если время там течет так же, как здесь (сомнительно, конечно), если учесть здешнее жаркое лето и тамошнюю ле-

дянью зиму; к тому же неизвестно, сколько он валялся на дорожке, прежде чем очнуться), возможно, он погиб только по завчерашним вечером или даже вчера на рассвете. Так что, может, они даже не заметили еще. Думают, что он ночует у друга на выходных. У Оуэна кларнет, у мамы пробежки, у отца ремонт в ванной — где уж тут пересчитывать домочадцев.

Его и так вниманием не баловали. После случившегося.

Может, они даже радуются тайком, что это он утонул, а не Оуэн. Что Сет больше не будет ходить по дому живым напоминанием о том, что случилось тем летом, еще до Америки. Может...

Сет ставит опустевшую банку из-под спагетти и вытирает губы рукавом.

Потом вытирает другим рукавом глаза.

«Получается, можно умереть прежде смерти».

В парке никого нет, никто в целом мире не видит, как он сидит на бортике песочницы, но Сет все равно утыкается лбом в колени, чтобы не показывать никому льющихся ручьями слез.

14

— *Нет, вы только полюбуйтесь!* — пробурчала Моника, когда они устроились на склоне подальше от глаз тренера, наблюдая, как выделяется на футбольном поле команда поддержки. — *Натуральные сиськи так торчать не могут.*

— *Aх, эта бодрящая осенняя прохлада,* — с усмешкой процитировал Эйч их «литератора», мистера Эдсона. — *Все крепнет и встает торчком.*

Моника отвесила ему подзатыльник.

— Эй! — возмущался Эйч. — Ты чего? Сама сказала, «полюбуйтесь»!

— Ну, не тебе же.

Шла вторая неделя выпускного класса, начало сентября. Дружно срезав на всем известном месте угол кроссового маршрута, они уселись почти перед самым финишем, обеспечивая себе двадцать минут форы. В непривычно голубом небе сияло солнце, но ветер с океана нес почти морозную свежесть.

«А ведь красиво здесь, если присмотреться», — подумал Сет.

— Крепнет? — переспросил Гудмунд, вытягиваясь на травянистом склоне. — Поэтому у тебя неопадающий стояк всю осень?

— Скажи лучше, весь год, — пробормотала Моника.

— Вы, главное, детки, про защиту не забывайте, — подмигнул Гудмунд.

Моника сердито сверкнула глазами:

— Я с ним вообще размножаться не собираюсь.

— Ну, спасибо! — надулся Эйч.

— Вон они опять, — подал голос Сет.

Все посмотрели на поле — да, действительно, белокурые и черногривые племенные кобылки Босуэлл-Хай снова начали свои цирковые номера. «Хотя за что мы их так? — подумал Сет. — Они же не все стервозины». Четверка дружно проводила взглядом Кьяру Лейтхаузер (как раз из стервозин), которая, отделившись от табунчика, двинулась к школе.

— Куда это она? — протянул Гудмунд.

— Забыла погонять шкурку у директора Маршалла, — ухмыльнулся Эйч.

— Ну что вы, — сощурилась Моника. — Кьяра не такая. Блейку Вудроу даже за лифчик подержаться не дает.

— Молодец, — пожал плечами Гудмунд.

Моника засмеялась, но, не услышав отклика, посмотрела на Гудмунда пристально:

— Ты серьезно, что ли?

Гудмунд снова пожал плечами:

— Значит, есть у девочки принципы. Что в этом плохого? Кто-то должен противостоять нам, раздолбаям.

— Так мы и скажем тренеру Гудолу, когда он нас возьмет за жабры, — предложил Сет.

Только теперь они заметили идущего к ним по полю тренера, который сердито поглядывал на часы, недоумевая, куда за пропались ведущие бегуны команды.

— В принципах ничего плохого нет, — буркнула Моника. — Плохо, когда ими тычут в нос другим, типа, она королева, а остальные — грязь из-под ногтей.

— Принципы — это ведь просто мнение, — заметил Гудмунд. — Она считает так, ты можешь по-другому.

Моника открыла рот, чтобы возразить, но задохнулась, сраженная внезапной догадкой:

— Она тебе нравится!

Гудмунд сделал невинное лицо.

— Точно! — Моника чуть не взвизгнула. — Боже, Гудмунд, ты бы еще в надзирательницу из концлагеря втрескался.

— Не передергивай, где я сказал, что она мне нравится? — уточнил Гудмунд. — Я просто не прочь ей вдуть.

Сет повернулся к нему:

— Вдуть? В смысле...

Он дернул бедрами вперед-назад, и все уставились на него в ужасе.

— Вы чего так смотрите?

Моника помотала головой:

— И не мечтай. Она по ходу решила, что радости в жизни выдаются ограниченными дозами, поэтому на школу их тратить не собирается.

— Таких обычно проще всего завалить, — заявил Гудмунд. — У них от нагромождения принципов равновесие нарушено. Только пальцем ткни, они брык — и ноги врозь.

Моника снова покачала головой, улыбаясь, как обычно:

— Что ты несешь?

— А знаете что? — загорелся Эйч. — Давайте забьемся? Посторим, что Гудмунд переспит с Кьярой Лейтхаузер, например, до весенних каникул. Как раз для тебя дельце. Покажешь ей сад наслаждений.

— Сказал тот, кому до этого сада еще пилить и пилить без карты, — хмыкнула Моника.

— Эй! — обиженно протянул Эйч. — Мы же договаривались не трепаться о личном.

Моника фыркнула и отвернулась.

— Что скажешь, Сетти? — поинтересовался Гудмунд, переводя стрелки, чтобы избежать ссоры. — Имеет смысл? Стоит мне kleить Кьяру Лейтхаузер?

— Ага, — кивнул Сет. — Потом ты обнаружишь у нее тонкую душу и влюбишься по-настоящему, а она бросит тебя, когда узнает про пари, но ты докажешь свои чувства, распевая серенады под дождем на ее пороге, и на выпускном вы станете танец, который будет символизировать не школьные годы, а весь тот хрупкий мир, имя которому любовь...

Он замолчал под ошеломленными взглядами остальных.

— Боже, Сет! — восхищенно прошептала Моника. — «Хрупкий мир, имя которому любовь». Вставлю в следующее эссе для Эдсона.

Сет скрестил руки на груди:

— Я всего лишь имел в виду, что ваше пари — просто сценарий для какой-нибудь сопливой киношки, которую никто из нас даже в гробу смотреть не станет.

— И то правда, — согласился Гудмунд, вставая с травы. — Все равно она не мой тип.

— Конечно, — кивнула Моника. — Бедняжке и так досталось — встречаться с самым крутым, красивым и упакованным парнем школы.

Эйч возмущенно фыркнул:

— Не такой уж Блейк Вудроу и красавец.

Остальные снова вытаращили глаза.

— Достали уже так делать! Что я такого глупого сказал? У Блейка Вудроу девчачья стрижка и лоб, как у неандертальца.

— Ладно, может быть, — признала Моника после короткой паузы.

— И Гудмунд вполне мог бы ее отбить при желании, — продолжил Эйч, последним поднимаясь с травы.

— Спасибо, друг, — кивнул Гудмунд. — От тебя это почти комплимент.

— Что, даже пытаться не будешь? — не сдавался Эйч.

Моника отвесила ему еще подзатыльник:

— Хватит! Может, она и овца, но не шлюха. Перестаньте обсуждать ее как товар в магазине... — Она оглянулась на Гудмунда: — Ты тоже.

— Я же не всерьез, ты, феминистка... — улыбнулся Гудмунд. — Просто сказал, что может обломиться. Если захочет.

Моника, показав ему язык, потрусила через поле на маршрут, Эйч за ней; оба старательно пыхтели, делая вид, что последние полчаса бежали на пределе сил.

Гудмунд обернулся к Сету, который смотрел на него без улыбки:

— Думаешь, у меня бы не вышло?

— Моника бы от ревности задохнулась, наверное, — сказал Сет на бегу. Они постепенно догоняли убежавшую парочку.

Гудмунд мотнул головой:

— Не, мы с Моникой как брат и сестра.

— Ты с сестрой тоже так заигрываешь? И сестра тоже хочет тебя до зубовного скрежета?

— Да ладно, Сетти, может, это не она ревнует, а кое-кто другой? — Гудмунд шутливо толкнул Сета в плечо. — Дундук, — добавил он беззлобно.

Поджидавший их тренер Гудол уже брызгал слю...

15

Сет вскидывает голову.

Мир вокруг все тот же. Солнце на прежнем месте. Парк все такой же заросший. Нет даже ощущения, что задремал и очнулся.

Он стонет от досады. Что, вообще теперь глаза не закрывать? Каждый раз будут эти мучительные воспоминания — мучительные по-разному, какие-то слишком хорошие, какие-то кошмарные?

«Это же ад, — напоминает он себе. — В аду положено мучиться».

Собрав вещи, Сет толкает тележку к Хай-стрит, снова начиняя выдыхаться.

— Глупо... — пыхтит он, обливаясь потом под термобельем. На плечи давит рюкзак, нагруженная банками тележка еле ворочается. Остановившись у дверей супермаркета, он переодевает испачканную соусом футболку и сгружает половину банок на землю — позже заберет.

Утерев пот со лба, Сет отхлебывает воды. На Хай-стрит все по-прежнему. Осколки стекла под дверью в туристский магазин поблескивают на солнце. Летучие мыши улетели бог весть куда. Повсюду сорняки и тишина.

Бескрайнее море тишины.

Вот снова это ощущение. Какая-то странность. Угроза. Что-то здесь не так, помимо очевидного.

Опять приходит на ум тюрьма. Она притаилась где-то вдалеке, невидимая, и словно поджидает. Массивная, грузная, она будто тянет к себе, как огромная планета...

Наверное, нужно отвезти продукты домой.

Да, наверное, так он и сделает.

Почему-то толкать тележку по главной улице все тяжелее и тяжелее, тело ломит, словно он подхватил грипп. На подходах к провалу — лисы с лисятами уже давно нет — он уже еле плется, словно пробежал марафон. Приходится остановиться и хлебнуть воды.

Сет сворачивает на свою улицу. У самого дома тележка становится неподъемной, и, как ни боязно оставлять все добро в переулке, тащить добычу внутрь сил нет никаких. Прихватив рюкзак, фонарик и пару банок, Сет идет в дом.

Дверь снова распахивается от одного касания, и Сет поднимает фонарь над головой, не собираясь давать себя в обиду, если его вдруг караулят внутри. В коридоре по-прежнему полумрак, поэтому Сет освещает себе путь фонарем. Неплохо было бы подогреть заварной крем, если он не прокис в этих банках. Он не ел заварного крема с тех пор...

Сет застывает как вкопанный.

Луч фонаря уткнулся в лестницу, и, впервые посмотрев на нее как следует, впервые увидев ее при свете, Сет замечает...

Следы.

Отпечатки ног в пыли на ступенях.

Он тут не один. Тут есть кто-то еще!

Сет отшатывается так поспешно, что задевает рюкзаком дверь за спиной, и она захлопывается. На секунду его охватывает дикий страх оказаться запертым внутри с тем, кто тут еще есть. Развернувшись, он выламывается наружу, сбегает с крыльца, роняя банки с кремом, оглядывается, готовясь отбиваться от того, кто сейчас выскочит следом...

Тяжело отдуваясь, он замирает у тележки, ухватив фонарь, как дубинку, и замахивается, весь трясясь от адреналина.

Но никого нет.

Никто за ним не бежит. Никто не нападает. Из дома ни звука.

— Эй! — кричит Сет. — Я знаю, что вы там! — Он сжимает фонарь покрепче. — Кто там? Кто вы?

Ничего, тишина.

Ну да, разумеется, тишина. Если там кто-то есть, он что, дурак себя выдавать?

С бешено колотящимся сердцем Сет оглядывает улицу, гадая, как быть. Дома стоят плечом к плечу, двери закрыты, шторы задернуты. Может быть, в каждом кто-то скрывается. Может, не так уж тут и безлюдно. Может, они просто ждут, когда он...

Когда он что?

Эта дорога, эти дома... Так не бывает, чтобы при наличии людей все оставалось нетронутым столько времени. Просто не бывает. Других следов в пыли нет, сорняки не смыты, дорожки не протоптаны. Люди должны иногда выходить из домов, а если они не выходят, то кто-то должен что-то им приносить.

По этой улице давным-давно никто не ходил, кроме него.

Он смотрит на распахнутую входную дверь.

Ждет. Выжидает.

Ничего. Ни звука, ни шороха, ни мыши, ни птицы. Только ясное голубое небо, в котором, словно смеясь над его страхами, сияет солнце. Постепенно он успокаивается. Все так, все логично. За свои два (или сколько?) дня здесь он ничего такого не видел, что бы выдавало чье-то еще присутствие.

Пока, по крайней мере.

Но Сет все равно не трогается с места.

Наконец адреналин потихоньку рассасывается, и возвращается усталость. Нужно прилечь, и все тут. И поесть. Нужно как-то преодолеть эту слабость, которая так все усложняет.

Да и потом, если начистоту, какие еще-то варианты?

Выставив фонарь перед собой, Сет медленно идет к крыльцу. Замерев в дверях, он светит на лестницу. Теперь, когда знаешь, на что обратить внимание, следы видны довольно отчетливо — они спускаются с самого верха, иногда четкий отпечаток, а иногда просто смазанная пыль, словно человек катился кубарем.

Вниз, но не наверх. Только в одном направлении.

— Эй? — снова зовет Сет, на этот раз осторожнее.

Потом потихоньку пробирается по коридору, к двери в большую комнату. Слыша, как громко стучит сердце, он заворачивает за угол, занеся над головой фонарик.

Нет, никого. Ни в гостиной, ни вокруг стола ничего не тронуто (если не считать того, что трогал он сам), в чулане ничего не сдвинуто, на кухне все так, как он и оставил. Сет даже выглядывает на задний двор, но и там все по-старому, горка бинтов с металлической изнанкой громоздится на прежнем месте.

Значит, эти следы могут быть просто очень-очень старыми, с облегчением думает Сет. Например, еще с тех пор, как...

Стоп.

«Катился кубарем». Его вдруг озаряет.

Вернувшись, он поднимается на нижнюю ступень и смотрит на отпечатки ног — босых ног, не подошв.

Сбросив кроссовку, он стягивает новый носок и ставит ступню рядом с пыльным отпечатком.

Совпадают. Тютелька в тютельку.

Он впервые смотрит на верхнюю площадку лестницы. Почему-то мысль о том, чтобы туда подняться, с самого начала вызывала мурашки по коже. Тесная мансарда, в которой они с Оуэном жили, когда были маленькими. Жуткие ночи, когда он лежал там один, гадая, вернут ли Оуэна, а если вернут, то живым ли.

Но, получается, он там уже побывал.

Он ведь очнулся на дорожке перед домом — видимо, как раз после того, как скатился кубарем с лестницы, в те кош-

марные мгновения сразу после смерти. Выбрался по коридору на солнце и свалился на дорожке.

А потом очнулся.

Однако явно не в первый раз.

Он светит фонариком на лестницу, но луч утыкается в плотно закрытую дверь ванной на верхнем этаже. Ванная над кухней, коридор рядом ведет в кабинет и родительскую спальню над его головой, а лестница продолжается выше, до мансарды.

Что он делал там, наверху?

И почему сбежал оттуда?

Он шмякает на пол рюкзак и ставит ногу на нижнюю ступеньку, стараясь не наступить на след. Поднимается на вторую. Потом на третью. Держа перед собой фонарик, доходит до двери ванной. Под ней полоска света, и, когда Сет распахивает дверь, темную площадку заливает солнце из окна над раковиной.

Пол в ванной покрыт тем самым уродливым бурым линолеумом, который мама терпеть не могла, а отец так и не собрался перестелить. Тут на пыли никаких следов нет, ничего не тронуто. Оставив дверь открытой, чтобы было посветлее, он поворачивается в коридор. На него идут смазанные следы собственных голых ног.

Сам не зная почему, Сет старательно их обходит, шагая почти вплотную к стене. Кабинет — первая комната справа. Там все в точности, как осталось в его памяти, вплоть до старинного картотечного шкафчика, который мама наотрез отказалась везти в Америку, и древнего, смехотворно громоздкого компьютера. Сет без особой надежды (и результата) щелкает выключателем, но здесь, как и в ванной, явно не ступала ничья нога.

Из родительской спальни следы не тянутся, но Сет все равно туда заглядывает. Кровать заправлена, пол чистый, дверцы шкафов плотно закрыты. Подойдя к окну, Сет смотрит на дорожку перед домом. Тележка стоит как стояла, нетронутая, не сдвинутая.

Он идет обратно на площадку — и убеждается в своих худших подозрениях. Следы спускаются с верхнего этажа, из мансарды, из их с Оуэном комнаты.

И не возвращаются.

Что бы это ни было, оно началось именно там.

Он светит на второй пролет лестницы. Площадка наверху совсем крошечная, потому что там уже мансарда и крыша. Никакого коридора, только дверь в комнату.

Нараспашку.

Оттуда сочится тусклый свет — видимо, из единственного мансардного окна в потолке.

— Эй? — зовет Сет.

Он поднимается на второй пролет, размахивая перед собой фонарем. Дыхание учащается. Не сводя глаз с двери, он преодолевает ступеньку за ступенькой и замирает на последней. Ладони вспотели так, что фонарь скользит.

«Да черт подери! Чего ты так боишься?»

Вдохнув поглубже, он задирает фонарь над головой и прыгает через порог в свою старую комнату, готовясь драться, готовясь к нападению...

Но там никого. Опять.

Просто его бывшая комната.

С одним-единственным отличием.

Посередине стоит гроб.

Открытый.

16

Все остальное не изменилось.

На стенах те же обои с полумесяцами, под окном на склоненном потолке то же пятно от протечки, и в нем вроде бы по-прежнему угадывается лицо, которым Сет пугал Оуэна («Не заснешь сию же минуту, лицо тебя съест»).

Кровати тоже на месте, неправдоподобно маленькие, в двух противоположных углах. Оуэновская больше напоминает колыбель. Еще там полка со всеми их книгами, сильно зачитанными, но по-прежнему любимыми. Под ней ящик с игрушками, набитый пластиковыми шарнирными солдатиками, машинками и лазерными пистолетами, которые больше таращели, чем стреляли, а на кровати Оуэна целый зоопарк мягких зверей — в основном слонов, его любимцев, — которые сейчас, совершенно точно, находятся в комнате младшего брата за океаном.

А в самом центре, между кроватями, возвышается длинный черный гроб, распахнувший крышку, словно гигантская мидия. На окне опущена штора, поэтому в мансарде темновато, но проходить мимо гроба и поднимать ее Сету не хочется.

Он не сразу вспоминает, что фонарем можно пользоваться не только как дубинкой. Включив его, Сет светит на гроб. Видел ли он когда-нибудь гроб в настоящей жизни? На похоронах он никогда не присутствовал, даже в девятом классе, когда у Тэмми Фернандес случился сердечный приступ на школьном стадионе. Почти все пошли, но родители Сета не захотели отменять поездку в Сиэтл с ночевкой. «Ты ведь с ней даже знаком не был», — сказала мама, и все на этом.

Гроб поблескивает так, будто подмигивает, это не просто блеск полированного дерева. Он сияет, словно капот дорого-го автомобиля. Да, именно так. Он словно сделан из черного металла. И углы скругленные, обтекаемые. Любопытство берет верх, и Сет подходит ближе. Гроб смотрится странно, даже более странно, чем на первый взгляд. Изящный, гладкий, дорогостоящий, почти футуристический — словно из кино.

Но это точно гроб, потому что внутри белая обивка и подушки, и...

— Фигасе! — выдыхает Сет.

Белая обивка расчерчена крест-накрест серебристыми лентами пластиря.

Надорванными и растянутыми. Словно человека ими промотали, и он выдирался изо всех сил, пока не высвободился.

И не скатился кубарем по лестнице, а оттуда на дорожку, где и рухнул.

Сет долго-долго стоит над гробом, не зная, что и думать.

Ультрасовременный гроб, достаточного размера, чтобы вместить его почти взрослое тело, но почему-то в комнате, откуда он уехал совсем ребенком.

Для Оуэна гроба нет. И для родителей тоже.

Только для него.

— Потому что, кроме меня, никто не умер, — шепчет Сет.

Он кладет ладонь на открытую крышку. Прохладная, как и положено металлу, но когда он убирает руку, на ладони остается тонкий слой пыли. Обивка при этом кипенно-белая, даже в этом неярком свете. Стенки обиты рельефными подушками, примерно повторяющими контуры тела.

И повсюду змеятся разорванные полосы металлического пластиря, «изоляционной ленты». А еще трубки, толстые

и тонкие, исчезающие в стенках гроба и кое-где оставившие пятна на белоснежной обшивке.

Сет вспоминает ссадины по всему телу и как больно было мочиться.

То есть эти трубы подсоединялись к нему?

Зачем?

Присев на корточки, он светит фонариком под дно. Гроб стоит на четырех коротких толстых ножках, а из самого центра прямо в пол уходит трубка. Сет трогает ее пальцем. Она кажется чуть теплее, чем сам гроб, словно по ней течет энергия, но мало ли...

Он встает, уперев руки в бедра:

— Да ладно! Что за фигня?

И сердито задрав штору на окне, выглядывает на лежащую внизу улицу.

На выстроившиеся вдоль нее дома.

Такие же закупоренные, как и этот.

— Нет... — шепчет он. — Не может быть.

В следующую секунду он уже несется по лестнице со всей скоростью, на которую способны усталые ноги.

17

Размахнувшись изо всех сил, Сет запускает в соседское окно фигурку садового гнома. Оглушительный звон стекла звучит победными фанфарами. Смахнув торчащие осколки фонарем, Сет залезает внутрь. О соседях он не помнит решительно ничего — вроде у них были две дочери постарше их с Оуэном. А может, одна.

В любом случае, у них вполне мог кто-то умереть за это время.

Входная дверь такая же замызганная, как и в его бывшем доме. Планировка примерно похожа, так что через столовую и кухню Сет проходит быстро, не находя ничего необычного, лишь нагромождение пыльной мебели.

Он взбегает по лестнице. В этом доме она идет только до второго этажа — соседи не стали переделывать мансарду под жилую комнату, — поэтому Сет, не успев оглянуться, оказывается прямо в первой из спален.

Комната девчачья, на вид подростковая. Постеры с певцами, о которых Сет слышал краем уха, комод с зеркалом и батареей косметики, кровать с лавандовым покрывалом, а на ней явно затисканный и не раз облитый слезами плюшевый сенбернар.

Но никаких гробов.

То же самое в главной спальне — заставленной, более душной копией родительской в его доме. Кровать, комод, платяной шкаф, набитый одеждой. Ничего сверхъестественного.

Подтолкнув фонариком, Сет откидывает щеколду на чердачном люке. Приходится несколько раз подпрыгнуть, чтобы ухватить нижнюю ступеньку выдвижной лестницы, но в конце концов она с грохотом вываливается. Сет лазет наверх, светя фонариком в люк.

И чуть не падает обратно, когда стая потревоженных голубей с громким воркованием, отчаянно хлопая крыльями, вылетает через пролом в дальней части крыши. Когда все успокаивается и Сет вытирает руки от голубиного помета, совсем не радуясь тому, что здесь еще и птицы есть, в свете фонарика и солнечных лучей из дыры в крыше проступают лишь набитые под завязку коробки, поломанная бытовая техника и напуганные голуби.

Никаких гробов.

— Ладно...

Он перемещается в дом напротив, через дорогу, почему-то прихватив в качестве орудия взлома ту же самую садовую фигурку.

— Боже... — выдыхает Сет, пролезая внутрь.

Невероятный свинарник. В каждом углу стопка газет, куда ни плюнь — упаковки из-под еды, кофейные чашки, книги, статуэтки — и пыль, пыль, пыль. Он пробирается дальше. Во всех комнатах та же картина. Кухня совсем древняя, как будто ей лет сто, и даже на лестнице какой-то хлам на каждой ступеньке.

Но в верхних комнатах, включая чердак, ничего страшнее хлама нет. Никаких гробов.

В соседнем с этим доме явно жили индийцы — вся мебель застелена яркими покрывалами, кое-где мелькают фотографии жениха с невестой в традиционных индийских нарядах.

Но больше, сколько ни ищи, ничего необычного.

С растущим глухим отчаянием Сет разбивает садовым гномом следующее окно. Потом еще одно.

В каждом доме залежи пыли. И безлюдье.

Усталость одолевает, борясь с ней все сложнее и сложнее. На десятом или двенадцатом доме — Сет уже сбился со счета — у него уже не хватает сил даже как следует швырнуть гнома, и фигурка отскакивает от стекла. Гном валяется на земле, с издевкой глядя на Сета.

Сет приваливается к деревянному белому штакетнику. Снова весь грязный, перемазанный пылью десятка с лишним домов. Пустых домов. И ни в одном из них бесстыдно сияющий гроб даже приткнуть некуда.

Хочется плакать от бессилия, но Сет сдерживает слезы.

Что, в конце концов, он такого страшного обнаружил? Что нового выяснил?

Ничего такого, о чем он уже не думал бы раньше.

Он тут один.

Неважно, как он здесь очутился, откуда взялся гроб и как Сет оказался внутри, — ни папиного, ни маминого, ни Оуэнова гроба тут нет. И в соседних домах нет. Ни намека на человеческое присутствие — ни в небе, ни на железной дороге, ни на мостовых.

В этом непонятном аду он совершенно и абсолютно один.

«И между прочим, — думает он, плетясь нога за ногу обратно к дому, — ощущение не сказать чтобы незнакомое».

18

— Черт, Сетти! — Тон у Гудмунда непривычно серьезный, без стеба. — И что, они винят тебя?

— Говорят, что нет.

Гудмунд перекатился на бок и оперся на локоть:

— Но думают по-другому?

Сет неопределенно пожал плечами, более или менее подтверждая догадку.

Гудмунд положил ладонь на голый живот Сета:

— Погано.

Ладонь скользнула на грудную клетку, потом снова на живот и поехала вниз, осторожно, мягко, пока ничего не прося, просто сочувствующе.

— Но честное слово, — недоумевал Гудмунд, — это ж надо додуматься строить тюрьму рядом с жильем.

— Ну, не совсем рядом с жильем, — ответил Сет. — Там до нее еще примерно миля колючей проволоки и вышек. — Он снова пожал плечами. — Где-то же их надо строить.

— Ага. На острове. Или на каменоломне. Не посреди города.

— В Англии тесно. А без тюрьмы никак.

— Все равно. — Ладонь Гудмунда вернулась на живот Сета, указательный палец описывал плавный круг на коже. — Надо же додуматься!

Сет шлепнул по руке:

— Щекотно!

Гудмунд, улыбнувшись, положил ладонь обратно. Сет не стал противиться. Родители Гудмунда опять уехали на выходные, на улице хлещет злой октябрьский дождь, лупя по стеклам и громыхая по крыше. Время за полночь, часа два-три. Они легли давно, сначала болтали, потом не особенно болтали, потом болтали снова.

О том, что Сет ночует у Гудмунда, знали все — родители Сета, Эйч и Моника — но они не знали об ЭТОМ. И кажется, даже не догадывались. И тайна обретала от этого какую-то свою жизнь, превращалась в целую тайную вселенную.

Вселенную, которую Сет каждый раз мечтал не покидать никогда.

— Вопрос, конечно, в том, — протянул Гудмунд, лениво пощипывая пушок, идущий от пупка Сета вниз, — винишь ли себя ТЫ.

— Нет. — Сет лежал на спине, глядя в потолок Гудмундовой комнаты. — Не виню.

— Точно?

— Точно, — рассмеялся Сет тихонько.

— Ты же был совсем мелкий. Заставлять ребенка расхлебывать такие вещи в одиночку...

— Достаточно большой, чтобы понимать что к чему.

— Нет. Не настолько большой, чтобы взваливать на тебя этот груз.

— Гудмунд, мы с тобой одни, — напомнил Сет, перехватывая его взгляд. — Не нужно городить умные речи, ты не в классе.

Гудмунд принял упрек достойно и слегка прикоснулся губами к плечу Сета:

— Просто предположил. Ты, наверное, и тогда был таким же не по годам серьезным, как сейчас?

Сет в шутку ткнул его локтем в бок, но ничего не сказал.

— Твои родители, думаю, радовались, что у них такой «взрослый мальчик», — продолжал Гудмунд. — И мама решила (скрепя сердце, конечно): «Это же всего на несколько минут, а дело срочное, и Сетти присмотрит за малышом Оуэном пару секунд, пока я сбегаю куда там...»

— В банк.

— Неважно. Это ее косяк. Не твой. Но разгребать его одной слишком тяжело, поэтому она сваливает вину на тебя. Сама себя презирает, наверное, и тем не менее... Так что дело дрянь, Сетти. Не ведись.

Сет промолчал, вспоминая то утро гораздо отчетливее, чем хотелось бы и чем получалось обычно. Мама, войдя в дом, выругалась так громко, что Оуэн в испуге ухватил Сета за руку. Оказывается, только переступив порог, она спохватилась, что оставила полученную в банке тысячу фунтов там, в оконке кассы.

Только теперь Сет впервые задумался, на что, собственно, предназначалась такая куча денег наличными. Уже тогда все

денежные операции шли в электронном виде — карточки, ПИНы, выписки со счета. Зачем мама столько сняла?

«Я мигом, — заверила она. Счет у нее был не в том банке, что на Хай-стрит, а в другом, чуть подальше и рангом пониже. Мама никогда раньше их туда с собой не таскала. — Десять минут максимум. Ничего не включайте и дверь никому не открывайте».

Она помчалась на улицу, оставив Сета держать Оуэна за руку.

Десять минут пролетели, но Сет с Озуном только переместились на пол рядом с обеденным столом.

Именно тогда человек в странном синем комбинезоне постучал в окно кухни.

— Я его впустил, — сказал Сет. — Она велела никому не открывать дверь, а я открыл.

— Тебе было восемь.

— Я уже что-то соображал.

— Тебе было всего восемь!

Сет промолчал. История не заканчивалась на том, что он открыл дверь, но рассказать остальное он не мог даже Гудмунду. Горло сжалось, в груди начало петь. Он отвернулся на бок, слегка вздрагивая от накатывающих, рвущихся наружу рыданий.

Гудмунд за его спиной не шевелился.

— Вот что, Сетти, — проговорил он наконец. — Ты плачешь, и я не знаю, как с этим быть. — Он погладил Сета по руке. — Правда, не знаю.

— Ничего, — просипел он. — Ничего. Это так, глупости.

— Не глупости. Просто... Я в таких вещах профан. О чем жалею.

— Не парься. Пьяные слезы. От пива.

— Ага, — согласился Гудмунд, хотя они выпили всего-то по паре бутылок на брата. — Пиво. — Помолчав секунду, он зашептал Сету на ухо: — Но кое-чем, кажется, я мог бы тебя подбодрить.

Он прижался животом к спине Сета и обхватил ладонью сокровенные места, которые живо откликнулись на прикосновение.

— Помогает! — радостно шепнул Гудмунд. — Но честно, в чем вообще трагедия? Он не умер, ту сволочь поймали, Оуэн — чудесный пацан.

— На нем отразилось, — объяснил Сет. — Неврологические проблемы. Он в раз드рае.

— И что, по четырехлетке действительно видно? Что до этого он был такой, а после не такой?

— Да, — кивнул Сет. — Видно.

— И ты это знаешь наверняка, потому что?..

— Брось, Гудмунд. Не надо пытаться все исправить. Я просто рассказываю, ладно? И все. Просто выговариваюсь.

В наступившей тишине Сет слышал только, как Гудмунд дышит ему в ухо, явно что-то обдумывая, просчитывая.

— Значит, ты больше никому никогда не рассказывал?

— Нет. Кому я мог рассказать?

Гудмунд крепче прижимает его к себе в знак важности момента.

— Ничего ведь не изменить, — говорит Сет. — Но ты представь, что рядом с тобой вечно ходит какая-то тень. И все знают, что она есть, однако никто не скажет ни единого слова, пока она не превратится в пятого члена семьи, ради которого остальным приходится потесниться. И даже если ты за-

ведешь о ней речь, все просто притворяются, будто не понимают, о чем ты.

— Родичи в прошлом году обнаружили порнуху не той ориентации на моем планшете, — признается Гудмунд. — Угадай, сколько раз с тех пор эта тема поднималась в разговорах?

Сет оборачивается к нему:

— Я не знал. Наверное, крику было?

— Было бы. Но это ведь ничего страшного, просто переходный возраст. Перерастет, а пока будем ходить в церковь почше и старательно делать вид, что ничего не случилось.

— А что я у тебя все время noctую, их не смущает?

— Не-а, — ухмыльнулся Гудмунд. — Им кажется, что ты на меня положительно влияешь. Зря я, что ли, приукрашиваю твои спортивные достижения?

Сет рассмеялся.

— Значит, у нас обоих замороченные родичи, притворяющиеся слепыми, — подытожил Гудмунд. — Хотя твои, признаю, чуть хуже.

— Это не хорошо и не плохо. Просто так сложилось.

— От этого «так сложилось» ты плачешь, Сетти, — мягко проговорил Гудмунд. — И это уже совсем нехорошо. — Он снова сжал Сета в объятиях. — Для меня, во всяком случае.

Сет промолчал, боясь, что голос дрогнет.

— По крайней мере, — радостно заявил Гудмунд, выдержав паузу, — иначе вы не переехали бы из Англии сюда. А если бы вы не переехали, я никогда не узнал бы об ЭТОМ.

— Хватит тянуть, — со смехом попросил Сет. — Ты же знаешь, что такое крайняя плоть.

— В теории, — кивнул Гудмунд. — Как подумаю, что у меня она была и кому-то хватило наглости взять и оттяпать ее без спросу...

— Прекрати, — велел Сет, снова со смехом иллюстрируя Гудмунда по руке.

— Точно?

Обхватив Сета снизу, Гудмунд притянул его к себе целиком и уткнулся носом в затылок.

— Подожди! — прошептал вдруг Сет.

Гудмунд замер:

— Что такое?

— Вот это.

— Что именно? — не шевелясь, уточнил Гудмунд.

Но как ему объяснить? Что именно?

Вот это — обятия Гудмунда, руки, которые ласково и надежно тебя держат и никуда не отпустят. Обятия, до которых сейчас, кажется, сжалась вся вселенная.

Вот это. И все.

— Да, ты большая загадка, — прошептал Гудмунд.

Сет почувствовал, что Гудмунд тянется куда-то рядом с кроватью, и, обернувшись, увидел занесенный над ними двумя телефон.

— Мы же договорились, — начал Сет, — никаких фотографий моего...

— Я не за этим, — успокоил Гудмунд и нажал кнопку. На экране появился портретный снимок по плечи — двое парней на одной кровати. — Это для меня, только для меня.

Перегнувшись, он поцеловал Сета в губы и щелкнул камерой телефона еще раз.

А потом отложил телефон, притянул Сета еще ближе и поцеловал снова.

19

Сет открывает глаза на кушетке. Тяжесть на сердце такая, что не вздохнуть.

«Боже. Нет, пожалуйста, нет».

Сон снова настолько реалистичен, что Сет невольно утыкается носом в ладони — вдруг на них остался запах Гудмунда? Нет, не остался. Но он все равно его помнит, запах соли, дерева, тела и чего-то очень личного, и от этого сердце щемит еще сильнее.

— Черт, — надломленным голосом говорит он, садясь. — Черт-черт-черт-черт-черт...

Сгорбившись, он качается взад-вперед, пытаясь унять тупую боль.

Очень больно. Тоска по Гудмунду становится невыносимой. Тоска по тому, как с ним было надежно, легко, весело и спокойно. По физической близости тоже, но больше по единению, по слиянию душ. По бережной заботе и ласковым объятиям.

По любви, наверное.

А еще по чему-то сокровенному. По собственному тайному, секретному миру, в который никому нет хода, который закрыт от родителей, брата и даже остальных друзей.

И теперь его нет.

«Неужели один раз умереть недостаточно? Придется проходить через это снова и снова? Нет, — отвечает Сет сам себе. — Потому что можно умереть и прежде смерти».

И еще как. И не раз.

Так почему бы и не после?

Он снова увиделся с Гудмундом. А пробуждение — как смерть, только еще более мучительная, чем тонуть в океане.

«Не могу, — думает Сет. — Не выдержу».

Похоже, он снова проспал целую ночь. Свет, сочащийся из-под штор, голубоватый, как на ранней заре. Вставать не хочется и даже не очень можется, но в конце концов переполненный мочевой пузырь заставляет вскочить и подняться в ванную. Вчера, облизив десяток домов, Сет в попытке оттянуть очередной реалистичный сон наладил кашляющие трубы в душе и раковине. Потом натащал стаканом воды в давно пересохший бачок унитаза и чуть не пустился в пляс, когда после нажатия на кнопку смыва в чашу обрушился водопад.

В эту ванную он и отправляется. Совершив ежеутреннюю процедуру, умывается под холодным душем, взяв вместо мыла затвердевший кусок жидкости для мытья посуды. Задерживая дыхание, он снова и снова подставляет лицо под немилосердно ледянную воду, надеясь сбросить полусонную одурь.

И груз, который по-прежнему давит, грозя расплещить в лепешку.

Сет вытирается прихваченной футболкой и идет обратно в комнату — переодеться в чистое. Нужно раздобыть еще одежды, причем полегче, на жаркую погоду, и, может, каких-нибудь подвесных фонарей, чтобы светили ночью. Еды тоже надо. Разгрузить оставленную снаружи тележку и съездить за остальным, только на этот раз не торопиться и выбирать получше.

Да. Этим он и займется.

«Шевелись, — велит он себе. — Не тормози. Не залипай».

И все равно он застывает на минуту над рюкзаком с одеждой, ощущая за спиной пустынный дом, дверь в кухню и черный ход, ведущий на террасу.

Тот самый, который он открыл тогда человеку в комбинезоне.

И мансарду наверху, где он ждал в одиночестве все эти жуткие, кошмарные вечера, пока искали того человека с Оуэном, все эти вечера, когда родители обходили его и друг друга стороной и когда папа начал принимать успокоительное, с которого так до сих пор и не слез.

Сет так до конца Гудмунду и не рассказал, а ведь был шанс, была возможность...

Возможность для чего? Получить прощение? Оправдание?

Если бы он от кого-то и принял прощение, то от Гудмунда. Прямо тогда. И даже теперь он до конца не понимает, почему не воспользовался.

Он помнит, как лежал в кровати с Гудмундом, прижаввшись к нему вплотную, теснее не бывает, и делился тем, что не рассказывал никому, кроме родителей и полиции.

В груди снова угрожающе ломит.

— Ладно, — выдавливает он. — Ладно.

Нога за ногу он плется наружу перетаскивать продукты из тележки, изо всех сил стараясь не заплакать снова.

За утро Сет успевает совершить три рейда в супермаркет. Основная добыча — консервы и несколько приличных на вид бутылок с водой, а еще немного сахара, который не до конца окаменел, и от него можно откалывать куски. Еще сущеное мясо в вакуумной упаковке, которое тоже, может быть, не совсем мумифицировалось. А еще пара пачек муки — правда, на кой она сдалась, пока неизвестно.

Из туристского магазина он прихватывает несколько походных фонарей, а за углом от него находит небольшой

«Маркс и Спенсер», где есть одежда. Скучнейшие шорты и рубашки (больше в папином стиле), но зато не придется париться в лыжной экипировке посреди лета. Интересно, какая тут зима и что будет, если до нее дожить?

Под палящим полуденным солнцем Сет разогревает на походной плитке банку спагетти. На том же пятачке в парке, что и вчера, снова глядя на заросли травы и кристально чистый пруд внизу.

И чуть не роняет банку при виде пары уток, которые греются на камне в центре пруда. Ничего такого особенного, обычные коричневые утки, тихо покрякивающие друг на друга.

Но все же. Вот они, тут.

— Эй! — кричит им Сет, не подумав. И они с возмущенным гвалтом взмывают в воздух. — Эй, вернитесь! Это я вас вызвал! Я!

Они исчезают за деревьями.

— Ладно... — вздыхает он, втягивая порцию спагетти. — Все равно вас не подстрелишь на ужин.

Он поднимает голову. Или подстрелишь? Для этого, прежде всего, нужно ружье, но ведь в туристском есть и охотничье...

Тут Сет спохватывается: это же Англия — по крайней мере, в его представлении. Здесь оружия в свободной продаже нет, в отличие от Штатов, где ружье можно прикупить в торговом центре между перекусом в «Макдоналдсе» и походом в кино. Родители ужасались, как положено европейцам, и не допускали в доме ни одного ствола. В результате Сет оружия даже в руках не держал, какое там стрелять.

Значит, охота исключается — в ближайшее время точно. Но банка спагетти вдруг кажется куда менее аппетитной, чем

жареная утка. Хотя все равно он не умеет их жарить. Если это вообще возможно на походной плитке.

Вздохнув, он зачерпывает еще спагетти — ложкой, которую на этот раз не забыл взять. Усталость ощущается, но не такая, как вчера. Может, наконец начал уходить недосып, возникающий, когда умираешь? Все-таки смерть — изматывающая штука. Наверное, самая изматывающая в жизни.

Сет смотрит на опустевший пруд. Вот еще новшество — высокая трава на склоне слегка колышется под ветром. Довольно сильно, кстати. И ветер вполне ощутимый. Сет запрокидывает голову.

В небе впервые за все время что-то появилось. Облака. Большие и пышные. Кучевые. Большие темные кучевые облака, которые движутся сюда.

Сет не верит своим глазам: «В аду бывает дождь?»

Он едва успевает добраться до дома, когда небеса разверзаются. Ливень летний, и на горизонте видна полоска голубого неба, так что скоро закончится, но елки, вот ведь хлещет! Встав в дверях, Сет смотрит, как дождь разводит пыль в грязную кашу и как мутные потоки струятся по стеклам заглохших машин.

Зато пахнет дождь восхитительно. Такой чистотой и свежестью, что Сет, не удержавшись, выскакивает под косые струи, подставляя лицо и жмурясь, когда капли попадают в глаза. Дождь на удивление теплый. Обозвав себя идиотом, Сет мчится в ванную за бруском жидкости для мытья посуды, предвкушая, как будет классно, куда приятнее, чем ледяной душ, под которым пришлось мучиться поутру...

Он выскакивает на крыльцо, но дождь уже стихает, удаляясь так же стремительно, как и налетел.

— Черт! — досадует Сет.

Ветер наверху, наверное, дует как бешеный, потому что тучи уматывают с такой скоростью, словно за ними гонятся, уносясь в сторону...

В сторону чего?

Куда их несет?

Насколько большой этот ад?

Видимо, достаточно большой, чтобы обеспечить смену погоды. В небе снова сияет солнце, ветер стихает, над мостовой висит пар от засыхающей грязи, которая постепенно покрывает коркой всю улицу.

Улицу, дальше которой Сет еще не совался.

«Кажется, пора устроить масштабную разведку».

20

После утренних походов за добычей снова накатывает усталость, но прилечь и вздрогнуть нельзя — после вчерашнего Сет боится живых снов еще больше. Поэтому, закинув на спину рюкзак с самым необходимым и бутылкой воды, он отправляется в путь.

И сразу застывает в раздумье, не зная, в какую сторону сворачивать. Налево — Хай-стрит, которую он уже несколько раз видел. За ней, конечно, тоже есть кварталы, простиравшиеся раньше на долгие мили, если память не изменяет, а потом переходящие в поля.

Справа — станция.

«По путям можно хоть до Лондона дойти», — возникает неожиданная и отчего-то греющая душу мысль. Какая разница, что нет телефона с картами и Интернета? Зато, если идти по путям никуда не сворачивая, придешь в Лондон.

Он, конечно, не пойдет. Непотребное расстояние.

Стоп! Непотребное. Он что, серьезно сказал «непотребное»? Даже родители уже давно таких слов не произносили: все вытеснил американский сленг.

— Непотребное, — проговаривает он вслух, пробуя слово на языке. — Непотребное-утробное-трубное. — Сет поднимает глаза к небу. — Непотребное солнце.

Оно снова лупит вовсю, жарче прежнего, высушив почти всю грязь. Сырости и холода, на которые столько жаловались родители, нет и в помине. Да и сам он такого не припомнит, хотя воспоминаниям восьмилетки вряд ли стоит доверять. И все же. Здесь куда жарче, чем он привык думать. А когда еще и пар от мостовой идет, почти тропики. С которыми Англия точно никогда не ассоциировалась.

— Странно.

Поправив рюкзак, Сет сворачивает направо, к станции.

Улица, которую он переходит, ничем не отличается от остальных, такая же пыльная и пустынная. Наверное, пора выработать какую-нибудь систему осмотра, сперва обыскать более тщательно те дома, куда он уже вламывался, а потом пошерстить дальше по району. Вдруг что полезное удастся найти? Консервы, например, или инструменты и одежду получше. А может, где-нибудь отыщется огород...

«Участки!» — осеняет его.

Конечно! Огромное, разбитое на частные огородики поле, начинающееся за... Где же? За спортивным комплексом? Точно, вот что громоздилось за железной дорогой — спортивный комплекс, а за ним участки. Там, конечно, тоже все заросло, но ведь наверняка что-нибудь съедобное уцелело?

Он ускоряет шаг, почти машинально поворачивая на длинную бетонную лестницу между двумя многоэтажными зданиями. «Многоквартирник» — вспоминает он английское слово. Еще одно. Интересно, английский акцент тоже вернется? Гудмунд постоянно просил его «поговорить по-британски», причем сказать не что-нибудь, а...

Боль утраты пронзает снова. Сильно. Слишком сильно.

«Иди, не останавливайся, — велит он себе. — Иди, и все».

Лестница выходит на тротуар, который тянется к построенной на возвышении станции. Ее видно отсюда. Чтобы добраться до огородов, нужно пройти насквозь, потом по мосту над путями на дальнюю платформу. В предвкушении Сет входит внутрь, не задумываясь перепрыгивает через турникеты и взбегает по невысокой лестнице на первую платформу...

Где дожидается поезд.

Состав короткий, всего четыре вагона, электричка, курсирующая между этим городком и соседним. Кажется, вот-вот открываются двери и на платформу хлынут приехавшие или, наоборот, поезд плавно покатит прочь.

Ни того, ни другого, конечно, не происходит. Поезд стоит, как стоял, молчаливый, словно скала, покрытый неизменной пылью. Сорняки пробиваются из трещин в платформе и кое-

где даже из желобков на крыше поезда. Он уже давно не трогался с места, как и машины вдоль тротуаров.

— Эй? — зовет Сет.

Подойдя вплотную, он заглядывает в окно, но там ничего не разобрать, да и окна такие пыльные, что почти не пропускают свет. Сет нажимает кнопку на ближайших дверях, но электричества нет, и двери не реагируют.

Он смотрит в сторону головного вагона. В кабине машиниста двери открыты. Сет идет туда и, вытащив фонарик из рюкзака, просовывает голову в кабину. За пультом только одно сиденье — неожиданно. Он-то думал, там по два, как в самолетах. Стекла приборов либо потрескались, либо затянуты пылью, лампочки не горят.

Из кабины ведет дверь внутрь состава, и она тоже открыта. Сет залезает в кабину и светит фонариком вдоль центрально-го прохода по вагону.

Оттуда пахнет. Сюда явно заглядывали звери. Воняет мочой и навозом, пыль на линолеуме размазана, по ней тянутся разные подозрительные потеки. Сет представляет притаившихся под сиденьями лис, которые наблюдают за ним из темноты и ждут, что он сделает дальше.

Пока он только оглядывается, переполненный воспоминаниями. Яркое солнце пробивается даже через пленку пыли на окнах, расписанных непонятными граффити, и в тусклом свете можно различить рисунок на голубой обивке сидений — мелкую диагональную клетку. Сет проводит рукой по спинке, рыхля ворс кончиками пальцев.

Поезд. Поезд.

Он не ездил на поездах после Англии. Ни разу. На Западном побережье Америки не пользуются поездами. Там ездят

только на машинах. Повсюду. Его нога в буквальном смысле слова не ступала на подножку поезда с тех пор, как они перебрались за океан.

А ведь сколько значил для него поезд в детстве! Поездки в Лондон, к морю удовольствий, которые обрушивает большой город на шестилетнего, потом семилетнего и восьмилетнего мальчишку. Зоопарк, колесо обозрения, Музей восковых фигур, другие музеи (поскучнее, потому что без восковых фигур). Или в противоположную сторону, к настоящему морю, с замками из песка и большими белыми утесами, на которые мама не пускала ни его, ни Оуэна. И галечными пляжами. И паромами до Франции.

Когда тебе восемь, поезда всегда катят навстречу приключениям, помогая вырваться из наскучившего круга одних и тех же домов, одних и тех же лиц, одних и тех же магазинов. Глупо, наверное, прыгать от радости из-за обычной поездки, которую миллионы людей совершают ежедневно, но Сет чувствует, как губы расплываются в улыбке. Он идет по вагону, светя фонариком на решетчатые полки для вешней и кресла, составленные то по два, то по три в ряд, и в дальний конец вагона, где за дверцей скрывается жуткий туалет, куда Оуэну неизменно приспичивало через пять минут после отхода поезда от станции в любом направлении.

Сет мотает головой. Он почти забыл о существовании поездов. Подумать только, какой экзотикой они казались ему в детстве...

«А вот так вот. Поезд».

Именно в эту секунду дверь туалета распахивается с треском, и оттуда прямо на него с ревом несется чудовище.

21

Заорав от ужаса, Сет бежит назад по проходу, лишь разок отважившись оглянуться...

Огромная черная туша несется на него...

Остервенело вереща и подывая...

Два горящих злобой глаза смотрят прямо на него.

Сет влетает в кабину машиниста и, врезавшись в пульт, вскрикивает от боли в бедре. Карабкается через кресло, на какой-то ужасный миг цепляясь за что-то лямкой рюкзака, но успевает вырваться, как раз когда жуткая туша вваливается в кабину.

Выскочив из поезда, Сет несется по платформе со всех ног, роняя по пути фонарик. Взгляд через плечо — туша реактивным снарядом выстреливает из кабины, хлопая болтающейся на петлях дверью, потом разворачивается и пускается вдогонку.

Она бежит гораздо быстрее, чем Сет.

— Блин! — вопит он, энергично работая руками и вспоминая кроссы, хотя тогда был бег на длинные дистанции, а не спринт, и он еще совершенно не восстановился после...

За спиной раздается визг.

(Визг?)

Взлетая на мостик между платформами, Сет бросает еще взгляд через плечо.

Туша оказывается громаднейшим, мерзейшим, грязнейшим диким кабаном.

«Кабан? — изумляется Сет, перебирая ногами ступени. — За мной гонится кабан?»

Зверюга следует за ним по пятам по платформе, затем по ступеням, уже видны желтые щербатые клыки, которыми она в два счета вспорет тебе живот.

— БЛИН! — Сет с воплем топочет по мостику, но он так устал и так слаб, что от кабана ему точно не удрать. Зверюга догонит его еще до спуска на вторую платформу.

«Меня задерет СВИНЬЯ. В АДУ».

Это так нелепо, так возмутительно, что у Сета все вскипает внутри, и он едва не упускает шанс спастись.

Мостик — узкий коридор над путями, огороженный с обеих сторон панелями матового стекла с металлическим поручнем на уровне пояса. Две крайние панели около спуска на противоположном конце вывалились.

Дыра как раз достаточного размера, чтобы Сет смог притиснуться.

За спиной снова раздается визг: кабан в каких-нибудь пяти шагах, — и Сет не успеет добежать до дыры, не успеет, не...

Он ныряет в дыру, и кабан с размаху впечатывается лбом ему в подошвы. От толчка Сет чуть не улетает дальше, чем нужно, — несколько жутких секунд ему кажется, что он сейчас рухнет на пути, до которых лететь этажа три. Но в последний момент он успевает ухватиться за вертикальную планку между панелями, удержаться одной ногой на металлическом карнизе и, отчаянно взмахнув свободной рукой и ногой, все же не упасть.

А потом чуть не слетает оттуда снова, когда кабан в бешенстве долбит головой в панель у его ног.

— ЛАДНО! ЛАДНО! — кричит Сет.

Деваться некуда, только наверх. Ухватившись за водосток, он подтягивается и карабкается на крышу мостика. Зверюга продолжает таранить ограду. Сет закидывает ноги на крышу и, тяжело пыхтя, перекатывается на спину, неуклюже приминая собственным телом рюкзак.

Отчаянно пытаясь отдохнуться, какое-то время он просто лежит. Кабан старается изо всех сил, с визгом, хрюканьем и сопением налетая всей тушей на ограду. В конце концов он высаживает соседнюю с дырой стеклянную панель, и она летит вниз, разбиваясь на тысячу осколков.

Свесив голову через край, Сет смотрит на кабана, который сердито на него фырчит. Кабан огромный, гораздо массивнее, выше и шире, чем обычная свинья, просто карикатура какая-то. А еще он косматый и весь вывалиян в грязи. Снова раздается злобный визг.

— Что я тебе вообще сделал? — недоумевает Сет.

Провизжав что-то в ответ, кабан опять набрасывается на ограду.

Сет перекатывается обратно на спину и смотрит в небо.

Он вроде слышал как-то про убегающих из питомников и потом дичающих кабанов, но думал, это так, байки. И вообще не факт, что он ничего не путает.

«Да, но это же ад», — напоминает он себе.

Он лежит на крыше, дожидаясь, пока восстановится дыхание и перестанет колотиться сердце. Вытащив из-под спины рюкзак, он достает бутылку воды. Судя по звукам внизу, зверюга на конец сдалась. Похрюкав, посопев и презрительно фыркнув на последок, кабан тяжело топает обратно по мосту. Сет видит, как он спускается на платформу и исчезает за составом, без сомнения возвращаясь к себе в логово, то есть в вагонный туалет.

Сета разбирает смех. Он смеется все громче и громче.

— Кабан! Непотребный кабан!

Он отхлебывает воды. Смотрит с крыши в ту сторону, откуда пришел, — картина обнадеживает. Тогда он встает, балансируя на покатой крыше мостика, — надо же, отсюда видно верхние этажи магазинов на Хай-стрит. Его собственный дом закрыт другими зданиями, но соседние кварталы просматриваются.

Слева оттуда, за домом, начинается пустырь, который тянется до самой тюрьмы.

Сет задерживает на нем взгляд. Колючая проволока и заборы на месте, между ними голая земля — совсем голая, даже сорняков почти нет. Саму тюрьму не видно. Она в ложбине, за густой рощей, колючей проволокой и кирпичной стеной.

Но Сет знает, что она там.

От одной мысли в животе что-то екает. Словно тюрьма смотрит на него в ответ. Наблюдая, что он будет делать. Дожидаясь, когда он подойдет поближе.

Он смотрит в другую сторону, надеясь отсюда разглядеть участки и понять, как проще до них добраться. Приставляет ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца...

И видит, что по другую сторону от путей все — и спортивный комплекс, и огороды, и десятки улиц и домов, уходивших за горизонт, — сожжено дотла.

22

На той стороне местность идет под уклон, спускаясь в не глубокую, почти плоскую ложбину шириной в несколько миль. Она тянется и тянется, улица за улицей, до самого

Мейсонова холма (теперь Сет вспомнил название), единственной на всю округу возвышенности. Лесистый бугор торчит посреди, словно шишка, срезанная с одного края, — на этом уступе в пятнадцати метрах над дорогой то и дело ловили подростков, кидающих камнями в проезжающие машины.

Теперь от станции до этого холма — сплошное пепелище.

От одних кварталов остались только груды закопченного щебня, от других — кирпичные оставы, без дверей и крыш. Даже дороги вздыбились и покоробились, местами сливаясь с остатками зданий, которые они прежде разделяли. На месте спортивного комплекса (если Сет ничего не путает) пустырь и большой квадратный котлован, видимо бывший бассейн, наполовину засыпанный головешками и заросший сорняками.

Хотя там сорняков гораздо меньше, чем на этой стороне. И они куда ниже. Остальное пепелище тоже все в заплатках травы и сорняков (Сет присмотрелся), но вид у них намного более чахлый, чем у здешних, а какие-то давным-давно пожухли.

От огородного поля даже следа не осталось. Вроде бы что-то похожее просматривается там, куда указывает память, но среди всего этого пепла, обугленных бревен и всучившегося бетона сложно понять, память это или воображение.

Пепелище и разруха тянутся на долгие мили — в обе стороны, насколько хватает глаз в этом жарком мареве. Пожар (или что это было? ядерная бомба, не иначе) выжег все до самого Мейсонова холма, остановившись у подножия, как здесь остановился у насыпи с железнодорожной станцией. Такое количество голого бетона огню оказалось не по зубам.

Сет смотрит на выжженную пустошь. Которая, кажется, уходит в бесконечность.

«Вот откуда вся эта пыль», — приходит первая внятная мысль. Многослойная, словно покрывалом укутавшая все улицы за спиной. Это не просто пыль, это пепел, налетевший с огромного пожара и не смытый.

Гораздо больше Сета волнует то, что пожар, получается, уже в прошлом. Что-то загорелось или взорвалось, или что там еще, огонь разбушевался, пожирая всю округу, пока не выдохся.

То есть тут существовало время «до пожара», «при пожаре» и «после пожара».

Да нет, что здесь такого тревожного? Глупости. Сорнякам вот тоже нужно время, чтобы разрастись, и продукты не в однечасье протухли... Но это другое, это все плавно, постепенно.

А пожар — событие. Которое происходит в конкретный момент.

И если было событие, то был и этот самый момент.

— Когда, спрашивается? — размышляет вслух Сет, прикрывая глаза от солнца и шаря взглядом по руинам.

Потом оборачивается к своему кварталу по эту сторону путей.

Что, если бы пожар вспыхнул тут, а не там? Если бы его собственный дом сгорел дотла, а не все эти чужие и пустые?

Он бы вообще очнулся?

«А может, это подсознание пытается мне что-то сказать?»

Потому что выжженная земля похожа на границу. Место, где ад заканчивается. Он отправился на разведку и дошел до рубежа, где впору ставить табличку «Прохода нет».

Что-то вроде стены.

Мир — здешний мир — внезапно сжимается.

Сету больше не хочется сегодня ничего разведывать. Он молча скидывает рюкзак на мост и слезает с крыши вслед за ним. Спустившись по ступенькам, он осторожно, на цыпочках, подбирает фонарик, стараясь не разбудить огромную свирепую зверюгу, что притаилась в поезде.

А потом, засунув руки в карманы и нахохлившись, бредет домой.

23

— *И как прикажешь это понимать? — кипятилась мама. — Как нам, спрашивается, реагировать?*

Отец, сидевший напротив Сета, со вздохом забросил ногу на ногу. Они втроем собирались на кухне, потому что (интересно, они сами-то хоть замечали?) именно там проходили все «разборы полетов», особенно с его участием.

Оуэну доставалось куда реже.

— *Сет, мы не то чтобы... — папа уставился в пространство, подыскивая слово, — против...*

— *Как это? — рявкнула мама. — Разумеется, мы еще как против!*

— Кэндис...

— *Ну да, я чую, куда ветер дует. Ты уже наполовину его простил...*

— Прощение здесь ни при чем...

— Вечное попустительство, вечно тебе плевать, лишь бы поделки твои драгоценные не мешали мастерить. Стоит ли удивляться, что сынок дурью мается?

— Я не маюсь, — огрызнулся Сет, скрестив руки на груди и глядя на свои тенниски.

— А как еще это называется? — рявкнула мама. — Неужели ты не понимаешь, что сам вырыл себе яму? Ты же знаешь, какие они все здесь...

— Кэндис, довольно, — уже резче попросил отец.

Мама всплеснула руками, показывая, что сдается, и уставилась в потолок. Отец повернулся к Сету, и тот с ужасом осознал, как странно, когда папа смотрит в глаза. Словно памятник вдруг ожил и поинтересовался, который час.

Главное, что мама-то, по сути, права. Насчет ямы. Фотографии нашли. Все раскрылось. Выдал тот, от кого они никак не ожидали. С другой стороны, чего они вообще ожидали? Глупо же надеяться что-то скрыть в этом безнадежно темном мире.

— Сет, — продолжил отец, — мы хотим сказать, что... — Он снова замолк, подыскивая слова. Сет даже испугался на секунду, что придется ему помочь и договорить за него. — Какой бы выбор ты ни сделал, мы все равно твои родители и по-прежнему тебя любим... Независимо ни от чего...

Повисла долгая неловкая пауза.

«Независимо ни от чего, — подумал Сет, но вслух не повторил. — Независимо от того, что произошло восемь лет назад. Было, сплыло и, получается, как будто не происходило».

— Но эта, — отец снова вздохнул, — ситуация, в которую ты угодил...

— Я знала, с этим парнем дело нечисто, — покачала головой мама. — Я знала, что от него добра не жди — с первого взгляда поняла. Одно это дурацкое имя...

— Не смей так о нем, — тихо проговорил Сет, но ярость в его голосе заставила замолчать обоих родителей. Он успел

сегодня увидеть Гудмунда лишь на пару секунд, чтобы предостеречь, но Гудмундовы предки тут же его прогнали. — Никогда не смеите!

Мама в изумлении открыла рот.

— Как ты со мной разговариваешь? Как тебе хватает наглости... — взвизгнула она.

— Кэндис, — остановил ее папа, поднимаясь из-за стола.

— Уж не думаешь ли ты, что вам разрешат видеться?

— Попробуйте запретить! — выпалил Сет, сверкнув глазами.

— Хватит! — закричал отец. — Прекратите оба!

Сет с мамой, вскочив, секунду сверлили друг друга взглядом. В конце концов мама сдалась и села на место.

— Сет, — начал отец. — Подумай, может быть, тебе попить антидепрессанты или что-нибудь посильнее...

— Замечательный выход. — Мама застонала от отчаяния. — Предлагаешь ему взять пример с тебя и забыться? Может, вы теперь вдвоем будете тихонько строгать свои доски до конца жизни?

— Просто предложил, — начал оправдываться отец. — Сета явно что-то мучает...

— Ничто его не мучает. Он просто пытается привлечь внимание. Завидует, что с младшим возятся больше, вот и выкидывает фокусы. — Мама покачала головой. — Сет, ты вредишь только самому себе. Тебе ведь в школу в понедельник, не нам.

Сет почувствовал спазм в желудке. Умеет мама ударить по самому больному.

— Можешь не идти, если не хочешь, — вмешался отец. — Пока не рассосется. Или переведем тебя в другую школу...

Мама только простонала сквозь зубы.

— Я не хочу менять школу, — ответил Сет. — И я не перестану видеться с Гудмундом.

— Даже имени его слышать не желаю! — вставила мама.

Отец страдальчески сморщился:

— Сет, тебе не кажется, что пока рановато принимать такие глобальные решения? Заниматься... этим... с... — Он снова не договорил, не в силах произнести «с парнем».

— Да еще зная, сколько нам сейчас приходится возиться с Оуэном, — подхватила мама.

Сет закатил глаза:

— У тебя всегда кругом сплошной Оуэн. Смысл жизни — возиться с Оуэном.

Мамино лицо окаменело.

— Да как ты смеешь?! Уж кому-кому, а тебе...

— «Кому-кому», значит? — звякнулся Сет.

— Мы просто хотим сказать, — вмешался отец, перекрикивая обоих, — что ты мог бы прийти с этим к нам. Мы всегда выслушаем.

Повисла еще одна долгая пауза, которую никто не потрудился заполнить — слишком откровенной фальшью прозвучали папины слова.

Сет снова уставился на тенниски.

— Сейчас-то с Оуэном что не так? — спросил он, нажимая на «сейчас» и невольно вкладывая в него всю свою злость.

Мама в ответ вскочила и вышла из кухни. До них донесся ее возмущенный топот по лестнице — поднялась наверх, к Оуэну, — а потом его восторги по поводу новой видеоигры, полученной среди рождественских подарков на прошлой неделе.

Сет в замешательстве посмотрел на отца:

— Почему она так злится? Ей-то что за беда?

Отец нахмурился, но явно не на Сета:

— Дело не в тебе. Пришли результаты томографии Оуэна.

— Той самой? По зрению?

Несколько недель назад у Оуэна начались какие-то странности с глазами. То, что находилось непосредственно перед ним — компьютерный экран с играми или кларнет, — он видел нормально, однако с перемещениями возникали проблемы: он либо сшибал все на своем пути, либо сам спотыкался и плюхался на землю. За последние десять дней он успел четыре раза расквасить нос.

— Неврологические последствия, — пояснил отец. — С тех пор...

Сет почти машинально отвел взгляд:

— Предполагалось, что с возрастом будет либо прогрессировать, либо пройдет.

— И оно прогрессирует. И будет продолжать, — кивнул отец.

— И что теперь?

— Операция. И когнитивная терапия. Почти ежедневно.

Сет посмотрел на отца:

— Я думал, нам это не по карману.

— Да. Страховка покрывает только часть. Придется по-крупному залезть в сбережения, даже если мама выйдет на работу. Будем экономить, Сет.

В голове началась бешеная круговорть. Брат, финансовые проблемы, а осенью подойдет время платить за институт, и именно в эти сбережения придется залезть, значит, если бы их не было...

— Так что твоя история с другом... Не самый удачный момент.

Со второго этажа донесся смех. Они обернулись, хотя что можно увидеть из кухни? Мама и Оуэн, как всегда, смеются над чем-то своим.

— А бывает удачный? — спросил Сет.

Отец похлопал его по плечу:

— Прости, сын, мне очень жаль. Правда.

Но когда Сет повернулся, отец уже снова смотрел мимо.

24

Когда Сет просыпается на следующее утро, снова идет дождь, но замечает он это не сразу, потому что в голове еще крутятся обрывки сна.

Он лежит на кушетке не двигаясь. В кроватях наверху он так до сих пор ни разу и не спал — его собственная в мансарде слишком мала, и он туда при всем желании (которого нет и в помине) не втиснется, а спать в родительской совсем уж странно. Поэтому он по-прежнему укладывался на пыльную кушетку под диким взглядом лошади над камином.

И ему снились сны.

Тяжесть в груди стала еще сильнее, не шевельнуться.

Тайна — вот что было самое замечательное у них с Гудмундом. Уединяясь, они скрывались в собственной отдельной вселенной с населением в два человека, замыкаясь друг на друге. Сами себе мир, сами себе пространство. И никто не имел права знать, ни родители, ни друзья, никто, не сейчас, не тогда.

Не потому что это плохо — плохого уж точно они ничего не делали, — а потому что это *его*. Единственная в целом свете вещь, целиком и полностью принадлежавшая ему.

Но все узнали, и родители тоже. Увидели две фотографии, сделанные Гудмундом, — до обидного невинные по сравнению с тем, что некоторые парни в школе посылают подружкам, но настолько личные, настолько не предназначенные для чужих глаз, что Сет даже сейчас кипит от злости и унижения.

Мама оказалась права. В школе начался кошмар. Мир изменился в одночасье, превратившись в руины, где жить было практически невозможно. Когда закончились рождественские каникулы и Сет вошел на школьный двор, то остался один против всех. Словно на другом берегу. За стеной. Школа пыталась извалять его в грязи, но не понимала, чем задеть по-настоящему. Слухи ходили бешеные, телефон жужжал не переставая, даже ночью, принимая издевательские эсэмэски. В социальные сети даже заглядывать не имело смысла — повсюду красовались злополучные снимки с соответствующими комментариями. Его тайную вселенную вывернули наизнанку и швырнули на потеху толпе.

Но смыться он не мог. Гудмунд в школу не ходил, родители еще решали, как с ним быть дальше. И его нужно будет поддержать, когда он вернется. А пока держаться в одиночку.

Гудмунд назвал его «не по годам серьезным». На самом деле, сколько Сет себя помнил, ему приходилось в одиночку тащить какую-то ношу — и, похоже, не всегда связанную с Оуэном. И всю дорогу где-то в глубине души зрело ощущение, будто должно быть что-то еще, ведь не может жизнь сводиться только к этой тяжести.

Иначе в чем смысл?

Вот что еще замечательного было в их с Гудмундом дружбе, которая в одну прекрасную ночь в конце предпоследнего,

одиннадцатого класса неожиданно стала больше чем дружбой. Как будто на краткий миг груз исчезает, словно в невесомости, и тяжелую ношу удается сбросить с плеч...

Хватит, нужно прекращать эти мысли, нужно двигаться, нужно как-то здесь выживать, но Сет словно на дне колодца: солнце, жизнь, спасение где-то далеко-далеко, и даже если позвать на помощь — все равно никто не услышит.

Знакомое ощущение.

Он лежит, слушая шум дождя за окном. Лежит долго-долго.

Наконец неумолимые физиологические процессы снова поднимают его с кушетки. Он идет в туалет, потом встает у входной двери. Дождь льет, по грязи струятся мутные ручьи. На секунду Сет задумывается, почему ее всю не смоет, но потом замечает, что улица постепенно превращается в бассейн, вода скапливается над забитыми ливневыми стоками и весь мусор и муть просто кружатся в плавном танце.

Снаружи почти так же тепло, как вчера, поэтому, захватив бруск жидкости для посуды, Сет скидывает одежду и встает под дождь, как под душ, прямо там, на дорожке.

Намылившись и взбив шапку пены на обритой голове, он закрывает глаза и подставляет запрокинутое лицо под струи, чтобы дождь все смыл. Рука лениво тянется к причинному месту — что, если развлечься пока? Но груз на сердце слишком тяжелый, воспоминания слишком давят. Сет бросает затею и скрещивает руки на груди, дожидаясь, пока стечет мыло. Пена смешивается с коричневыми потоками, струящимися по дорожке.

«Это из-за меня? — думает он, еще крепче обхватывая себя руками. — Это я приманил дождь? Я сделал это гадкое место еще гаже?»

Он стоит под дождем, не двигаясь, пока не начинает дрожать.

Дождь, оказывается, не такой уж и теплый.

Льет весь день, улицу с одного конца капитально затопило, но около дома все более или менее успевает просачиваться в разлом посреди дороги. Остается надеяться, что лиса с лисятами не утонет.

Он сидит дома, разогревает на обед банку картофельного супа. Пока греется, выглядывает на задний двор, смотрит, как дождь поливает террасу и уже раскисающую горку бинтов. Небо — плотная серость, в которой невозможно различить отдельные тучи, просто стена дождя от горизонта до горизонта, куда бы эти горизонты ни простирались. Суп нагрелся, но, съев две ложки, Сет теряет аппетит и оставляет банку рядом с выключенной плиткой.

Телевизор, конечно, не работает. Компьютер тоже. Электронных игр нет. За неимением лучшего Сет достает из шкафа книгу. Это папина, Сет ее уже частично читал, украдкой утаскивая со стеллажа в Америке, когда папа не видел. Она и тогда была для него слишком взрослой, да и сейчас, наверное, тоже. Много энергичного секса, метафоры без конца и края и много философских размышлений о бессмертии. А еще сатир, который всюду совал нос без спроса и, если память не изменяет, на этом и погорел. Сет тогда спросил у папы про «сатири» (ему казалось, что это слово, более знакомое, он в книге и видит). После долгих запутанных объяснений

папа наконец догадался спросить: «Ты где такое высмотрел?» — и на этом чтению украдкой настал конец. Больше Сет эту книгу на стеллаже не находил и, чем все закончилось, так и не выяснил.

Он устраивается с пыльным томиком на кушетке под барабанную дробь и шелест дождя за окном. День тянется дальше. В какой-то момент голод дает о себе знать слишком настойчиво, и Сет разогревает банку сосисок, съедает половину, остальное ставит рядом с остывшим картофельным супом. Когда смеркается, зажигает подвесной фонарь, взятый из туристского магазина. Комната сразу же превращается в театр теней, однако страницы разглядеть можно.

Про ужин Сет забывает.

«Книга, — думает он, растирая глаза, уставшие от сосредоточенного чтения в таких количествах, — это ведь тоже замкнутый мир. — Он заглядывает на обложку. Там играет на флейте Пана сатир, только вид у него куда более невинный, чем на самом деле по сюжету. — Мир, созданный из слов, куда ты на время погружаешься. А потом он заканчивается».

Осталось около пятидесяти страниц, скоро он узнает, чем все закончилось.

И покинет этот мир навсегда.

Загнув уголок, чтобы отметить страницу, Сет кладет книгу на журнальный столик.

На улице совсем стемнело — только теперь Сет понимает, что еще не выглядел наружу ночью. Взяв фонарь, он снова встает в дверях, укрываясь от дождя, который вроде бы чуть-чуть стих, но барабанит по-прежнему размеренно.

Кромешная непроглядная тьма. Ни огонька нигде, ни уличного фонаря, ни фонарика над крыльцом, ни даже сияния на горизонте, которое всегда бывает от городских огней.

А здесь ничего. Сплошная темнота.

Сет выключает фонарь, и на секунду мир вокруг пропадает. Он стоит, дыша в темноту, слушая шум дождя. Постепенно глаза начинают привыкать, различая тусклый свет луны из-за облаков. Из мглы проступают очертания окрестных домов и палисадников, текущие по мостовой ручьи и дельты на тротуарах.

Больше ничто не колышется и не шевелится.

И тут в разрыве облаков неожиданно мелькает звезда, слабо, едва заметно, однако среди кромешной темноты это как победные фанфары. Здесь, на фоне чернильного мрака, в крохотной прорехе умещается, наверное, больше звезд, чем Сет видел на всем небе за целую жизнь. Прореха растет, рассыпая мерцающие огни, по которым словно мазнули чем-то белым или пролили...

Молоко.

Млечный Путь.

— Обалдеть... — шепчет Сет.

Перед ним и в самом деле раскинулся Млечный Путь. Вся Галактика прямо как на ладони. Миллиарды миллиардов звезд. Миллиарды миллиардов миров. И все они, все эти бесконечные параллельные вселенные, не придуманные, а настоящие, существуют вот сейчас, в данный момент. И жизнь — это не только привычный ему мир, не только крохотный городишко в Вашингтоне и даже не только Лондон. Или Англия. Или ад, если на то пошло.

Там столько всего, что он никогда не увидит. До чего никогда не доберется. Столько всего, что можно лишь углядеть одним глазком, понимая: НЕ-ДО-СТИ-ЖИ-МО.

Прореха в тучах затягивается. Млечный Путь исчезает.

25

Уже поздно. Так поздно он здесь еще не ложился. Усталость чувствуется, но спать не хочется. Вряд ли он выдержит еще воспоминание или сон... или что оно там такое. Они с каждым разом все мучительнее, и Сет понимает, даже стараясь не задумываться о них лишний раз, что худшее еще впереди.

Включив фонарь, он уходит обратно в дом. Секунду стоит в раздумьях, не зная, чем же теперь заняться, но тут что-то толкает его к лестнице. Нет, в мансарду он не пойдет — при мысли о гробе, окутанном густой темнотой, по спине бегут мурашки, — только ведь наверху есть еще папин кабинет. Точнее сказать, мамин, потому что папа всю бумажную работу делал у себя в университете. Чай — неважно, главное, что там семейные документы.

Поставив фонарь на стол, Сет без особой надежды жмет кнопку компьютера. Разумеется, безрезультатно. Огромный системный блок молчит, и допотопный выпуклый монитор (когда Сет в последний раз такие видел?) не светится.

Сет просматривает разбросанные на столе бумаги, закашливаясь от поднявшейся пыли. В основном старые счета, однако на нескольких клочках он моментально, чуть не подпрыгнув от изумления, узнает мамин почерк.

«Рашади, уголовный розыск», — написано на одном. Сет помнит эту фамилию, хотя и не слышал ее восемь лет. Поли-

цейская, которая сидела у них во время поисков Оуэна, та самая, которая терпеливо и ласково расспрашивала Сета. Под фамилией телефонный номер с приписками «Мейсонов холм» и «собаки-ищёйки». Это уже что-то новое. В той части города розысков вроде не велось, Сет ничего такого не помнит. Оуэна в итоге нашли на заброшенном складе. Поступил анонимный звонок, звонившего так и не отследили, но полиция обнаружила Оуэна и заключенного...

Заключенного...

Заключенного.

Фамилия не вспоминается.

Он перечитывает записи. «Рашади, уголовный розыск» — понятно, «констебль Хайтауэр» и «констебль Эллис» — тоже понятно, это те двое, которые первыми прибыли после маминого истерического звонка в полицию. И они принялись разыскивать...

Сет морщит лоб. Как могла вылететь из памяти фамилия человека, похитившего Оуэна? Человека, из рук которого Оуэн чудом вырвался живым? Который теперь будет гнить до конца жизни в самой суровой из английских тюрем за свои многочисленные преступления, потому что побег и похищение Оуэна — это лишь два пункта в длинном списке.

— Да что за черт? — шепчет Сет.

Не вспоминается. Вообще. Словно белое пятно в памяти. Хотя все остальное отпечаталось в сознании навеки. Он никогда не забудет ни лицо этого человека, ни тюремную робу.

Ни его слова.

Но вот фамилия...

Фамилия, фамилия, фамилия.

Как можно ее забыть? Он слышал ее постоянно, непрерывно, раз за разом, пока велись поиски. Он даже назвал ее в недавнем сне про Гудмунда...

Назвал ведь?

А теперь она куда-то делась. Ее нет, и все, как ни напрягай память.

Сет тянется к верхнему ящику картотеки. Там что-нибудь наверняка осталось — вырезки про арест, или официальные заключения полиции, или...

Он замирает, взявшись за ручку ящика. На крышке картотеки лежит «лицом вниз» фотография в рамке. На обороте слой пыли, но, поднося фотографию к фонарю, Сет уже знает, что на ней.

Семейный портрет. Он сам, мама, папа и Оуэн — в обнимку (вот ведь угораздило!) с Микки-Маусом. Сет невольно расплывается в улыбке. Это они ездили на поезде в парижский Диснейленд. Шестнадцатилетняя его ипостась презрительно фыркает, готовая разразиться тирадой, что поездка была дурацкой, парк для малышни, аттракционы жалкие — куда им до американских горок, на которых он катался потом в Вашингтоне...

Но это все не так. Отличная была поездка. Непотребно крутая! Да, именно так — не-по-треб-но крутая! Это снимок из прежней жизни — до того, как все изменилось. Из той, где не было ничего невозможного.

До того, как Оуэна целых три с половиной дня где-то держал беглый преступник, чья фамилия вылетела у Сета из головы. Три с половиной дня полицейские обоих полов — в основном женщины, как офицер Рашиди, — безвылазно сидели у них дома, успокаивая родителей, хотя как тут успо-

коиши? Мама то впадала в ярость, то становилась пугающе спокойной. Отец говорил заплетающимся от лекарств языком — ему выписали их на второй день, после того как весь первый он проплакал, не в силах остановиться.

С Сетом оба почти не разговаривали. Кажется, даже совсем не разговаривали.

Он гораздо больше времени проводил с офицером Рашиди. Она была миниатюрная, волосы на затылке стянуты платком, но стоило ей войти в дом, и через пять минут мама прекратила ругаться, а отец — исступленно рыдать. Сету понравилось, что она не стала с ним сюсюкать, ее тон внушал доверие, и каждое сказанное слово казалось правдой.

Осторожно, без нажима, она снова и снова расспрашивала его о случившемся, приговаривая, что ей пригодится любая подробность, даже самая крошечная и глупая, поэтому, если Сет что-то еще вспомнит, пусть обязательно расскажет — мало ли, вдруг именно это поможет найти брата.

— У него был шрам на руке, — на четвертом или пятом круге расспросов добавил Сет и показал на пальцах какой величины.

— Да, — кинула офицер Рашиди, не записывая. — От свадебной татуировки.

— Это важное? — уточнил Сет. — Или глупое?

Она просто улыбнулась, блеснув слегка кривоватыми, но сияющими, как луна, передними зубами.

Все это Сет помнит, как сейчас, но почему-то забыл, как звали человека, о котором они говорили, словно эту фамилию стерли из его памяти начисто.

Он снова смотрит на фото. Оуэн с Микки в центре, у Оуэна рот буквально до ушей (сейчас голова треснет), мама с папой

по сторонам, тоже улыбаются, слегка смущенно, но видно, что довольные.

У Сета вид не менее радостный, хоть он и робеет слегка перед Микки и не подходит вплотную (его тогда здорово напугали кричащие цвета костюмов и приклеенные улыбки, а еще странная немота живого Микки, хотя, наверное, если бы тот вдруг заговорил по-французски, было бы еще непривычнее).

На фотографии поэтому получилось, что Сет будто бы слегка отдельно от остальных, но он не собирается усматривать в этом какие-то знаки. Просто такой вот момент поймала камера — может, он только в эту секунду и отодвинулся от Микки.

Потому что вид у него все равно радостный. Пока.

«Я еще не знаю, что меня ждет», — думает Сет, возвращая снимок на шкафчик.

Не оглядываясь, он выходит из кабинета и закрывает за собой дверь.

26

До самого рассвета он пытается себя чем-то занять, чтобы не заснуть. С головой уходит в новую книгу — прежняя так и остается лежать недочитанной на журнальном столике, — а когда начинает клевать носом, встает и ходит туда-сюда по комнате. Разогревает банку спагетти, но снова съедает только половину. Банка встает в один ряд с недоеденным супом и сосисками.

К рассвету дождь слегка стихает. Это уже скорее морось, но с неба все равно что-то капает, и повсюду текут мутные реки.

Как-то странно будоражит этот недосып — сейчас бы побежаться... Кроссовый сезон к тому моменту, когда Сет утонул, давно закончился, а по зимней стуже удалось урвать лишь пару дней для пробежки.

Мама вот бегала в любую погоду, назло стихиям. Чем не настнее и холоднее, тем лучше. Возвращалась мокрая до нитки, дыша паром изо рта. «Боже, как же хорошо!» — хрипло провозглашала она в дверях, тяжело отдуваясь и прихлебывая воду из бутылки.

Уже много лет она не звала Сета с собой.

Да он бы и не пошел.

Наверное. Скорее всего. Хотя кто его знает.

Но все же без пробежек — тоска. Особенно когда сидишь в четырех стенах. Не хватает размеренного ритма, когда дыхание наконец устанавливается и мир как будто ложится тебе под ноги, словно ты стоишь на месте, а планета вертится под тобой.

И при этом ты тоже наедине с собой, но не одинок. Это полезное одиночество. И такого ему не выпадало уже давно.

Неудивительно, что все так запуталось к концу зимы.

Он снова смотрит в окно. Мир затянут все той же хмурой пеленой мороси.

— Как только выглянет солнце, — обещает Сет вслух, — я бегу.

Но до самого вечера приходится сидеть внутри. Все часы в доме, разумеется, стоят, поэтому остается лишь догадываться, сколько сейчас времени.

Главное не заснуть. Сет изобретает разные глупости, чтобы не провалиться в сон. Поет во все горло. Отрабатывает

стойку на руках. Перечисляет названия штатов (когда из пятидесяти набирается только сорок семь, чуть не лезет на стену, пытаясь вспомнить Вермонт, потом сдается).

К вечеру Сет начинает мерзнуть. Он зажигает все фонари и поднимается наверх, в родительскую спальню, за одеялами. Закутавшись, ходит туда-сюда по гостиной, силясь чем-нибудь занять мысли, чтобы прогнать сон и скуку.

И одиночество.

Он останавливается посреди комнаты, завернувшись в одеяла, как в мантию.

Одиночество. Подпитанное накопившейся усталостью, кошмарное здешнее одиночество накрывает Сета с головой, словно волны, в которых он утонул.

Здесь никого нет. Он один. Больше никого.

До скончания веков.

— Черт... — бормочет он себе под нос, ускоряя шаг. — Черт, вот черт, вот черт, вот черт.

Он будто снова барахтается в волнах, хватая ртом воздух. Горло сжимается, как тогда, когда накатывала очередная ледяная машина. «Не сдавайся, — приказывает он себе в панике. — Борись! Вот черт, вот черт...»

Он застывает как вкопанный, едва сознавая, что с губ рвется бессильный стон. Он даже запрокидывает голову, будто пытаясь глотнуть воздуха, который скоро исчезнет за толщей воды.

— Я не могу, — шепчет он в наполненный тенями полу-мрак. — Не могу. Не навсегда. Пожалуйста...

Сет сжимает и разжимает кулаки, вцепившись в одеяла, которые вдруг словно душат и тянут еще глубже на дно. Он сбрасывает их на пол.

«Я не могу бороться. Пожалуйста, не надо, я не могу».

И только теперь в свете фонаря он видит, что, расхаживая туда-сюда, подмел волочащимся краем целую дорожку на полу. И теперь там тускло поблескивает полированный паркет.

Сет подпихивает скомканное одеяло ногой — оно едет по полу, оставляя еще полоску блестящего паркета. Тогда Сет тащит комок до самой стены, стирая пыль. Потом поднимает одеяло. Изнанка вся грязная, но он переворачивает куль на нетронутую сторону и ведет вдоль стены до камина.

Оглядывается. Пол обрамляет относительно чистая кайма.

Свернув одеяло еще раз, Сет вытирает пол под стеной по всему периметру, потом вокруг кушеток, сворачивая и переворачивая свою импровизированную тряпку, пока наконец не протирает весь пол целиком. Зашвырнув перепачканное одеяло на кухню, он подбирает другое, складывает квадратом и вытирает обеденный стол, закашливаясь от пыли, но в конце концов и здесь образовывается почти сияющая поверхность.

Намочив уголок одеяла поменьше в раковине, он оттирает въевшуюся грязь на столе, потом переходит к впавшему в спячку телевизору. Когда очередное одеяло приходит в негодность, Сет забрасывает его в растущую кучу на кухне и берет новое. Вскоре он уже роется в комоде наверху, вытаскивая намертво пересохшие полотенца и простыни, которыми вытирает камин и подоконники.

Сет впадает в какой-то экстатический транс: все мысли сосредоточены только на этом занятии, он работает как заведенный, уже не в силах остановиться. Вытирает книжные полки, реечные двери в чулан, стулья вокруг обеденного стола. Случайно разбивает лампочку в люстре, счищая с нее пау-

тину, но делать нечего — только завернуть осколки в тряпку и бросить в ту же кучу на кухне.

Потом он принимается вытираять остатки пыли с зеркала над кушеткой. К стеклу пыль пристала плотно, поэтому Сет берет влажную тряпку и трет сильнее, с нажимом, стараясь отчистить.

— Ну, давай, — приговаривает он, сам не замечая, что говорит вслух. — Давай!

Отступив на секунду назад, он стоит перед зеркалом, тяжело дыша. Поднимает руку с тряпкой, чтобы продолжить...

И видит себя в свете подвесного фонаря.

Осунувшееся лицо, «ежик» на голове, темные волоски, пробивающиеся над верхней губой и на подбородке, а на щеках вообще ничего не растет, так что обзавестись когда-нибудь бородой нечего и мечтать.

Видит свои глаза. Затравленные. Может, даже одержимые.

А еще видит комнату за спиной. Теперь она гораздо больше похожа на жилье, чем до того, как на Сета вдруг «нашло» — чтоб, он и сам не знает.

Но дело сделано. Чистая — или хотя бы прибранная — комната. Он смахнул пыль даже с этой жуткой, кошмарной картины с умирающей лошадью. Теперь Сет смотрит на нее в зеркало — глаза выпучены, язык торчит, словно пика.

И он вспоминает.

Уборка. Наведение порядка. Лихорадочное очищение.

Это уже было. Он уже драил так свою комнату. В Америке.

— Нет, — вырывается у Сета. — Не-е-ет!

Это было последнее, что он делал перед выходом из дома.

Перед тем, как отправиться на берег.

Перед тем, как умереть.

27

— Ты не думал, что мне это тоже не нравится? — яростно прошептал Гудмунд. — Что мне это на хрен не сдалось?

— Но ты же не можешь... — ответил Сет. — Не можешь же ты просто...

Язык не поворачивался. Не хотел произносить это слово.

Уехать.

Гудмунд нервно оглянулся на свой дом с водительского сиденья. Внизу горел свет, и Сет знал, что родители Гудмунда не спят. В любую секунду его исчезновение могли обнаружить.

Сет покрепче обхватил себя руками, пытаясь согреться.

— Гудмунд...

— Либо я заканчиваю год в частной школе Бетель, либо они не оплачивают университет. Пойми, Сетти... — Гудмунд практически умолял. — У них просто крышу сорвало. — Он нахмурился. — Не у всех же предки — толерантные европейцы...

— Не такие уж они и толерантные. Теперь они на меня едва смотрят.

— Они и раньше не особенно смотрели, — возразил Гудмунд. — Прости. Ты понимаешь, о чем я.

Сет промолчал.

— Это же не навсегда, — утешил его Гудмунд. — Мы встретимся в университете. Придумаем, как сделать, чтобы никто...

Но Сет уже качал головой.

— Что? — не понял Гудмунд.

— Мне придется идти в папин университет, — пояснил Сет, не поднимая глаз.

Гудмунд на водительском сиденье удивленно встрепенулся:

— Что? Но ты же говорил...

— Из-за терапии для Оуэна мы вылетаем в трубу. Так что если я иду в колледж, то в папин, там обойдется дешевле, как сыну сотрудника.

У Гудмунда от изумления отвисла челюсть. Они совсем не так планировали. Совершенно не так. Предполагалось, что они пойдут в один университет и будут соседями по общежитию.

За сотни миль от дома.

— Ох, Сет...

— Ты не можешь уехать, — мотал головой Сет. — Не сейчас.

— Сет, мне придется...

— Ты не можешь! — Голос дрожал, Сет с трудом сдерживал слезы. — Пожалуйста!

Гудмунд положил руку ему на плечо. Сет вывернулся, хотя именно сейчас на самом деле отдал бы весь мир за это прикосновение.

— Сет. Все наладится.

— Как?

— Это же не на всю жизнь. Это крошечный ее кусок. Выпускной класс, Сет. Это не навсегда. И правильно.

— Мне было так... — выдохнул Сет в стекло. — С Нового года, с тех пор, как тебя нет, мне было...

Он не договорил. Он не сможет объяснить Гудмунду, как ему было плохо. Худшее время в жизни. В школе невыносимо, иногда за целый день и словом ни с кем не обменяешься. Несколько человек — в основном девчонки — пытались посочувствовать и возмутиться тем, как несправедливо с ним обошлись. Однако это лишь напоминало, что прежде у него было трое друзей,

а теперь ни одного. Гудмунда родители забрали из школы. Эйч нашел другую компанию и с Сетом не разговаривал.

А Моника...

О Монике даже думать не хотелось.

— Всего пару-тройку месяцев продержаться, — уговаривал Гудмунд. — У тебя получится.

— Без тебя — нет.

— Сет, пожалуйста, не говори так. Я не могу, когда ты так говоришь.

— Кроме тебя, у меня никого нет, Гудмунд, — прошептал Сет. — Ты — это все. Больше у меня ничего нет.

— Не говори так! Я не могу быть всем для кого-то. Даже для тебя. И так крыша едет от этого. Одно то, что придется уехать... Хочется кого-нибудь убить! Но я выдержу, если буду знать, что ты здесь, карабкаешься, не сдаешься. Это не навсегда. Все изменится. Правда. Мы найдем выход, Сет. Сет?

Сет смотрел на него и видел то, чего не сознавал раньше. Гудмунд уже исчез, он уже мыслями в своей частной школе Бетель, за шестьдесят пять миль отсюда, а может, еще дальше в будущем — в Вашингтонском университете, и может, в этом будущем есть и Сет, может, там действительно найдется место для них обоих...

Но Сет-то еще тут. Он здесь, а не в будущем. Он всего лишь в этом немыслимом настоящем.

И понятия не имеет, как добраться отсюда дотуда.

— На этом ничего не заканчивается, Сетти, — убеждал Гудмунд. — Сейчас трудно поверить, но всегда есть что-то еще. Нужно просто до этого дожить.

— Просто дожить... — едва слышным эхом откликнулся Сет.

— Именно. — Гудмунд снова коснулся его плеча. — Продержись, пожалуйста. Мы сможем. Обещаю.

Оба вздрогнули от звука хлопнувшей двери.

— Гудмунд! — прокричал с крыльца отец Гудмунда так громко, что, наверное, все соседи проснулись. — Отзовись немедленно!

Гудмунд опустил окно.

— Я здесь! — крикнул он. — Хотел подышать.

— Ты что, за идиота меня держишь? — Отец вглядывался в темноту, где сидели в припаркованной машине Гудмунд с Сетом. — Иди сюда сейчас же!

Гудмунд повернулся к Сету:

— Будем переписываться. Говорить по телефону. Мы не потеряемся, обещаю.

Наклонившись, он крепко поцеловал Сета на прощание, наполняя ноздри своим запахом, вминая телом в спинку сиденья, прижимая к себе...

А потом исчез, выкатившись за дверь, спеша к освещенному крыльцу, огрызаясь на отца по дороге.

Сет смотрел ему вслед.

И когда Гудмунд скрылся в доме, Сет почувствовал, как захлопываются двери вокруг него самого.

Как смыкается вокруг настоящего, отсекая его от всего остального.

Навсегда.

28

Сет не сразу понимает, что он на полу. Вроде бы он туда не укладывался, но судя по тому, как все затекло, пролежал здесь не один час.

Он садится. Какая-то странная легкость.

Будто его опустошили.

Тяжесть, которую приносят сны, где-то тут, рядом, и Сет ее смутно ощущает, но, прислушиваясь к собственному телу, не чувствует...

Ничего. Совсем ничего.

Он поднимается на ноги. Сон придал немного сил. Сет разминает руки, шею, потягивается.

И замечает полоски неяркого света, который пропускают жалюзи.

Дождь кончился. Солнце вышло.

А он ведь обещал себе пробежку.

Стараясь ни о чем не думать, Сет переодевается в шорты и новую футболку. Кроссовки не беговые, но сойдут. Бутылку с водой брать или не брать? Обойдется, пожалуй.

Завтрак тоже отменяется. За последние полтора дня он вообще почти ничего не ел, но его греет и даже, кажется, питает крепнущее осознание цели.

Той же самой, которая привела его тогда на берег.

Он вытряхивает мелькнувшую мысль из головы.

Сегодня утром для него ничего не существует.

Совсем ничего.

Кроме бега.

Он идет к двери. И не закрывает ее за собой.

И пускается бежать.

Тогда было холодно, ниже нуля, наверное. В тот день, когда он вышел из дома, вылизав до блеска свою комнату, сам не зная зачем, даже не осознавая, машинально расставляя все по местам, чтобы было чисто, аккуратно и окончательно, чтобы не оставлять ничего недоделанного.

Мама повезла Оуэна к психологу, папа работал на кухне. Сет спустился в гостиную. Взгляд наткнулся на жуткую дядину картину, откуда навеки застывшая в агонии лошадь, кося бешеным глазом, смотрела вслед закрывшему за собой дверь Сету.

До берега было добрых полчаса пути, небо грозило просыпаться снегом в любую секунду, но почему-то не делало этого. Море сегодня было не такое страшное, как обычно зимой. Волны тише, но все еще злые, все еще жадные. Пляж, как обычно, каменистый.

Постояв минуту, Сет начал снимать кроссовки.

Он бежит к станции, оставляя следы на подсохшей грязи; отвыкшие от таких упражнений ноги скрипят и стонут. Сет поворачивает на лестницу между домами, срезая путь.

Вот и первые капли пота, жгут глаза, стекая по лбу. Солнце лупит. Дышать тяжело.

Сет бежит.

И на бегу вспоминает.

Он прибавляет скорости, словно от воспоминаний можно удрачить.

Между валунами песок, и Сет, встав на песчаном пятаке, стащил сначала одну кроссовку, затем другую. Аккуратно поставил их рядом, потом, усевшись на валун, стянул носки, свернул и засунул поглубже в кроссовки.

Ему было... не то чтобы спокойно, спокойно — это не то слово, но временами, когда он думал о чем-то еще, кроме носков, которые нужно свернуть поаккуратнее, на него накатывало почти что облегчение.

Облегчение — потому что наконец-то, наконец-то, наконец...

Наконец не будет этого — этого груза, этой ноши, которую приходится тащить.

Он застыл на миг, пытаясь избавиться от тисков, сдавивших грудь.

Он вздохнул.

Сет перепрыгивает через турникет на станции и взлетает по лестнице на платформу. Не глядя на поезд, он бежит к мостику над путями. Кабана не слышно — наверное, дрыхнет в своей берлоге, укрывшись от жары.

По лестнице, через мостик и вниз с другой стороны.

Он снял куртку — так ему показалось правильнее. Под курткой осталась только футболка, голые руки тут же обожгло ветром. Дрожа, Сет свернул куртку и уложил на кроссовки.

Он был там — и в то же время нет, словно наблюдал откуда-то с высоты за босым парнем в одной футболке, который смотрит на море.

Будто ждал.

Чего?

Но так и не дождался.

Потом он прошептал: «Я готов».

Неожиданно для него самого в душе закипела горечь, такая сильная, что чуть не свалила с ног.

Но он не соврал. Он готов.

Сет зашагал к воде.

Перепрыгнув через калитку на другой стороне от путей, он бежит к дальнему выходу. Потом топочет по склону к шоссе,

морщась от боли в икрах, но мышцы постепенно просыпаются, вспоминают, проникаются нужными ощущениями...

Сет вбегает на пепелище.

Все вокруг мертвое.

Ледяная вода обожгла уже на первых шагах, и дыхание невольно перехватило. По рукам пробежали мурашки, поставив дыбом тонкие черные волоски. На миг показалось, будто он уже тонет, зайдя едва ли по щиколотку.

Он знал, что его прикончит если не вода, то холод.

Сет заставил себя сделать еще шаг.

И еще.

Тихо, слышно только собственныйный топот и шумное дыхание. На первой улице все разрушено до фундаментов, по обеим сторонам лишь груды головешек. Из-под кроссовок вырываются облачка подсыхающего на солнце пепла, и за Сетом тянется столб пепельной пыли.

Он снова устремляет взгляд вперед.

К Мейсонову холму.

Ноги, посиневшие от холода, немея, переступали с камня на камень. На каждом шаге — чуть дальше, чуть глубже — Сета будтоолосовали ножом, но он все равно шел. Уже забрался по колено, потом по бедра; намокшие джинсы почернели. Мелководье тут тянется далеко, но Сет помнил, что дальше оно обрывается, переходя в глубину, где придется плыть. А еще он знал, что здесь проходит течение, которое подхватывает зазевавшегося пловца и швыряет на громоздящиеся вдалеке скалы.

Он заледенел до костей, такое ощущение, что его окунули в кислоту. Когда набежавшая волна замочила футбольку, из груди вырвался невольный вскрик. Сета била дрожь, каждый шаг приходилось вымучивать.

Следующая волна, большие и сильнее предыдущей, чуть не сшибла его с ног. За ней накатила еще одна. Долго он так не удержится, и так цепляется пальцами за камни на дне, а прибой качает его, словно поплавок. Сет приготовился оторваться, погрузиться в воду и плыть в ледяную даль, где ждет его страшная, жуткая свобода.

Он здесь. Он уже столько преодолел. Осталась такая малость, и он ведь сам сюда добрался, по своей воле.

Почти закончилось. Он почти на месте.

Никогда еще за всю жизнь он не чувствовал себя таким сильным.

На другой улице от домов остались бетонные оставы, хоть и обгоревшие снаружи и внутри. Не только дома, но и фасады магазинов, и даже более крупные здания.

Все прокопченное, пустое, мертвое.

В горле саднит, надо было все-таки взять воды. Мысль о воде мелькает лишь на секунду и тут же улетучивается.

Мейсонов холм упрямо маячит на горизонте, а больше ничего и не надо.

У Сета внутри пустота. Словно его выпотрошили.

Он может бежать вечно.

Он чувствует свою силу.

Потом еще более высокая волна накрыла его, увлекая за собой в ледяную толщу. Холод пронзил, будто током, и тело свело

мучительной судорогой. Корчась под водой, Сет едва не треснулся головой о выход скальных пород.

Кашляя, захлебываясь, он вырвался на поверхность — прямо под следующую волну. Он вынырнул снова, отчаянно молотя ногами в попытке оттолкнуться, но течение уже подхватило его и стремительно тащило за собой. Сет едва успел выплюнуть соленую воду, как еще одна волна кувырнула его вверх тормашками.

(Он боролся, несмотря ни на что, он все еще боролся...)

Холод разросся до размеров исполинского зверя. На удивление скоро мышцы отказались работать, и, хотя Сет по-прежнему видел пустынный берег в те доли секунды, когда голова оказывалась над водой, каменистая полоса все удалялась и удалялась. Течение тащило его к скалам.

Слишком поздно.

Назад уже не вернуться.

(Но Сет все равно боролся...)

Он прибавляет скорость, дыхание становится рваным и хриплым, вытесняя воспоминания, не давая им задержаться.

«Я добегу, — думает Сет. — Добегу до холма. Уже недалеко».

Еще одна улица, и еще одна, пустые дома вокруг торчат, словно надгробия, хрепты в легких делаются громче, ноги слабеют.

«Добегу. До самой вершины...»

Вот парень, который бежит по улице.

Парень тонул.

В эти последние секунды его убивала не столько вода, сколько холод. Холод вытянул из него все силы, и сведенные судорогой мышцы не подчинялись, как ни барахтайся.

(Он боролся до конца, до самой последней минуты...)

Парень — почти семнадцатилетний — был молод и крепок, но ледяные волны накатывали одна за другой, одна другой выше. Они вертели его, кувыркали, тянули глубже и глубже.

Он не думает о финише, о конечной цели. Не облекает мысль в слова. Есть только стремление. Только легкость.

Легкость оттого, что все закончилось. Легкость отпущения.

А потом, ни с того ни с сего, морю словно надоела эта игра, эти жестокие кошки-мышки.

Подхватив свою жертву, прибой обрушил ее на убийственно острые скалы. Правая лопатка раскололась пополам с громким треском — парень услышал этот «крак!» даже под водой, даже сквозь рев течения. Обезумев от боли, он кричал, захлебываясь, заходился кашлем, но только закачивал в легкие еще больше соленой ледяной жидкости. Раздирающая плечо боль ослепляла, парализуя. Он уже не пытался барахтаться, сил не осталось, и волны снова начали его вертеть. «Пожалуйста», — билась единственная мысль. Всего одно слово, гулким эхом отдающееся в голове.

Он не знал, о чем просит.

«Пожалуйста...»

«Пожалуйста», — думает Сет.

С одной стороны у Мейсонова холма крутой обрыв. Его уже видно вдали.

Пятнадцать метров отвесной скалы над бетонной дорогой.

«Пожалуйста...»

Волна ухватила его в последний раз. Откатилась, словно замахиваясь, и кинула головой прямо на скалы. Океан швырнул его всей своей разъяренной массой.

Но не освободил.

Сет очнулся здесь.

Здесь, где ничего нет.

Ничего, кроме одиночества, куда более жуткого, чем оставшееся позади.

Невыносимого одиночества...

Почти добежал. Последний поворот. Еще одна длинная улица, и он у подножия холма.

Сет заворачивает за угол...

Вдалеке, в конце вытянувшейся перед ним дороги, виднеется черный грузовик.

И этот грузовик едет.

29

От неожиданности Сет останавливается на бегу — и падает, зарываясь ладонями в пепел.

Грузовик.

Удаляющийся грузовик.

Грузовик, который кто-то ведет.

Он медленно катит в сторону горизонта, взметая за собой облако пепла, но все же он самый настоящий, это не мираж.

В аду есть кто-то еще.

Сет поднимается, шатаясь, и машет руками над головой, не успев даже подумать, чем это может обернуться.

— Подождите! — кричит он. — СТОЙТЕ!

И грузовик почти сразу же останавливается. Он стоит довольно далеко, чуть плывя в мареве, исходящем от нагретого на солнце пепла, но совершенно точно стоит, а не едет.

Водитель его услышал.

Сет смотрит. Сердце бешено колотится, легкие чуть не разрываются.

В кабине открывается дверь.

И тут кто-то сзади, припечатав рот Сета ладонью, хватает его поперек туловища и отрывает от земли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

30

Чужие руки запрокидывают Сета назад, и он едва удерживается на ногах. Он пытается сопротивляться, однако от слабости — недоедание и недосып, долгий бег, да еще эта тяжесть в груди — может только пятиться, стараясь не упасть...

А руки, между прочим, довольно маленькие...

Они тянут его с тротуара к оству полуразрушенного здания, которое когда-то высилось на несколько этажей, а теперь превратилось в потрескавшуюся бетонную коробку, заполненную на удивление густым полумраком.

Если его туда затащат, смогут сделать с ним что угодно.

Сет намеренно оседает, словно куль, валится на покрытый пеплом тротуар, увлекая напавшего за собой.

— Ай! — раздается вскрик.

Сет откатывается и выставляет кулаки, готовясь дать отпор тому, кто вдруг материализовался из ниоткуда...

Но это всего лишь мальчишка.

Пацан лет одиннадцати-двенадцати, на целую голову ниже Сета. Вот почему такое странное было ощущение — все равно что мартышке вцепиться в жирафа.

— Нет! — в явной панике шепчет пацан. — На улице нельзя оставаться!

Он уже поднимается, глядя мимо Сета на грузовик. Сет тоже оборачивается. В жарком колеблющемся мареве он сам не уверен, не мерещится ли ему стоящая рядом с кабиной фигура...

Пацан хватает Сета за футболку:

— Пойдем! Нужно уходить!

Сет шлепает его по руке:

— Отвали!

— Нет, нужно!

Только теперь Сет слышит в его голосе акцент — кажется, восточноевропейский. За спиной пацана у фасада сгоревшего здания валяется в пыли и пепле велосипед.

— Реджина! — кричит пацан в ту сторону.

Из полуразрушенного дома появляется высокая, довольно полная темнокожая девчонка, примерно Сетова возраста, может, даже старше, тоже на велосипеде. За ее спиной просвет, через который, видимо, эти двое и въехали. Запыхавшаяся девчонка возмущенно сверкает глазами на Сета:

— Боже, ну ты и бегаешь!

— Вы кто? — спрашивает Сет. — И что за фигня...

— Нужно уходить! — настаивает пацан, показывая на дорогу. — Водитель!

Все трое оглядываются. Дверца кабинки уже закрыта, и грузовик снова движется, описывая дугу.

Разворачивается.

Девчонка, вытаращив глаза от ужаса, спрыгивает с велосипеда:

— Томми, прячься!

Пацан забирает у нее велосипед, хватает собственный и катит их в полумрак. Девчонка, вцепившись в футболку Сета обеими руками, пытается затащить туда же и его.

И она гораздо сильнее пацана.

— Убери руки! — Сет дергается, вырываясь.

Она наклоняется к нему, почти нос к носу:

— Если сейчас же не пойдешь с нами, то погибнешь.

— Она не врет! — кричит пацан, подпрыгивая с перекошенным лицом в оконном проеме. — Иди сюда, пожалуйста!

Он исчезает за стенкой, скрывающей некое подобие пещеры, образовавшейся из наваленных под углом бетонных плит. Велосипеды он уволакивает за собой.

Девчонка продолжает тянуть Сета за футболку, так что уже нитки трещат. Отпихнув ее, он снова смотрит на дорогу. Грузовик уже развернулся и движется сюда.

«Что за фигня? — думает Сет. — Нет, правда, что за фигня?»

С испуганным взвигом девчонка выпускает футболку и ныряет в укрытие.

И вот это на него наконец действует. Ее страх.

Сет бежит вслед за ней в полуразрушенный дом.

Внутри так темно, что Сет, вбежавший с яркого солнца, на секунду слепнет.

— Быстрее!

Девчонка увлекает его за собой через низкую стенку в крохотный альков, где из-за пацана с велосипедами стало еще теснее. Сет успевает удивиться, как он сам не додумался добить велик.

— Это же глупо, — говорит он вслух. — Нас увидят...

— Подумает, что мы уехали обратно, — говорит девчонка. — Если повезет.

— А если не повезет?

Она поднимает палец к губам, приказывая замолчать.

Теперь Сет тоже слышит.

Шум мотора. Почти рядом.

— Едет... — скулит мелкий.

Пацан и девчонка вжимаются в стену крошечного алькова, который едва вмещает всех троих, да еще с велосипедами. Сбившись кучкой, они тяжело дышат, обливаясь потом, и стараются не шевелиться.

Грузовик останавливается снаружи. Сышен звук открывающейся дверцы.

Сета задевает рука — это пацан тянется к девчонке. Она берет его ладонь в свою и крепко сжимает.

Все замирают затаив дыхание.

Пепел скрипит под тяжелыми шагами. Один человек, догадывается Сет по звуку. Одна пара ног.

И тут из полумрака проступает фигура.

Немыслимо (в этом-то пекле), но она с головы до ног затянута в черный синтетический облегающий комбинезон типа гидрокостюма. Лицо скрывается под гладким шлемом — если не считать выступов для носа и подбородка, это сплошной обтекаемый полированный металл.

Как гроб на чердаке.

Справа доносится едва слышный шелест. Пацан в полуслучае, крепко зажмутившись, отчаянно шевелит губами, словно молится.

Фигура в комбинезоне останавливается почти напротив, боком к ним. Стоит ей только повернуться в нужную сторону, слегка нагнуться и присмотреться...

Она проходит мимо, исчезая из виду. Сет слышит, как выдыхает рядом девчонка, но тут же снова замирает, потому что фигура возвращается. И опять останавливается, разглядывая следы в пепле, которые наверняка ведут прямо в их

укрытие. В руке у фигуры зловещая черная дубинка — грозное, устрашающее оружие.

Фигура — Водитель, как его назвал пацан, — навевает ужас. У нее человеческий облик, но что-то в черноте ее облачения, в том, как она держится...

«Что-то в ней нечеловеческое», — думает Сет.

Безжалостное — вот что. Неумолимое. Она тебя запросто убьет, как сказала девчонка, не дав даже шанса ее разжалобить, и ты вообще не поймешь, почему умираешь.

Фигура делает шаг к алькову.

Сет чувствует, как напрягается прижатая к нему в темноте рука пацана, еще сильнее стискивая руку девчонки...

Но тут Водитель останавливается. Замерев на секунду, он отходит назад и быстро исчезает из виду. Слышно, как хлопает дверца кабинки, ревет мотор, и грузовик уезжает.

— Слава богу... — шепчет пацан.

Выждав еще немного, чтобы наверняка, они выбираются из укрытия. Пацан и девчонка стоят в косых лучах солнца, пацан слегка мнется, у девчонки вид вызывающий.

— Вы кто? — спрашивает Сет. — И что это была за фигня?

Они уставляются на него. Потом пацан, задрожав подбородком, заливаются слезами. Девчонка закатывает глаза, но все же распахивает руки, и мелкий вешается ей на шею, рыдая.

31

— Кто вы? — еще раз спрашивает Сет, не сводя с них глаз. — Что тут происходит?

— Он у нас чувствительный, — поясняет девчонка, прижимая пацана к себе. — Может, поляки все такие.

— Я не о том.

— Понимаю, что не о том. — Она отпускает пацана, подбородок у которого еще дрожит. — Ну, все, Томми, все уже.

— Порядок? — спрашивает пацан.

— Да какой уж тут порядок.

Она явно англичанка, под усталыми глазами мешки, одежда — такая же смесь новых-только-что-с-вешалки вещей и вымазанных в пепле, как и у самого Сета. Девчонка довольно высокая, выше, чем он, волосы туго стянуты на затылке заколкой. Пацан же до смешного щуплый. И на голове у него практически такое же воронье гнездо, как обычно у Оуэна. Сердце на секунду неожиданно больно сжимается при воспоминании о брате.

— Меня зовут Реджина, — представляется девчонка. — А это Томаш.

Оба смотрят на Сета выжидающе.

— Сет, — произносит он. — Сет Уэлинг.

— Американец? — удивляется Реджина. — Надо же!

— Откуда ты знаешь? — недоуменно моргает Томаш.

— По акценту.

Томаш смущенно улыбается:

— Я еще не различаю. Для меня все одинаково.

— Я родился в Англии, — уточняет Сет, снова начиная теряться в догадках. — Здесь. Хотя черт его знает, что это «здесь» такое.

Девчонка выволакивает велосипеды из алькова.

— Поедешь с ним, — говорит она Томашу. Тот недовольно бурчит, но велик забирает. — Пошли, — зовет она Сета. — Нечего тут рассиживаться.

— Думаете, я пойду с вами?

— Некогда препираться. Хочешь — иди, не хочешь — не иди...

— Реджина! — Томаш в ужасе округляет глаза.

— ...но если останешься, Водитель тебя отыщет, и ты на самом деле умрешь.

Сет не отвечает. Не знает, что ответить. Девчонка окидывает его взглядом, явно сопоставляя беговую одежду, отсутствие бутылки с водой и то, как он бежал — выкладываясь, целеустремленно. Она смотрит на горизонт за его спиной.

На Мейсонов холм.

Холм близко, так близко, что можно метнуться туда хоть сию секунду и взбежать на самую...

Но желание это уже угасло. Чувство отпущения пропало. То самое чувство, которое вытянуло бы его на вершину.

К краю крутого обрыва.

Они остановили его. В последний момент.

Сет размышляет.

Пацан и девчонка, появившиеся из ниоткуда, остановившие его перед самым холмом, перехватившие на пути к черному грузовику.

Который тоже возник из ниоткуда.

Это он их всех вызвал? Сотворил?

В последний момент?

Да, но Томаш, Реджина... Слишком необычные имена, чужеродные, даже в этом странном месте.

А еще этот грузовик. И Водитель.

Что все-таки за фигня?

— Вы настоящие? — тихо, почти про себя, спрашивает Сет.

Пацан сочувственно кивает.

— Я понимаю, откуда такой вопрос, — говорит девчонка. — Но у меня только один ответ: мы такие же настоящие, как и ты.

Сет выдыхает:

— А если я себя сам не очень настоящим ощущаю?

Девчонка смотрит понимающе:

— Нам правда нужно двигать. Ты с нами?

Сет не знает, как поступить и что от него ожидается. Но, вне всякого сомнения, эти двое, кто бы они ни были, выглядят куда безобиднее, чем Водитель.

— Хорошо, — решается Сет.

32

Из-под колес Реджинного велосипеда вылетают комья пепла. Сет чуть позади стоя крутит педали второго велосипеда, Томаш сидит на седле, обхватив Сета за пояс (мог бы и легче).

— Мне так не нравится, — жалуется Томаш. — Ты слишком высокий. Мне не видно.

— Держись, и все, — велит Сет.

Они катят по заметенным пеплом улицам, возвращаясь по старым следам Реджины и Томаша и на каждом углу высматривая грузовик.

— Кто это был? — спрашивает Сет. — Кто он такой?

— Все объяснения позже, — обрывает его Реджина.

— Она его уже видела, — слышит Сет из-за спины. — Видела, что он делает.

— Позже! — нажимая на педали, повторяет Реджина.

Еще поворот, потом еще. Они приближаются к станции. Велосипедные следы отпечатались на пепле почти параллельно со следами кроссовок Сета.

— Вы ехали за мной.

— Пытались тебя перехватить, — подтверждает Томаш.

— Откуда вы знали, где я?

— Позже! — рявкает Реджина, заворачивая за угол. — Нужно оторваться от... ЧЕРТ!

За углом их поджидает черный грузовик.

Реджина тормозит так резко, что велосипед заносит, и она падает. Сет сам едва не летит на землю, когда Томаш, соскочив, кидается ей на помощь. Грузовик раскорячился на перекрестке, перекрывая подъезды с трех улиц. Они выбрали самую маловероятную, но грузовик уже ревет мотором, разворачиваясь.

Только теперь, увидев его вблизи, Сет понимает, что это не совсем грузовик. Он весь гладкий, обтекаемый, космический, и затененные стекла почти сливаются с бортами по цвету. Никаких опознавательных знаков на нем нет. К нему даже пепел и пыль не липнут. Просто кусок холодной черноты на фоне окружающей серости.

Как шлем на Водителе.

Как гроб на чердаке.

— К мосту! — кричит Реджина, поднимая велосипед и даже не дожидаясь, пока Томаш устроится на сиденье за ее спиной. — Сейчас он развернется!

Она жмет на педали и катит, сперва виляя, потом набирая скорость. Проскакивает перед самой кабиной грузовика, уворачиваясь на юрком велосипеде от громадины, но эта фора

у них недолго. Сет мчится за ней, вскачивая на засыпанный пеплом тротуар, чтобы грузовик его не сбил.

Он уже видит мост, который имела в виду Реджина. Выходящие от станции пути перекинуты над дорогой по кирпичному виадуку. Он наполовину обрушился, но справа от груды битого кирпича остался достаточно широкий проем, велосипед проедет.

А грузовик — нет.

Сет обгоняет Реджину, которая натужно крутит педали под двойным весом. Рев мотора усиливается, и, оглянувшись, они видят, что грузовик развернулся.

Черная громадина набирает скорость.

— Не успеем! — взвизгивает Томаш.

— Держись! — кричит Реджина, бешено работая ногами.

Сет снова бросает взгляд через плечо. Грузовик надвигается.

Томаш прав. Не успеют.

Не задумываясь, Сет резко выворачивает руль направо, взметая веер пепла, и мчится в обратную сторону.

— Ты что?! — вопит Реджина.

— Езжай! — командует он в ответ. — Вперед!

Он проносится мимо них в обратном направлении, летя прямо на грузовик.

— НЕТ! — визжит за спиной Томаш, но Сет вертит педали все быстрее.

— Давай, — приговаривает он, идя на таран. — Давай!

Грузовик не тормозит и не сворачивает.

Сет тоже.

— ДАВАЙ! — орет он.

Осталось каких-нибудь метров двадцать пять...

Пятнадцать...

Грузовик ревет мотором...

И прямо перед столкновением вдруг резко уходит влево, взмывая на потрескавшийся тротуар и врезаясь в обгоревший остов дома.

Сет делает очередной крутой разворот в пепле.

— Вперед! Вперед! — кричит он Реджине и Томашу, которые, застыв, смотрят на него.

Реджина снова принимается вертеть педали и исчезает в узком створе под мостом. Сет припускает за ними. Рев мотора опять бьет по ушам, но теперь они проскаакивают без оглядки через темный тоннель и вылетают с другой стороны.

— Он будет нас искать? — спрашивает Сет.

— Понятия не имею! — отвечает Реджина. — Нужно добраться до твоего дома и спрятаться.

— До моего?

— Следующий переезд через несколько кварталов к северу, — объясняет Реджина. Томаш вцепился в нее намертво. — Вряд ли он знает, где ты живешь...

— А вы тогда откуда знаете?

— Велосипеды спрячем, — продолжает Реджина, будто не слыша. — На эту сторону он обычно не ездит.

— Обычно?

Реджина раздраженно хмыкает, заворачивая за угол:

— Мы тоже многого не знаем.

— Но кое-что все-таки да, — встревает Томаш.

— Например? — интересуется Сет.

— Например, мы правильно сделали, что тебя догнали, — расплывается в улыбке Томаш. — Потому что ты нас спас.

— От чего? — спрашивает Сет, когда они наконец замедляют скорость. — Что это было-то?

— Смерть, — отвечает Томаш, поднимая глаза на Сета. — Это была смерть.

33

— Не настоящая смерть, — поправляет Реджина. Они прячут велосипеды в заросшем саду через две улицы от дома Сета. — Мы зовем ее Водителем.

— А может, и настоящая, — не сдается Томаш.

Реджина закатывает глаза:

— Ну, ведь не скелет в плаще с... — Она изображает жестом.

— Косой? — подсказывает Сет.

— С косой, — соглашается Реджина. — Но он все равно убивает.

— Откуда ты знаешь?

— Не сейчас. — Реджина устремляется по тротуару к дому Сета. — Вот укроемся внутри...

— Но вы-то кто? — не отстает Сет. — Откуда вы взялись? Вас там много?

Реджина и Томаш переглядываются. Ясно. На душе становится неожиданно горько.

— Значит, нет. Угадал?

Реджина кивает:

— Только мы с Томми. И этот, на фургоне.

— Трое, получается. И все?

— Трое лучше двух, — говорит Томаш. — И лучше одного.

— Мы думаем, где-то должны быть еще, — вставляет Реджина. — Иначе непонятно.

— Ага, — фыркает Сет. — Остальное-то все понятнее некуда.

Томаш недоуменно хмурит брови:

— Как это некуда?

— Не играй словами, — предупреждает Сета Реджина. — Ему это сложно.

— Ничего не сложно! — протестует Томаш. — В польском такого сколько угодно. Хотите расскажу легенду о краковском драконе, который...

— Нам нужно укрыться внутри, — перебивает Реджина. — Похоже, Водитель реагирует, только если подобраться слишком близко, но все-таки...

— Близко к чему? — уточняет Сет.

Оба удивленно оборачиваются. Реджина склоняет голову набок и смотрит испытующе:

— Как думаешь, вот это, где мы сейчас находимся, это что?

— Ад, — однозначно отвечает Сет.

— Да, — кивает Томаш. — Я же говорил!

— Ну... — тянет Реджина, шагая по тротуару. — Можно и так сказать.

Они идут осторожно, выбирая самые незапыленные участки, чтобы не оставлять следов, но все равно, если кому-то понадобится их искать, найдут в два счета.

Однако для этого надо искать.

— Этот... кто он там, — начинает Сет, — здесь точно не появлялся. Поверьте. По этим дорогам годами никто не ездил.

Реджина хмыкает:

— Все-таки лучше забраться внутрь.

— У тебя там есть еда? — любопытствует Томаш. Реджина одергивает его взглядом. — Что? Я голодный.

— Одни консервы, — предупреждает Сет. — Супы, фасоль всякая и заварной крем.

— Наш рациончик, — кивает Реджина.

Они поворачивают на улицу Сета.

— Вон тот, да? — показывает Томаш пальцем.

Сет снова останавливается:

— Откуда ты знаешь? Вы что, следили за мной?

Томаш сникает, и даже Реджине становится немного неловко.

— Что такое? — спрашивает Сет.

Реджина вздыхает:

— Томми увидел тебя на крыше мостика над платформами пару дней назад.

— Она мне не поверила, — поясняет Томаш. — Сказала, что я все придумал. — Он снова расплывается в улыбке. — А я не придумал.

— Мы обитаем в паре миль отсюда, — машет рукой на север Реджина. — И во время вылазки за едой Томми кто-то померещился.

— Мы долго-долго искали под дождем, который никак не кончался. Очень промокли.

— А потом мы, э-э-э... — Реджина вдруг заливается краской. — Мы увидели, как ты моешься во дворе. Перед домом.

Улыбка Томаша растягивается до ушей.

— Ты дергал себя за стручок!

— Томми! — рявкает девчонка, но тут же переводит грозный взгляд на Сета. — Вообще-то да, дергал. Поэтому мы решили тебя не отвлекать, к тому же мы были голодные и мокрые, так что вернулись домой, надеясь навестить тебя, когда будет не так...

— Интимно! — театральным шепотом возвещает Томаш.

— Дождливо, — заканчивает Реджина.

У Сета жжет в горле.

— Я думал, я здесь один. Совсем один.

— Я тоже так думал, — мрачнеет Томаш. — Пока Реджина меня не нашла. — Лицо его вновь проясняется, но улыбка робкая. — А с тобой нас уже трое.

— И вот мы пришли утром, — рассказывает Реджина, — а ты взял и убежал, и целенаправленно куда-то понесся. — Она скрещивает руки на груди. — Словно у тебя было дело.

Повисает пауза, которую Сет не спешит заполнить.

— И мы не хотели, чтобы Водитель тебя поймал, — говорит Томаш. — Поэтому поехали за тобой. И вот мы все тут. — Он пожимает плечами. — Все еще снаружи.

Сет выжидает секунду молча, потом направляется к дому, ведя остальных за собой. С душем неловко получилось, но не то чтобы смертельно стыдно. И все-таки что-то здесь не так. Получается, эти двое *просто* появились, когда он бежал к холму, *просто* перехватили его перед черным фургоном и *просто* нашли идеальное укрытие от Водителя?

Сет оглядывается украдкой, заворачивая к себе во двор.

Мелкий улыбчивый поляк и суровая крупногабаритная негритянка.

Неужели он их сотворил? Потому что сотворить по собственной воле такую странную парочку ему бы никогда в голову не пришло.

Он распахивает дверь, и они идут следом за ним в дом. Реджина берет стул, Томаш залезает на кушетку.

— Ужасная картина, — комментирует он перепуганную лошадь над камином.

— Сейчас разогрею что-нибудь поесть, — говорит Сет. — Изысков не ждите. А вы пока рассказывайте, что знаете.

— Хорошо, — соглашается Реджина. — Но сперва ты нам кое-что расскажи.

— Что именно? — спрашивает Сет по пути на кухню.

Вопрос настигает его на пороге:

— Как ты умер?

34

— Что?

— Не прикидывайся, будто не слышал, — говорит Реджина, смотря на Сета с вызовом. Проверка на прочность.

— Как я умер? — повторяет Сет, глядя то на нее, то на Томаша. — Значит, вы хотите сказать... Это действительно...

— Я ничего не хочу сказать, — перебивает Реджина. — Я просто спросила, как ты умер. И судя по твоей реакции, ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Меня ударило молнией! — вмешивается Томаш.

Реджина громко фыркает:

— Неправда.

— Откуда ты знаешь? — обижается Томаш. — Тебя же там не было.

— Как в наше время может убить молнией? Даже в Польше.

Глаза Томаша округляются от возмущения.

— Это было не в Польше! Сколько раз повторять? Мама переехала сюда на заработки и...

— Я утонул, — произносит Сет. Так тихо, что вряд ли они его слышат.

Но перебранка тут же прекращается.

— Утонул? — переспрашивает Реджина. — Где?

Сет морщит лоб:

— В Халфмаркете. Это такой маленький городишко на побережье...

— Нет, в смысле, где именно утонул. В ванне? В бассейне?

— В океане.

Реджина кивает, словно все сходится.

— Головой ударялся?

— Головой?.. — Сет вдруг осекается и трогает темя в том месте, где ударился им о скалы. — А это при чем тут?

— Я... — начинает Реджина и утыкается взглядом в недавно вытертый пол. — Я упала с лестницы. Проломила череп, когда катилась по ступенькам.

— И очнулась здесь?

Она кивает.

— А у меня — молния! — радостно сообщает Томаш. — Это как будто тебя ударили кулаком всего сразу!

— Не было никакой молнии, — возражает Реджина.

— Тогда ты не падала с лестницы! — выпаливает Томаш обиженным тоном, знакомым Сету по тысяче и одной ссоре с Оуэном.

— Значит, вы оба... — Сет не договаривает.

— Умерли, — подтверждает Реджина. — Причем получив вполне определенную травму.

Сет снова щупает голову в том месте, где приложился об скалы. Он помнит жуткую необратимость этого удара и как наяву ощущает треск ломающихся костей. Все было окончательно и бесповоротно.

Пока он не очнулся здесь.

Сейчас, конечно, никаких сломанных костей нет, это было в другом месте, с другим Сетом, и теперь под рукой лишь ключий ежик стриженых волос (у Реджины с Томашем, кстати,

волосы давно успели отрасти). Больше ничего необычного, только затылочная ямка, переходящая в выступ у основания черепа.

Реджина смотрит на Томаша:

— Покажи ему.

Томаш спрыгивает с кушетки:

— Нагнись, пожалуйста.

Сет становится на колено, и Томаш, взяв его за руку, раздвигает указательный и большой пальцы на какое-то одному ему известное расстояние. От усердия он высовывает язык, снова до боли в груди напоминая Сету Оуэна.

— Вот. — Томаш прикладывает пальцы Сета к участку за левым ухом. — Чувствуешь?

— Что именно?

Как раз этим местом он ударился о камни, но там тоже ничего такого особенного, одна...

Нет, что-то есть. Шишка на кости, едва заметная, настолько крохотная, что, щупая секунду назад точно там же, Сет ее точно не обнаружил.

Шишка.

И рядом узкая вмятина на той же кости.

— Что? — шепчет Сет. — Как?..

Он готов поклясться, что там ничего подобного не было. А теперь есть, маленькие, но ощутимые шишка и вмятина, словно естественное продолжение черепа.

Почти.

— В этом месте ты проломил череп? — спрашивает Реджина.

— Да. А ты?

Реджина кивает.

— И меня туда же долбанула молния! — спешит добавить Томаш.

— Или что там было на самом деле, — бормочет под нос Реджина.

— Что это? — спрашивает Сет, ощупывая правый висок. Там ничего похожего нет.

— Мы думаем, это вроде контакта, — говорит Томаш.

— Контакта с чем?

Оба молчат.

— С чем контакта? — повторяет Сет.

— Какие сны тебе снятся? — задает наводящий вопрос Реджина.

Сет хмурится. Потом невольно отводит глаза, заливаясь краской при воспоминании о реалистичности своих сновидений.

— Сны... — Томаш понимающе похлопывает Сета по плечу. — Это тяжело.

— Как будто ты не просто их смотришь, — подхватывает Реджина, — а проживаешь заново, возвращаешься во времени.

Глаза невольно начинает жечь, горло сжимается.

— Откуда они берутся? Почему так происходит?

Реджина смотрит на Томаша, потом снова на Сета.

— Мы точно не знаем... — осторожно произносит она.

— Но у вас есть догадки.

Она кивает.

— События, которые тебе снятся... Это что-то важное?

— Да. Куда важнее, чем хотелось бы.

— Там попадаются хорошие, — встревает Томаш, — но от них тоже больно.

Сет кивает.

— В общем, все вот это... — Реджина делает замысловатый жест, словно собирая в щепоть Сетовы сны. — Вот это — еще не вся твоя жизнь.

— Что?

— Жизнь гораздо, гораздо шире. Больше. Полнее. — Она мрачно поджимает губы. — Просто ты забыл.

Почему-то Сета злят ее слова.

— Забыл, как же! Наоборот, слишком много помню. Если бы я мог хоть часть из этого забыть...

— Тогда что? Ты бы не утонул? — Реджина с саркастической усмешкой сверлит его глазами.

— Ты сама свалилась с лестницы, — слышит Сет свой голос, — или тебя столкнули?

— Ой! — Томаш отступает на шаг. — Я, кажется, что-то упустил. Почему мы ссоримся?

— Мы не ссоримся, — возражает Реджина. — Мы знакомимся поближе.

— Когда знакомятся, принято делиться тем, что знаешь, — не выдерживает Сет. — А вы кормите меня загадками и намеками на то, что вам известно куда больше меня. — Он поднимается, заодно повышая и голос: — Откуда у меня свежая вмятина в голове?

— Она не све... — начинает Томаш, но Сета уже несет:

— Почему я очнулся в гробу на чердаке своего старого дома?

— Твоего старого дома? Ты здесь раньше жил? — изумляется Реджина.

Но Сет не слушает.

— И где все остальные? Кто вы такие вообще? Откуда мне знать, что вы не заодно с тем типом из фургона?

Такого бурного негодования в ответ он никак не ожидал.

— Нет, мы не заодно! — кричит Томаш.

— Ты ничего не знаешь! — вторит Реджина.

— Так расскажите!

— Ладно! — соглашается девчонка. — Томаш не первый человек, которого я здесь встретила. Второй.

Сет чувствует непонятное ликование:

— Так где же остальные?

— Остальная. Одна. Я ее встретила до того, как нашла Томаша.

— И слава Матке Боске, что нашла, — энергично кивает Томаш. — Я совсем пропадал.

— Но до него, — повторяет Реджина, — была еще одна. Женщина. Я знала ее всего день. Один день. А потом она умерла на моих глазах. Оттолкнула меня в безопасное место и дала Водителю себя поймать, чтобы он не схватил меня. Я видела, как он ее убил. Его дубинка чем-то заряжена. Ею он и убивает. А потом увозит тело.

Томаш, нахмурившись, смотрит на Сета:

— Она не любит про это рассказывать.

— Так вот, умник, — продолжает Реджина, — откуда нам знать, что ты...

Она осекается.

Потому что до них доносится звук.

Шорох, похожий на ветер, только это не ветер.

Это урчание мотора.

Которое нарастает.

35

Они обрачиваются к окну, хотя жалюзи опущены и улицу за ними не видно.

— Нет! — качает головой Реджина, вставая. — Он никогда так долго не гонится. Теряет интерес, как только скроешься.

Звук мотора все громче — машина уже, наверное, в двух-трех кварталах.

Приближается.

Томаш, сощурившись, гневно смотрит на Сета:

— Это ты кричал! Он тебя услышал!

— Нет, вряд ли, — не соглашается Реджина. — Он просто обыскивает улицу за улицей. А теперь тише.

Они замолкают, и звук становится еще надрывнее — машина явно заворачивает за угол...

И катит к дому Сета.

Но Сет в раздумье.

Они услышали двигатель только после того, как он произнес кое-что. Когда он обвинил их в сговоре с Водителем.

И вот теперь грузовик едет сюда.

«Это я сделал? — думает Сет. — Это я сотворил?»

— Там повсюду наши следы, — подает голос Томаш. — Конечно, он догадается, где нас искать.

— Он же за рулем, — возражает Реджина. — Может, он проедет слишком быстро и не заметит...

Она не договаривает.

Потому что звук мотора умолкает прямо около дома.

Рука Томаша ныряет в ладонь Сета, вцепляясь так же, как цеплялся Оуэн, переходя дорогу. Сет чувствует, как дрожат напряженные пальцы-коротышки, видит обгрызенные под корень ногти и огромные расширенные от страха глаза.

Точно как у Оуэна.

— Он проедет мимо, — уверяет Реджина. — Покатит себе дальше. Главное, не двигайтесь никто.

Они не двигаются. Машина, судя по звуку, тоже.

— Что он там делает? — в отчаянии шепчет Томаш.

Сет смотрит на безумное воронье гнездо на голове мальчишки, на торчащие во все стороны вихры. Тоже один в один как у Оуэна. Он переводит взгляд на Реджину. В мыслях полный сумбур.

До сих пор этот непонятный мирок казался таким тесным. Крохотный пятак, со всех сторон стиснутый стенами воспоминаний, из которых не вырваться, а вокруг граница из пепелища. И только он собрался пересечь эту границу, как откуда ни возьмись появились эти двое и уволосили обратно в этот дурацкий дом, а может, и грузовик на хвосте притащили.

— Что-то здесь не так, — произносит он вслух.

— Что? — спрашивает Томаш.

Сет сжимает его руку, потом выпускает:

— Пойду разведаю.

— Что? — вскидывается Реджина.

Сет идет через комнату к окну:

— Гляну, что происходит.

Томаш придвигается к Реджине и берет ее за руку.

Сет с любопытством оглядывается на них.

— Вас ведь здесь нет? — вырывается у него неожиданно для самого себя.

— Что, прости? — сдвигает брови Реджина.

— Я не верю, что вы на самом деле существуете. И вот это все вокруг тоже.

Снаружи по-прежнему урчит мотор.

— Если нас здесь нет, — выдерживая взгляд Сета, говорит Реджина, — то нет и тебя.

— Думаешь, это все объясняет? Выкрутилась, да?

— Мне плевать, объясняет или нет. Если он тебя засечет, нам конец.

Но Сет качает головой:

— Я, кажется, начинаю понимать... Наконец начинаю понимать, что это за место. — Он поворачивается к окну. — И как тут все устроено.

— Что ты делаешь, мистер Сет? — вмешивается Томаш. — Ты же говорил, что только глянешь.

— Сет, не надо! Беги! — велит Реджина Томашу. — Тут должен быть черный ход...

— Незачем бежать, — останавливает его Сет. — Мне здесь ничего не грозит, так ведь?

Он почти небрежно поднимает жалюзи. Сумрачную комнату заливает солнце, и Сет щурится от неожиданного света...

Вслед за солнцем в окно влетает кулак Водителя и бьет Сета прямо в грудь, с немыслимой силой отбрасывая его к дальней стене.

36

Сет мешком шлепается под ноги Реджине и Томашу, которые несутся на кухню. В груди словно дыру пробили, вышибив весь воздух из легких. Водитель выламывает остатки стекла, резким движением отшвыривает жалюзи и перелезает через низкий подоконник в комнату, с глухим, неестественно тяжелым стуком обрушивая ступни на пол.

Он стоит, расставив ноги и чуть-чуть растопырив руки, наклонив безликую голову так, что кажется, будто взгляд направлен прямо на Сета, который корчится на полу, по-рыбы разевая рот. Сет слышит, как Реджина с Томашем сражаются с дверью черного хода, но там все равно только высокий забор со всех сторон и трава в человеческий рост. Им

никуда не скрыться от этого безликого, жуткого человекоподобного.

Никуда. Никому из них.

Водитель идет на него, грохоча по паркету. На ходу он делает движение рукой, и в ней словно из воздуха возникает черная, отливающая сталью дубинка. Водитель взмахивает ею, будто на пробу, и она потрескивает, угрожающе зудя и рассыпая крошечные искры.

Сет отползает назад, мысли вертятся в голове, как в стиральной машинке. «Надо же было именно сейчас ошибиться», и «Вот она, моя смерть», и «Нужно просто потянуть на себя, и замок откроется», и «Будет больно? Боже, неужели будет больно?». Он отползает, а Водитель неумолимо надвигается, занеся дубинку...

Из кухни, как сквозь вату, доносится голос Томаша: «Не получается, никак!» — и возглас Реджины: «Томми!», — но Сет видит только наплывающее безжалостное, безлиое...

— Нет... — вырывается у него.

Водитель вздымает дубинку, чтобы обрушить ее решительным властным движением, обрубая...

И падает на пол под тяжестью рухнувшего на него книжного шкафа.

Сет вскрикивает от неожиданности, но Томаш, толкнувший шкаф, уже отбегает, а Реджина подхватывает Сета под мышки. Вдвоем с Томашем они тащат его в кухню, и Сет видит, как Водитель скидывает с себя тяжелый стеллаж, словно картонную коробку. Томаш захлопывает за ними дверь кухни, Реджина помогает ему припереть ее холодильником.

— У тебя есть ключ? — кричит Томаш, указывая на заднюю дверь. — Скажи, что есть, пожалуйста!

— Она открыта, — выдавливает Сет. Дыра в груди не дает вздохнуть. — Потяните на себя и жмите ручку.

Водитель с грохотом наваливается на кухонную дверь, чуть не высаживая ее вместе с холодильником с первой же попытки, но Реджина уже открыла черный ход. Схватив Томаша за руку, она выдергивает его наружу, крича Сету:

— Бежим!

Сет, шатаясь, поднимается на ноги, как раз когда второй удар срывает кухонную дверь с верхних петель. Но все-таки она еще держится. Глотая воздух ртом, согнувшись пополам, Сет выскакивает на террасу за Реджиной и Томашем. Они уже скрылись в зарослях, только голова Реджины виднеется над густой травой, а от Томаша лишь рябь на поверхности, как от рыбы, плывущей на небольшой глубине.

Сет ковыляет мимо горки серебристых бинтов — все еще там, где он их бросил, — и шагает в траву под не оставляющий сомнений грохот из кухни.

— Скажи, что тут есть выход! — кричит ему Реджина.

Сет не отвечает.

— Черт! — доносится до него.

Они останавливаются у старинного бункера — дверь давно сорвана, внутри все завалено черепками и увешано восемнадцатью миллионами одежных вешалок. За бункером — дальний забор, гладкий, деревянный, ни ухватиться, ни зацепиться, а за забором — насыпь, круто уходящая вверх, к другому забору, высоченному да еще с колючей проволокой по краю.

— Это что такое? — спрашивает Реджина.

— Тюремная территория. За этим забором еще один, а потом еще и еще...

Реджина с Томашем переглядываются удивленно:

— Что?

— Тюрьма? — переспрашивает Томаш.

— Ну да. Что такого-то?

— Ох, нет, — стонет Реджина. — Блинский блин...

— СЮДА! — кричит Томаш, отодвигая болтающуюся на одном гвозде доску в дальнем углу забора.

Реджина с Сетом кидаются на помощь, Сет морщится, нажибаясь, но им удается оторвать две, даже три доски. Томаш просачивается в щель. Они отрывают четвертую, и Реджина пропихивает наружу Сета.

Он протягивает руку, чтобы помочь девчонке в ответ.

Но она смотрит назад, на террасу.

Где стоит Водитель.

Сет с Томашем видят через дыру в заборе, как Реджина смотрит на Водителя, потом поворачивается к ним.

Видят, как она что-то просчитывает.

И не трогается с места.

— Ты чего? — встревоженно выдыхает Томаш.

— Бегите! — говорит она Сету. — Позаботься о Томми.

— НЕТ! — кричит Томаш, кидаясь в дыру, но Сет машинально хватает его поперек туловища.

— Реджина, это глупо!

— Я его задержу. А вы пока смоетесь.

— Реджина! — извиваясь в руках Сета, ревет Томаш.

Водитель с шелестом продирается через заросли, поначалу медленно, почти лениво, словно зная, что добыче никуда не деться.

— Бегите! — велит Реджина. — Быстрее.

— Реджина... — начинает Сет.

Тут Томаш вырываеться и, проскользнув у Сета под рукой, ныряет в дыру, уворачивается от Реджини, которая пытается преградить ему путь с криком: «Томми!»

Но Сет уже видит, как он лезет в карман, достает маленькую пластиковую штучку, как лихорадочно щелкают пальцы-коротышки ...

И в воздухе пляшет огонек зажигалки.

— Томми? — Реджина смотрит недоуменно.

Томаш проводит зажигалкой вдоль кромки высокой травы, не промокшей даже под ливнем, готовой вспыхнуть от малейшей искры. Он выключает зажигалку.

— Бежим! — кричит он Реджине, высакивая через дыру обратно.

Реджина оглядывается на занимающееся пламя, которое распространяется так быстро, что Водителя уже скрывают клубы черного дыма. На долю секунды она замирает, а потом кидается вслед за Томашем. Они поворачивают по насыпи направо, надеясь, что в конце забора будет выход.

И бегут со всех ног.

37

— Это моя зажигалка, ты, воришко мелкий, — упрекает Реджина на бегу.

Сет то и дело оглядывается, проверяя, не гонится ли за ними Водитель, но пламя уже бушует так сильно, что даже над заборами видно.

— Раздует, — говорит Сет. — Все выгорит, как по ту сторону путей.

— Прости, — извиняется Томаш.

— Верни зажигалку! — требует Реджина.

Коридор между заборами задних дворов и крутой насыпью слишком узкий, бежать неудобно. Одной ногой по плоской земле, другой — по склону.

— Не гонится, — докладывает Сет, оглядываясь в очередной раз.

— Пока не гонится, — поправляет Реджина.

Они добегают до конца шеренги домов и выскакивают на парковку у небольшого многоквартирника за провалом на мостовой. Сет сворачивает налево, в сторону от своей улицы.

— Нет! — выдыхает запыхавшаяся Реджина. — Нужно по дальше от тюрьмы. Иначе мы от него не оторвемся.

Сет останавливается:

— Почему?

Но она уже мчится в противоположном направлении, к провалу и Хай-стрит. Томаш по пятам за ней.

— Там он нас и перехватит! — кричит им вдогонку Сет, но они не слушают.

Чертыхнувшись, он припускает за ними, хватаясь за бок, в котором еще печет...

Печет, но...

Подбежав к провалу, они замирают и пригибаются к земле. Томаш осторожно выглядывает из-за разросшегося куста.

— Ничего, — сообщает он. — Фургон еще там, но больше ничего. Только дым столбом.

— Тогда пошли, — командует Реджина и стрелой летит через дорогу.

Томаш за ней, оба на страшный миг мелькают перед фургоном как на ладони. Сет перебегает следом, оглядываясь на

дом, но оттуда ничего не движется. Они прячутся в кустах на противоположной стороне улицы.

— Как печет, — жалуется Сет, прикладывая ладонь к груди. — Просто...

— Пойдем к нам домой, — предлагает Томаш. — Там мы тебе поможем.

— До нашего далековато пешком, тем более что эта тварь где-то рыщет. — Реджина поворачивается к Сету: — Ты не знаешь, где тут можно укрыться поближе?

Сет смотрит на Хай-стрит, перебирая мысленно все магазинчики, в которые он залезал, до самого супермаркета на вершине подъема.

— Вообще-то знаю, — говорит он.

— Там темно. — Томаш опасливо смотрит сквозь стеклянную дверь супермаркета, до которого они домчались по Хай-стрит.

— Идеально! — одобрительно кивает Реджина. — Хорошее место.

Сет оглядывается на свой дом, все еще окутанный клубами дыма:

— Может, мы его убили?

— Смерть не может умереть, — заявляет Томаш.

— Это просто человек в комбинезоне, — возражает Реджина. — Никакая не смерть.

Она ныряет внутрь и почти сразу же растворяется в темноте. Сет делает шаг к двери, но Томаш стоит как приклеенный, закусив губу.

— Темно, — повторяет он.

— Иди сюда! — зовет Реджина изнутри.

— Мы же с тобой, — уговаривает Сет. — И у тебя есть зажигалка.

Томаш вытаскивает ее из кармана и вертит в пальцах.

— Не моя. Реджинина. Она попросила подержать у себя. — Он поднимает глаза на Сета. — Подальше от соблазна.

— Она же сказала, ты ее стащил.

Томаш пожимает плечами:

— Люди выражают просьбы по-разному. Иногда вроде бы и не прося. Так мама говорила.

Реджина, возмущенно топая, вываливается из темноты:

— Я не шучу, Томми. Единственное, что тебе здесь грозит, — это я, если ты сейчас же не пошевелишься.

— Ты куришь? — спрашивает Сет.

Реджина смотрит на него в упор:

— Самое время об этом поговорить? Других тем нет?

— Давай, Томми. — Сет поворачивается к мальчишке. — Нам очень нужно внутрь.

Томаш удивленно вскидывает глаза:

— Ты назвал меня Томми.

— Назвал.

— Лучше все-таки Томаш.

— Она же зовет тебя Томми.

— Ей можно. Реджине. А тебе лучше Томаш. Так правильно.

Он бредет за Сетом и Реджиной в темноту. Они шагают по тихим проходам, под ногами скрипят крошки от рассохшихся в пыль продуктов.

— Зачетно. — Реджина поворачивается к Томашу. — Давай зажигалку.

— Нет, — мотает головой Томаш. — Ты завязала с курением, сама же говорила.

— Все равно она моя, и мне нужно посмотреть, не пробито ли у Сета легкое.

— Я сам посмотрю, — отказывается Томаш. Щелкнув зажигалкой, он поднимает ее над головой, освещая проход.

— Не так высоко, — просит Реджина. — Иначе снаружи будет видно.

— Да-да, — пыхтит Томаш. — Сплошные советы. Где они были, когда Томаш поджигал траву, спасая наши жизни? Спасибо тебе, Томаш, огромное тебе спасибо за гениальную идею. Если бы не ты, мы бы не сбежали. Ай!

Зажигалка летит на пол, а Томаш поспешно сует в рот два обожженных пальца.

— Угу. Спасибо огромное, гений, — фыркает Реджина.

— Не за что, — невнятно бормочет Томаш с пальцами в рту.

Реджина шарит по полу в поисках зажигалки.

— Далась она вам! — удивляется Сет. — Что в ней такого особенного?

— Она работает. — Реджина щелкает найденной наконец зажигалкой. — Там ведь спирт. Знаешь, сколько сотен я перепробовала, пока нашла одну, которая еще не выдохлась? Так, снимай футболку.

Сет недоуменно моргает.

— Ребра твои посмотрим, дурень, — поясняет Реджина. — Судя по тому, что ты ходишь и разговариваешь, все наверняка в порядке, но посмотреть не мешает.

Сет колеблется, застеснявшись вдруг.

— Да ладно, — сдвигает брови Реджина, — мы ведь уже видели тебя под душем.

— И не просто под душем, — вставляет Томаш.

Реджина перекладывает зажигалку в другую руку и лукаво подмигивает Сету:

— Я же не на свидание тебя приглашаю.

— А какая разница? — почти на автомате отвечает Сет. — Меня девчонки не интересуют.

У Реджини вытягивается лицо.

— Точнее, жиртрестки, да?

— Нет, я не это...

— Я знаю, что ты думаешь. Если она на здешнем голодном пайке такая жирная, какая же она раньше-то была?

Сет хочет возразить, но останавливается. Нет, *так* он не думает. Но возникает вопрос посерьезнее:

— Сколько ты уже здесь?

— Пять месяцев и одиннадцать дней, — говорит Томаш.

— Довольно долго, — одновременно с ним отвечает Реджина.

После секундного замешательства Сет все же признается:

— Нет, я имею в виду, что меня в принципе девчонки не интересуют. Любые.

Реджина смотрит на него в свете поднятой повыше зажигалки. Теперь до нее доходит.

— Хочешь сказать, если нам придется заселять планету заново, почетная миссия достанется мне и этому мелкому поляку?

— Что? — Томаш в растерянности вертит головой. — Вы о чём? Я не поспеваю.

— Он встречается с парнями, — объясняет Реджина.

— Правда? — сияет Томаш. — Мне всегда было любопытно, как это. У меня столько вопросов...

— Дай я посмотрю, что у тебя там с ребрами, пока он не начал интервью, — просит Реджина. — Пожалуйста.

В свете зажигалки видно только растущий синяк и легкое покраснение.

— Как это так? — недоумевает Томаш. — Он ведь тебя через всю комнату перебросил.

— Знаю. Я думал, у меня ребра спину пропорют.

Реджина пожимает плечами:

— Может, не так уж сильно он тебя ударил?

Сет смотрит на нее красноречивым взглядом.

— Ну, не знаю. Значит, радуйся. — В ее голосе снова появляется раздражение, и она шагает дальше по проходу, в глубь зала. — Здесь есть питье?

— Можно и поласковее, — укоряет Сет. — Мы все в одной лодке.

Реджина разворачивается, блеснув потными щеками в свете зажигалки:

— Да что ты? А я думала, нас с Томми вовсе не существует. Какая жалость, некому было вытащить бедняжку Сета, когда он возомнил себя самым умным и чуть нас всех не угrobил. Просто счастье, что никого не оказалось рядом, да?

— Но все же в порядке! — встревает Томаш. — Благодаря мне.

— Вообще-то, если бы я знал, что тут творится... — начинает Сет. — Если бы не ваша дурацкая таинственность...

— Хочешь разъяснений? — с вызовом спрашивает Реджина.

— Реджина... — осторожно предупреждает Томаш. — Ему, может быть, рановато.

— Нет уж. Просил рассказать? Так я расскажу.

— Что расскажешь? — не выдерживает Сет.

Она смотрит на него сквозь пламя зажигалки:

— Этот мир... Ты, значит, думаешь, мы в аду?

— Реджина, — просит Томаш, — не надо.

Но ее уже не остановить.

— Это не ад, мистер Что-Хочу-То-И-Ворошу. Все твои воспоминания, все твои сны, все те жалкие крохи, которые остались от жизни в твоей памяти... — Девчонка наклоняется ближе к пламени, пока в ее глазах не загораются два отдельных огня. — Вот это был ад.

— Неправда! — твердо заявляет Томаш.

— Был, и ты это знаешь. А вот это... — она обводит жестом магазин и пустынные улицы за окном, по которым, несомненно, где-то рыщет Водитель, — это и есть настоящий мир. Вот это. Вот.

Она отвешивает Сету пощечину.

— Эй! — вскрикивает он.

— Чувствуешь? Реальнее некуда, малыш.

Сет прикладывает ладонь к начинающей гореть щеке:

— Ты чего?

— Вовсе ты не умер и не очнулся в аду, — заканчивает Реджина. — Ты просто очнулся.

Выключив зажигалку, она удаляется в темноту.

— От чего очнулся? — кидаясь вдогонку, спрашивает Сет.

Реджина с округлившимися от изумления глазами замирает перед стеллажами с водой. Не говоря ни слова, они с Томашем начинают перебирать бутылки, поднося их к свету зажигалки, отбрасывая пустые и помутневшие.

— У вас что, поблизости супермаркета не нашлось? — поражаясь их жадности, спрашивает Сет.

— Тот большой, что рядом, вынесен подчистую, — отвечает Реджина.

— Остались только мелкие на углу и «Что-то-там-Экспресс», — вторит Томаш, прихлебывая из бутылки.

— Но тут же всего каких-нибудь пара миль, — удивляется Сет, тоже отпивая из бутылки и только теперь понимая, как на самом деле пересохло в горле. — Неужели вы сюда не добрались на разведку?

— Когда по улицам ездит Водитель? — хмыкает Реджина. — Нет, мы потихоньку, от дома к дому, не высовываясь. И вполне получалось. До сих пор.

— Если я виноват, то простите, но мне уже надоедает раз за разом выслушивать...

— Мне нужно закурить, — заявляет Реджина.

— Нет! — пугается Томаш. — Ты умрешь! У тебя легкие станут такие же черные, как твоя кожа. А мозг распухнет и вытечет через глаза!

— Да, на это стоит посмотреть. — И Реджина идет обратно к витрине.

С улицы доносится разрывающий тишину рокот двигателя, но он звучит довольно далеко, и никто не караулит их у входа.

— Наверное, ему без разницы, — размышляет Реджина по дороге к сигаретной стойке, — лишь бы мы не приближались к тюрьме.

— А что такого особенного в тюрьме? — спрашивает Сет. — И в каком смысле я «очнулся» только здесь?

— Сейчас, подожди.

Реджина копается в сигаретах. Большинство пачек распорошили крысы, но после непродолжительных поисков она находит почти целую упаковку «Силк Кат». Разорвав ее, словно обертку первого в жизни рождественского подарка, Реджина вытряхивает сигарету.

— Реджи-и-ина, — огорченно тянет Томаш.

— Ты не представляешь, — говорит она. — Нет, серьезно, даже не догадываешься.

Она применяет зажигалку по назначению, и в полумраке рдеет кончик сигареты. Реджина затягивается глубоко-глубоко, закрывает глаза, и сначала по одной щеке, потом по другой катятся слезы.

— Боже, — шепчет она. — Кайфовый кайф!

Томаш, помрачнев, смотрит на Сета:

— Это ее убьет...

— Я думал, мы уже умерли, — не понимает Сет.

— Нет, — отвечает Реджина. — Не умерли. Томми ошибается. — Откашлявшись, она делает еще затяжку, одной рукой почти в изнеможении облокачиваясь на стойку. — Какой дурацкий день.

— Реджина! — нетерпеливо подгоняет ее Сет.

— Ладно. Ладно. — Она затягивается еще. — Я ему расскажу, Томми. Ничего?

Томаш ковыряет ногой в пыли, чертя линию носком кроссовки.

— Он будет в шоке. Это тяжело принять. — Томаш поднимает серьезный взгляд на Сета. — Я вот не поверил. И до сих пор не очень верю.

Сет сглатывает:

— Я рискну.

— Хорошо, — решается Реджина.

Затянувшись напоследок, она тушит окурок о стойку и сразу же вытряхивает из пачки новую, а потом, оглянувшись на Сета, протягивает пачку и ей.

Сет рассеянным жестом обводит спортивные шорты с футболькой и беговые кроссовки, которые почему-то по-прежнему на нем:

— Я же бегун. Нам можно все, кроме курения.

Реджина кивает. А потом приступает к рассказу.

— Нашего мира, — произносит она, — больше нет.

38

— Нет? В каком смысле?

Реджина вздыхает, выпуская завитушки дыма:

— Мы так думаем. Его нет, потому что мы сами так пожелали.

— Мы?

— Все. Каждый из нас.

Сет порывается уточнить, но Реджина его останавливает:

— Ты выходил в Интернет? До того, как очнулся тут?

— Разумеется. — Сет смотрит на нее недоуменно. Что за вопрос? Неужели кто-то сейчас способен прожить без телефона или планшета?

— И так, видимо, повсюду, — кивает Реджина. — Даже в Польше.

— Да не в Польше я был, — бухтит Томаш. — Сколько раз повторять? Мама приехала сюда на заработки. А в Польше с Интернетом тоже полный порядок вообще-то. Вполне продвинутая страна. Что за привычка на каждом шагу...

— В общем, — перебивает Реджина, — мы думаем, что примерно лет восемь — десять назад, если судить по давности вещей, которые тут попадаются, все ушли в Сеть. — Она выдыхает длинную струйку дыма. — Навеки.

Сет морщит лоб:

— Что значит навеки?

— Я знаю! — радуется Томаш. — Это значит «насовсем, без возврата».

— Да нет, слово-то я понимаю...

— Все выпали из настоящего мира, — поясняет Реджина, — и перебрались в виртуальный. В такой, с полным погружением, который ни за что не отключишь от подлинного.

Но Сет уже мотает головой:

— Да ну, чушь какая! Такая фигня только в кино бывает. Разницу всегда видно. Жизнь — это жизнь. Из нее просто так не выпадешь.

— Ага! — встревает Томаш. — На это у нее тоже есть теория. Типа, мы заставили себя все забыть. Чтобы меньше волноваться и не скучать.

— Ты же говорил, что сам ей не поверил, — недоуменно хмурится Сет. — Соглашался со мной, что это ад.

Томаш пожимает плечами:

— Ну да. Ад, созданный своими руками, все равно ад.

— И я должен проглотить эту ерунду?

— Глотай что хочешь, — отвечает Реджина. — Просил правду, вот тебе правда, логичнее некуда. Мы залегли в эти гробы...

Сет вздрагивает:

— Вы, значит, тоже очнулись в гробу?

— О, да. Только на самом деле это не гробы. Все эти трубки, металлизированные пластиры — это чтобы поддерживать жизнь. Подавать питание, отводить отходы, не давать мышцам атрофироваться, пока сознание представляет нас совсем в другом месте.

— Я даже не помню, как выбирался из гроба, — признается Сет. — То есть я вообще не знал про гроб, пока пару дней назад не поднялся наверх.

— Наверх?

— Он стоит на чердаке. В моей бывшей комнате.

Реджина кивает, словно получив очередное подтверждение:

— Я очнулась в своей гостиной. Тоже в полных непонятках. На том же самом месте, где свалилась с лестницы, — пролежала там день или два, получается.

Сет смотрит на Томаша, но Томаш ничего про себя не рассказывает, только снова чертит что-то в пыли носком кроссовки.

— Дождь будет, — говорит он.

Они смотрят на улицу. Действительно, из-за горизонта наступают тучи. Еще один безумный тропический ливень на подходе.

— И все тихо, — замечает Томаш.

Сет прислушивается. Звук двигателя умолк, пока они спорили. Остался только ветер, гоняющий тучи, которые, по крайней мере, зальют пожар. «И снова как по заказу», — мелькает мысль.

— То, что ты говоришь, невозможно, — возражает он Реджине. Та скептически цокает языком, но Сет не обращает внимания. — Хотя здесь все невозможно. Безлюдье. Грязь. Дряхлеющий мир, в котором никого нет.

— Кроме нас, — вставляет Томаш.

— Ага. В этом-то и загвоздка. Ни в моем доме, ни в каких других домах по моей улице гробов нет. Если мир ушел в виртуал, то где все?

Томаш с Реджиной молчат.

Сет понимает, что ответ известен и так. К этому все вело.

— Тюрьма?

Томаш старательно отводит взгляд. Реджина тоже сперва смотрит в сторону, однако потом решительно оборачивается к Сету:

— Туда нельзя.

— Что нельзя? Ты же не знаешь, что я скажу.

— Знаю. Потому и говорю, что нельзя.

— Никак, никак нельзя, — умоляющее твердит Томаш. — Никак.

Сета раздражает эта неожиданная несговорчивость. С тех самых пор, как он сюда попал, тюрьма напоминала о себе постоянно. Маячила вдали, скрываясь за холмом, или просто давила своим незримым присутствием. Как причина, по которой его жизнь когда-то пошла не по тому пути, не по тому, где он мог бы радоваться и быть счастлив.

Он избегал ее инстинктивно, машинально.

И вот теперь, когда ему сказали, что туда нельзя, сразу кажется, что другой цели нет и быть не может. Потому что, если это место лишь плод его воображения — какой-то выверт сознания, примиряющий со смертью, или действительно ад, куда он угодил, — в любом случае тюрьма играет первостепенную роль. Там могут найтись разгадки.

Но если Реджина все-таки права и это в самом деле настоящий мир, то в тюрьме сейчас сидят его родные.

— Показывайте, — говорит он наконец. — Отведите меня к тюрьме.

39

— О-о-ой! — Томаш обеими руками загребает свою шевелюру в две горсти. — Так и знал! Так и знал, что к этому придется.

— Слишком опасно, — качает головой Реджина. — Водитель нас не подпустит.

— Но он ведь не все время торчит у тюрьмы, — возражает Сет. — Когда-то же он отправляется на свои объезды.

— Он узнает, что ты там, и на этот раз дырой в груди не ограничится.

— Подозрительно быстро зажившей дырой, вам не кажется? — Сет хлопает себя по ребрам и морщится, попав по синяку. — Можно же пробраться.

— Не заставляй меня, — просит Томаш. — Не надо, пожалуйста! Не хочу опять.

— Опять?

— Я там очнулся, — вздыхает мальчишка. — Сплошные гробы... И непонятно, кто в них, что им снится, да и живы ли они вообще. — Он заламывает руки (Сет впервые видит этот книжный жест в реальной жизни). — И мама.

— Твоя мама? — переспрашивает Сет.

Томаш не отвечает, только двигается ближе к Реджине, которая обнимает его, затушив сигарету, чтобы он мог порыдать ей в живот.

— Я нашла его, когда он удирал от Водителя, — поясняет она. — Едва ноги унесли. Потом неделю убеждала его, что я не ангел и не демон.

— Да, знакомо, — протянул Сет. — А что там с его мамой?

— Это тебя не касается. Соображениями и наблюдениями я поделюсь, но есть вещи личные.

— Значит, ты говоришь, все в тюрьме...

— Ну, не весь остальной мир, конечно. Но из этого города очень многие. Наверное, должны быть и другие такие места, только кто знает, где они. И кто их охраняет.

— Но мы же можем...

— Мы не идем в тюрьму. Ни в коем случае.

— Ты-то ходила, раз именно там нашла Томаша.

Реджина замирает:

— Бекку убили. Ту женщину, с которой я познакомилась.

Я не знала, куда еще податься.

Сет смотрит на нее пристально:

— И поэтому рванула в самое опасное место?

Реджина стряхивает крошку пепла с языка и задает обманчиво простой вопрос:

— А ты куда бежал сегодня утром?

Повисает долгая пауза. Реджина подтаскивает все еще всхлипывающего Томаша к сигаретной стойке, и они вдвоем усаживаются на пол. Томаш, закрыв глаза, приваливается к Реджине.

— Почему, — недоумевает Сет, — если все остальные там, я очнулся в своем старом доме?

Реджина пожимает плечами:

— Я тоже была у себя. Наверное, у них просто место кончилось. Или время. Поэтому кого-то кладут «по месту жительства».

— Паршиво организовано, по-моему.

— А кто сказал, что это вообще организовано? Может, все делалось впопыхах, типа, не до жиру, быть бы живу?

— В смысле?

— Ты этот мир видел? — Реджина изгибает бровь. — Где все звери? Откуда вся эта пыль, грязь и разруха? За восемь лет столько не накопится. Когда случился пожар по ту сторону дороги? До или после? А погодные перепады? — Она снова пожимает плечами. — Может, реал попросту начал разваливаться, и нам уже ничего другого не осталось, как из него сбежать?

Молния сверкает так ярко, что все подскакивают, даже сидящий с закрытыми глазами Томаш. Замерев на секунду, мир разражается долгим раскатом грома, а потом барабанным

боем дождя по стеклу. Ливень обрушивается на витрину с не-бывалой яростью, словно одержимый желанием ворваться внутрь и схватить их.

Томаш засыпает, положив голову Реджине на колени. Сет, раздобыв несколько банок с едой, усаживается рядом. Они едят пластиковыми ложками, стараясь не разбудить Томаша. Дождь снаружи рокочет, словно водопад.

— Не припомню таких дождей, — говорит Реджина. — В Англии-то. Ураган какой-то.

— В твоей теории слишком много слабых мест, — рассуждает Сет, через силу глотая чуть теплые спагетти. — Почему, например, я у себя дома, а родители с братом еще где-то?

— Не знаю. Можно только догадываться. Вот гробы, они ведь точно к чему-то подключены, но куда идет этот провод из дна, если электричества нигде нет?

— Да, я тоже видел.

— И вот это... — Она стучит пальцем по затылку. — Разъем под кожей?

— Но если тут такие технологии, — недоумевает Сет, вспоминая заодно про металлизированный пластырь, — почему мы не перенесли их с собой в виртуал?

— Может, нам хотелось, чтобы там все было попроще?

— Тебе очень просто жилось?

Реджина смотрит на него сурово:

— Не передергивай.

— А так, конечно, после твоих разъяснений все стало куда проще. Очень кстати, тебе не кажется?

— Опять двадцать пять? Нас с Томашем не существует? Тебя еще раз треснуть? Я с радостью.

— Дождь, который потушит огонь и заодно удержит нас здесь, чтобы наговориться. Дыра в груди, которая почти сразу зараастет, чтобы я мог убежать. Подозрительно удачно складывается, нет?

— Человек везде логику найдет, — хмыкает Реджина. — Так отец говорил. Мы берем случайные события и увязываем их друг с другом, сами себе придумывая логику, потому что так нам удобнее, и плевать, насколько она соответствует действительности. — Девочка оглядывается на Сета. — Обманываем себя ради самосохранения. Чтобы крыша не поехала.

Томаш у нее на коленях начинает ворочаться, бормоча во сне по-польски: «Нет, нет!» Реджина протягивает руку, думая его разбудить, но он уже успокаивается.

— Те самые сны, да? — догадывается Сет.

— Наверное.

— А тебе что снится?

— Это личное, — отрезает Реджина.

— Ну, извини. Ты сама начала про отца...

Несколько минут они жуют в угрюмом молчании.

— Так вот, значит... — не выдерживает Сет. — Если весь мир ушел в виртуал, почему, умирая, мы оказываемся здесь? По идее, мы должны просто перезагрузиться и все.

— Не знаю. Но ведь там люди тоже умирали. Моя тетя Женевьеве, например, умерла от рака поджелудочной. А папа... — Она откашливается. — Но, с другой стороны, если виртуал должен быть неотличим от реала, чтобы мы забыли прежнюю жизнь, то без смерти тоже нельзя. Может, иначе наш мозг почувствовал бы подвох. Если умираешь в виртуале, то умираешь по-настоящему, потому что такова жизнь.

— Но мы ведь не умерли по-настоящему. — Сет снова злится, думая о том, что случилось с Оуэном, с Гудмундом, с ним самим. — Да и зачем все это вообще? Зачем жить в мире, где по-прежнему хреново? Если виртуал якобы настолько идеален, что в нем забываешь обо всем остальном...

— Не спрашивай, я понятия не имею. Моя мама там вышла за этого урода, отчима. — Ее рука невольно тянется к затылку. — Я знаю одно: дай человеку возможность тупеть и ожесточиться, он ее не упустит. В любой действительности.

— А здесь-то мы как очутились? — не сдается Сет. — Где тогда другие только что умершие и свежеочнувшиеся?

— Наверное, в этом мире мы тоже должны были умереть. Но я свалилась с лестницы и ударила определенным участком головы. Ты утонул и тоже ударился головой — в том же самом месте. Томми... — Она переводит взгляд на спящего мальчишку. — Томми, конечно, говорит, что его ударило молнией, но мне кажется, он просто не хочет вспоминать. Его право, только все равно — тот же участок головы. Какой-то сбой прямо в контакте. Грузит систему и вместо того, чтобы дать нам умереть, просто разъединяет, выкидывает в реал. — Она бессильно роняет плечи. — В общем, так нам кажется. — Она легонько проводит рукой по спутанным волосам Томаша.

— Это на самом деле его теория, хоть он и твердит, что не верит. В этой черепушке куча светлых мыслей.

Томаш во сне прижимается к ней еще крепче.

— Но если все происходившее с нами не взаправду... — говорит Сет. — Если вся наша жизнь — это просто виртуальная симуляция...

— Да нет, вполне взаправду, — возражает Реджина. — Мы ведь это проживали, мы там были. Куда уж реальнее, раз че-

ловек тащит за собой то, от чего любой ценой хотел бы избавиться?

Сет вспоминает Гудмунда, его запах, ощущение его тела. Вспоминает все, что случилось за прошлый год, хорошее, плохое и очень, очень плохое. Вспоминает произошедшее с Оуэном; жуткие дни поисков и холод, которым на всю оставшуюся жизнь окружили его, Сета, родители.

Да, реальнее некуда. Если это все какой-то виртуал, симуляция, то как? Каким образом?

И если он сам сейчас тут, то где Гудмунд?

— До темноты обратно в дом лучше не соваться, — предупреждает Реджина. — Можно спать по очереди. Кто-то один будет дежурить.

Сет сразу же сознает, как устал: почти всю ночь без сна, потом пробежка, потом целый день на адреналине. Удивительно, вообще-то, как у него глаза еще сами не закрылись.

— Хорошо. Но когда я проснусь...

— Когда проснешься, — обещает Реджина, — я расскажу, как попасть в тюрьму.

40

— Прости меня, — выпалила Моника в дверях, даже не поздоровавшись. — Я не хотела. Просто разозлилась и...

Сет вышел на холод, закрыв за собой дверь:

— Ты о чем? Что происходит?

Она посмотрела на него со страхом. Да, другого слова не подберешь. Она боялась того, что сейчас придется сказать. Сет почувствовал, как у него леденеет в животе.

— Моника?

Вместо ответа она подняла глаза к небу, словно надеясь найти там поддержку. Сет тоже машинально посмотрел на верх. Погода уже которую неделю в преддверии Рождества стояла морозная, но без снега. Небо, вымазанное серым, хмурилось, словно зажимая снег нарочно, из злости.

Сет перевел взгляд на Монику — она плакала.

И он сразу догадался.

Потому что — ну, чего еще ждать? Ясное дело, у него сейчас отнимут еще одну радость жизни. Осталось лишь узнать как именно.

— Вы с Гудмундом... — пробормотала Моника, шмыгая замерзшим носом и выдыхая облачка пара поверх шарфа. — Вы с этим гадом Гудмундом... — Она напоминала дошкольнице в своей толстенной зимней куртке и вязаной шапке с красными оленями, которую носила с тех незапамятных времен, когда шапка сползала ей на нос. Носила до сих пор, даже не смеха ради, и без этой шапки Монику невозможно было представить, это ее характерная черта, как прическа или смех. — Все правильно, — сказала она. — Теперь-то, конечно. Я бы сама вам этого пожелала, если бы кто спросил. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Тебе пожелала бы, Сет. Чтобы ты был счастлив.

— Моника, — едва слышно шепнул Сет. — Моника, я не...

— Только не говори, что это неправда. Не надо. Не делай вид, что это были просто игрушки, и так все идет прахом...

— Прахом? — нахмурился Сет.

— Здравствуй, Моника, — прогремел над ухом мамин голос. За мамой на крыльце вывалился Оуэн — закутанный, как мумия, в одной руке термос, в другой — футляр с кларнетом. — Ты почему держишь друзей на пороге, Сет? Вы себе все отморо-

зите. — Она улыбнулась гостю, но, увидев лицо Моники, сразу же стерла улыбку. — Что случилось?

— Ничего! — Моника, изобразив бодрость, вытерла нос перчаткой. — Простыла немного.

Она даже покашляла в ладошку для убедительности.

— Ну, хорошо. — Мама явно не поверила, но, судя по тону, объяснением удовлетворилась. — Тем более идите в дом. Чайник еще горячий.

— Привет, Моника! — радостно поздоровался Оуэн.

— Привет, Оуэн.

— Мы сварили горячий шоколад, — помахав термосом, похвастался он.

Моника натужно засмеялась:

— Оно и видно. У тебя вся мордаха в нем.

Оуэн только улыбнулся в ответ, даже не пытаясь вытереть перемазанный в шоколаде рот.

— Правда, идите внутрь, — повторила мама, ведя Оуэна к машине. — Тут такой колотун. — Она помахала на прощание, садясь за руль. — Пока, Моника.

— До свидания, миссис Уэлинг, — помахала в ответ Моника.

Не сводя с них серьезного взгляда, мама покатила прочь, увозя Оуэна на занятия.

— Колотун. Что еще за зверь? — пробормотала Моника.

— Моника... — Сет обхватил себя руками — не только в попытке спастись от холода, пробирающего до костей под тонкой рубашкой. — Говори давай.

Она снова помолчала, переминаясь с ноги на ногу, пересиливая себя.

— Я нашла пару фотографий, — наконец выдавила она. — На телефоне Гудмунда...

Вот и все. Вот так вот просто. Мир рушится с тихим вздохом.
— Прости, Сет. — Моника снова залилась слезами. — Мне так жаль...

— Что ты сделала? Что ты с ними сделала, Моника?

Она поежилась, но не отвела взгляд. Это он запомнит. Что ей хватило храбрости и совести не отвести взгляд.

Но все равно, будь она проклята. Навеки.

— Я послала их Эйчу. И всем остальным из школы, кого нашла у Гудмунда в адресной книге.

Сет ничего не ответил, просто попятился, словно опрокидываясь, и рухнул на каменную скамью, которую родители держали на крыльце.

— Прости, — прорыдала Моника. — Я в жизни так ни о чем не жалела...

— Почему? — прошептал Сет. — Почему ты это сделала?
Зачем ты?..

— Я разозлилась. Так разозлилась, что даже подумать не успела.

— Но почему? Ты же моя подруга. То есть все, конечно, знают, что он тебе нравится, но...

— Эти фотки... Там... Это ведь не секс — секс я, наверное, могла бы понять, но там...

— Что?

Она посмотрела ему в глаза:

— Там любовь, Сет.

Она умолкла, и он не стал уточнять, почему любовь задевает ее сильнее.

— Я его первая полюбила. Прости, тупая отмазка, я знаю, но я полюбила его первой. До тебя.

Даже летя в бездну, даже чувствуя нарастающий гул обвала — самое сокровенное теперь известно всем: друзьям, роди-

телям, всей школе, — он думал только о Гудмунде, о том, что жизнь еще наладится, если с Гудмундом все в порядке. Он вытерпит что угодно, если Гудмунд будет с ним.

Сет встал:

— Я должен ему позвонить.

— Сет...

— Нет, мне нужно с ним поговорить...

Он открыл дверь и...

41

Сет просыпается. Он лежит, свернувшись клубком у сигаретной стойки, подложив под голову какие-то задубевшие кухонные полотенца. Сон улетучивается, и Сет пытается не улетучиться вместе с ним.

Один разговор на крыльце. Несколько слов от Моники на пронизывающем холде. Вот оно — начало конца.

Начало пути, который привел его сюда.

Но почему приснилось именно это? В его жизни случались моменты и похуже, даже в здешних снах возникали куда более мучительные воспоминания. И почему оборвалось именно на этом месте? Он открыл дверь и...

Сет не помнит, что было дальше. Помнит, конечно, как лихорадочно пытался связаться с Гудмундом, но что случилось, когда он вошел внутрь...

Почему-то этот момент не дает ему покоя. Что-то там есть. Что-то неуловимое.

Над ним наклоняется Реджина:

— Плохой сон?

— Я что, кричал? — спрашивает Сет, садясь. На нем, как ни странно, все та же экипировка для бега. Уже попахивает.

— Нет, но ведь обычно они хорошими не бывают.

— Бывают.

— Ага. — Реджина усаживается рядом и протягивает бутылку с водой. — Но даже от хороших потом очень, очень плохо.

— Где Томаш? — спохватывается Сет, отпивая воды.

— Ищет укромный уголок, чтобы сходить в туалет. Он в этом плане хуже какой-нибудь старушки — даже слово вслух произнести стесняется. Просто исчезает, делает свое дело молчком, и ни гугу. Небось расплакался от радости, когда увидел, сколько здесь туалетной бумаги.

Дождь снаружи прекратился, пешеходная улица около супермаркета погружается в вечернюю темноту. Двигателя по-прежнему не слышно, дыма вроде нет. Мир снова безмолвен, в тишине раздается только их с Реджиной дыхание.

— Я подумала над твоими словами, — признается Реджина. — В смысле, зачем мы создали себе такой тухлый виртуал. — Она кивает на витрину. — Может быть, по сравнению с настоящим миром это был просто рай. Может, нам просто хотелось пожить нормальной жизнью, чтобы вокруг ничего не рассыпалось на глазах.

— То есть ты действительно в это веришь? Что вот это и есть настоящий мир, а остальное был коллективный сон?

Реджина прерывисто вздыхает.

— Я скучаю по маме, — говорит она, утыкаясь взглядом в полумрак. — По той, какой она была в моем детстве, а не какой стала, когда вышла замуж за этого. По прежней маме. Мы с ней классно жили вдвоем, без никого. Хохотали и пели. Отрывались по полной. — Реджина вскидывает бровь. — У негритянок же потрясающие голоса, всем известно. Типа, во власть не суйтесь, в президенты не метьте, и вообще вы

никто и звать вас никак, но не расстраивайтесь, зато вы поете божественно.

— Я никогда...

— Так вот, это однозначно не про нас. Честное слово. Мы с мамой выли, как две раненые лосихи, — смеется Реджина. — Но какая разница, правда? Главное, что мы с мамой.

Сет вытягивает ноги:

— Сама ведь говорила, что это все не взаправду.

— Ты нарочно передергиваешь, — обижается Реджина. — Я там была. Мама была. Даже если на самом деле мы беспрорядочно спали за километры друг от друга. Все вполне реальное. Уж наверное, если бы мы себе это придумали, то пели бы покрасивее.

— Красота всегда найдется, — бормочет Сет. — Если знать, где искать.

— Что?

— Ничего. Один мой знакомый так говорил.

Реджина смотрит на него пристально, очень пристально:

— У тебя кто-то был. Кто-то любимый.

— Тебя не касается.

— И теперь ты не знаешь, взаправду ли. По-настоящему ли вы с... с ним, я так понимаю?

Сет молчит.

— С Гудмундом, — наконец выговаривает он.

— Гуманоидом? Это прозвище, что ли?

— Гудмунд. Имя такое. Норвежское.

— Ага, ясно. И, в общем, ты теперь не знаешь, существовал ли твой норвежец на самом деле. Не померещилась ли тебе ваша сказка. Был ли ты там взаправду. Был ли он там взаправду.

Сет снова вспоминает запах Гудмунда. И как Гудмунд барабанит пальцами по его груди. И поцелуй на тех снимках, и снимки, пошедшие по рукам...

— Он был, — говорит Сет. — Иначе никак.

— Видишь! Вот и я об этом. Иначе никак. Они были, иначе что нам остается?

На улице становится еще темнее, даже за короткое время разговора тени в зале успевают сгуститься, окутывая со всех сторон.

— Я вот что думаю, — начинает Реджина, зажигая сигарету. — Самое настоящее у меня — это я. Ну и, может, Томми. Даже здесь, потому что вдруг это тоже какая-нибудь симуляция, какой-нибудь следующий уровень, от которого мы тоже очнемся. Но независимо от того, где я и что это за мир, мне нужно твердо знать, что я — это я, и я настоящая. — Она выдыхает облачко дыма. — Помни, кто ты такой, — и вперед без раздумий. Если будет больно, значит, все взаправду.

— Угу, от твоей оплеухи до сих пор щека горит.

— Занятно, — роняет Реджина, протягивая руку наверх, к стойке с сигаретами. — Потому что я вот ничего не почувствовала. — Щелкнув зажигалкой, она показывает Сету клочок бумаги, который достала со стойки: — Я нарисовала карту, как добраться до нашего с Томми дома.

— Но мы же...

— Чтобы ты отыскал нас, когда вернешься из тюрьмы.

— Только Томми не говори, — просит Реджина вполголоса. — Скажи, что просто заскочишь к себе переодеться. — Она смотрит на Сета сурово. — Я серьезно.

— Не сомневаюсь.

Сет забирает карту. На ней изображена дорога, отходящая от железнодорожной ветки на север. В переулке стоит крестик, а под ним подписан номер дома.

— На самом деле везде нужно прибавить три, — объясняет Реджина. — То есть ты сворачиваешь на четвертую улицу к северу, добавляешь три к первой цифре адреса и три ко второй. Это на случай, если тебя поймают, чтобы нас не нашли.

— А в тюрьму-то как попасть? Главный вход по прямой от нашего заднего двора, это я знаю.

— Нет, через него никак. Он заколочен и заперт на тонну замков — ты себе даже не представляешь. Словно баррикадировались наглухо от всего мира. Наверное, так и есть. Поэтому тебе надо...

— Что такое? — из темноты доносится подозрительный голос Томаша.

— Карта, как добраться до вашего дома, — поспешило поясняет Сет.

— А с нами ты не можешь дойти? — Даже в крохотном огоньке зажигалки видно, как он встревожен.

— Мне нужно переодеться, — говорит Сет, демонстративно нюхая подмышку. — Надеюсь, удастся, если ты не спалил мой дом дотла.

— Тогда, может, мы с тобой пойдем? Один в школе не воин.

— В поле, — поправляет Сет.

— Ну да, конечно, — дуется Томаш. — Самое главное сейчас — пословицу не перепутать.

— Я хочу укрыться в доме, — говорит Реджина. — Слишком рискованно болтаться снаружи, да еще всем троим.

— Но он-то как раз и рискует.

— Это его выбор, — вставая, заявляет Реджина.

— А мой — нет! — мотает головой Томаш.

Кулаки его сжимаются и разжимаются точно так же, как у Оуэна, когда он нервничал. Оуэн тоже вечно вставал вот так, совершенно беззащитный, и хотелось или обнять его и успокоить, или наподдать за то, что сам лезет под удар.

— Я быстро, оглянувшись не успеешь. Обещаю.

— Ладно. — Томаш явно не верит. — Хорошо. — Он смотрит на Реджину. — Нужно набрать припасов. Воды. И еды. И туалетной бумаги. А еще я нашел свечки для торта. Пригодятся на день рождения.

Реджина и Сет округляют глаза.

— Что? Я люблю дни рождения.

— Вам, кстати, сколько лет? — становится интересно Сету.

Реджина пожимает плечами:

— Было семнадцать, до того как очнулась тут. А на самом деле, кто его знает? Даже если время тут и там одинаковое.

— То есть ты хочешь сказать?.. — начинает Сет.

— Все равно мы не узнаем, как на самом деле.

— А мне четырнадцать! — выпаливает Томаш.

Сет с Реджиной окидывают взглядом его щуплую фигурку и складываются пополам от хохота.

— Ну, правда! — не сдается Томаш.

— Ага, — кивает Реджина. — Еще тебя ударило молнией, а Польша вымощена золотом и шоколадными плитками. Все, пора.

Взяв пакеты с допотопной кассы, Реджина с Томашем наполняют их всем, что в силах унести, а потом они втроем выходят из магазина.

дят на Хай-стрит. Фургона по-прежнему не слышно, однако они пробираются в потемках осторожно, стараясь не шуметь.

— Ты нас в темноте отыщешь? — беспокоится Томаш. — Давай мы оставим снаружи свечку...

— Нет, не давай, — отрезает Реджина. — Найдет, не волнуйся.

— Все равно не понимаю, почему нельзя его подождать...

— Мне просто нужно собрать вещи, — выкручивается Сет. — Там есть очень личные. Могу долго провозиться.

— Но все-таки...

— Боже, Томми! — рявкает Реджина. — Может, он просто хочет урвать несколько секунд наедине с собой, пока ты не приклеился к нему намертво.

— Что, правда? — искренне изумляется Томаш.

В лунном свете видно, как Реджина беззвучно смеется.

— Томаш, у меня есть младший брат, — говорит Сет. — Где бы он ни был сейчас, в детстве мы с ним жили в этом доме. До того, как переехали в Америку.

Реджина обрывается смех и зажигает еще одну сигарету, притворяясь, что не слушает.

— И когда мы тут жили, с ним случилось кое-что плохое. Что очень сильно на него повлияло. И случилось это во многом из-за меня.

— Серьезно? — шепчет Томаш, округляя глаза.

Сет окидывает взглядом Хай-стрит. Впереди провал, рядом с ним поворот на его собственную улицу. Он хотел всего лишь успокоить Томаша, никак не ожидая, что высказанная вслух правда заденет так больно.

— Настоящий этот мир или нет, в моем доме все равно опасно, потому что он слишком близко к тюрьме. И я хочу

с ним попрощаться, раз я туда не вернусь. — Он смотрит на Реджину. — Попрощаться с братом, который у меня был до того, как случилась эта фигня.

— Да, это нужно делать одному, — сосредоточенно кивает Томаш.

Сет невольно улыбается:

— Ты мне его напоминаешь. Типа каким он мог бы стать. В польской версии.

— Я думала, ты скажешь, в пиратской, — поддевает Реджина, выпуская кольцо дыма.

— Очень, очень некрасиво, — бухтит Томаш. — По массе причин.

— Нам нужно забрать велосипеды, — продолжает Реджина, — так что увидимся, да?

— Постараюсь недолго, но вы не беспокойтесь, если вдруг...

Томаш чуть не опрокидывает ее на землю, налетев с объятиями.

— Осторожнее, мистер Сет, — неразборчиво бормочет он Сету в футболку. — Не попадись Смерти в лапы.

Сет ерошит запутанную шевелюру мальчишки:

— Я осторожно.

— Ну, отлепись уже, — велит Реджина.

Томаш отходит, уступая ей место.

— Я обниматься не полезу, — предупреждает она.

— И хорошо, — кивает Сет.

— Без одобрений обойдемся. — Она понижает голос. — Чрез главный вход даже не суйся, вот что я тебе пыталась сказать. Иди по железке к дальней стороне тюрьмы. Увидишь большой кусок обвалившейся стены.

— Спасибо, — шепчет Сет.

— Зря ты это затеял, — говорит она. — Все равно ничего не найдешь, только погибнешь по глупости.

— Приятно слышать, что меня будет не хватать, — ухмыляется Сет.

Реджина смотрит без улыбки.

— Вы о чем тут? — вклинивается Томаш.

— Ни о чем. — Реджина снова переходит на шепот: — Тогда постараитесь хотя бы сдержать обещание, которое дал Томми.

Сет сглатывает.

— Подумаю.

— Ладно. — Реджина отворачивается. — Приятно было познакомиться.

Томаш беззаботно машет на прощание, Реджина даже не оглядывается, и оба удаляются в темноту, забирать велосипеды.

— Взаимно, — роняет Сет.

Потом разворачивается и идет к провалу.

В сторону дома.

42

Фургона перед домом нет. Из укрытия у дороги видно оставленные в грязи следы колес развернувшейся и уехавшей машины. Сет выжидает, но вокруг все замерло, даже на луну в умытом небе не наползет ни облачка. А вообще, погода здесь меняется, словно на быстрой перемотке.

Где-то там, за много кварталов отсюда, Реджина с Томашем катят на север, навьючив велосипеды припасами. Сет мысленно желает им добраться благополучно. Почти молитва, если так подумать.

Он выбирается на улицу, медленно, осторожно, высматривая, не затаился ли где грузовик или Водитель, но вроде бы никто на него не кидается. Дом выглядит прежним, если не считать выбитого окна по фасаду. За смятыми жалюзи ничего не рассмотреть в темноте — эх, черт, надо было прихватить Томашевы свечки для торта. А теперь придется шарить в поисках фонаря, и кто знает, сколько с той стороны успело выгореть до дождя. Может, ни светильников не осталось, ни свежей одежды.

Ни вещей из прежней жизни.

Откуда они все-таки? Учитывая Реджинину версию... Это его собственная память восстанавливает прежнюю обстановку или это действительно тот самый дом, из которого они переехали в Америку? Или внущили себе, что переехали, а на самом деле просто улеглись в гладкие черные гробы и погрузились в новую версию реальности?

Но Сет отлично помнит переезд, всю эту нервотрепку и суматоху. Оуэна только-только выпустили из больницы, он еще посещал сеансы терапии, восстанавливающей двигательные функции. Врачи по-прежнему не могли сказать наверняка, насколько нарушения обусловлены физическими травмами и насколько душевными, но мама настаивала на переезде. Нет, говорила она, совсем не рано, а даже если рано, смена обстановки (и заодно смена врачей на более толковых) даст ее младшему сыну необходимый толчок. И потом, она все равно не выдержит в этом доме больше ни минуты.

Выход неожиданно нашел папа. Небольшой гуманитарный колледж на сыром и мрачном побережье штата Вашингтон, где он когда-то проработал семестр по обмену, откликнулся на письмо: да, вообще-то у них есть вакансия, и можно

приезжать. Зарплата еще меньше, чем в Англии, но преподаватели нужны позарез, так что переезд и аренду жилья они берут на себя.

Мама не колебалась ни секунды, ее не смущала даже захолустность — два часа езды до ближайших больших городов. Вещи она начала паковать еще до того, как папа высказал согласие, и за какой-нибудь несчастный месяц они вчетвером, словно подхваченные ураганом, перенеслись из Англии в Халфмаркет — если и не в вечную полярную ночь, то близко к тому.

Сет качает головой, не желая верить, что все это происходило в виртуале. Мама слишком злилась, папа слишком горевал, Оуэну было слишком плохо, а на Сета всем было слишком наплевать. Если все это понарошку или как-то запограммировано, неужели нельзя было обойтись с ними помягче? Сделать всех счастливее?

Не стыкуется.

Да, положим, эта версия логичнее остальных, и все же... Мир, может, и ушел в виртуал, пытаясь забыться, но родители-то? Они бы точно не стали. И сам Сет точно не выбрал бы себе такой жизни.

Или выбора все-таки не было?

Он останавливается перед входной дверью.

Может, Водитель на самом деле вовсе не от посягательств извне охраняет людей в гробах? Может, он, наоборот, приставлен следить, чтобы никто не проснулся? У него вид не особенно человеческий, так что он, возможно, не человек. Робот какой-нибудь или пришелец, и они насильно погружают людей...

— Низкопробная фантастика, — бормочет Сет. — Жизнь таких сюжетов не закручивает. Таких, где...

Он снова осекается.

Таких, где на все есть одна общая разгадка — типа, все ушли в виртуал, и вымысел с действительностью поменялись местами. Таких, в которые ты ныряешь на два часа, восхищаешься фантазией автора, а потом живешь дальше обычной жизнью.

Как раз таких, которые с готовностью подсунет собственное сознание, пытаясь объяснить происходящее вокруг.

Он толкает дверь. Не заперто, как всегда. Водитель мог спокойно войти внутрь и перебить их всех, не оставив шанса спастись. Тут и сказочке конец.

А они вот спаслись. Благодаря череде случайностей. Сперва Водитель дождался снаружи, пока Сет выглянет, потом, проломив ему грудную клетку, еще какое-то время раскачивался, прежде чем залезть внутрь... Сет потирает ребра — побаливает, но не так сильно, как могло бы. А потом опять раскачивался, прежде чем погнаться за ними тремя через заросли на заднем дворе.

И все остальное тоже одно к одному. Туристский магазин со всем необходимым снаряжением. Забитый продуктами супермаркет — с голоду не умрешь. Дождь, под которым можно мыться и который начинается как раз вовремя, чтобы (Сет зажигает только что найденный фонарик) остановить пламя еще на подступах к кухне.

Внутри все в сохранности. Только дымом пропахло. Сет перелезает через опрокинутый холодильник и выходит на террасу. Заросли выгорели подчистую, но терраса цела, разве что почернела с краю. Даже горка бинтов на месте,зывающее поблескивает изнанкой в лунном свете.

Он возвращается внутрь, ополаскивается холодной водой в раковине и одевается потеплее. Потом находит фонарик — все, можно идти.

Но Сет медлит, окидывая напоследок взглядом гостиную, и делает именно то, о чем заливал Томашу.

— Пока, Оуэн, — шепчет он. — Пока, дом.

Выходит, закрывает за собой входную дверь. Неужели он действительно здесь в последний раз? Почему-то грустно.

Настоящий этот дом или нет, он чем-то ему дорог.

И тут Сет вспоминает слова Реджины: «Самое настоящее у меня — это я».

А потом в памяти всплывает еще кое-что.

— Помни, кто ты такой, — и вперед без раздумий, — произносит он вслух.

Пора добраться до тюрьмы.

Потому что, взаправду все или нет, возможно, там прояснится.

43

Уже изученной дорогой он движется к железке. Луна светит достаточно ярко, можно даже фонарик не включать. Вокруг полная тишина. Ни сверчков, ни сов. Даже ветра нет, хотя после дождя, казалось бы...

Сет настороже, готов дать деру в любую секунду, но до лестницы между зданиями доходит без происшествий. До станции тоже. Он бесшумно огибает поезд, гадая, спят ли кабаны по ночам. Потом спрыгивает с платформы и смотрит на убегающие в сторону тюрьмы рельсы.

Они на удивление чистые. Местами торчат какие-то высокие стебли, но в основном на гравии колосится только чахлая травка Сету по щиколотку. Луна высвечивает две блестящие параллельные нити почти до самого южного горизонта. На-

верное, сорняки просто не смогли пробиться через многолетний слой пестицидов.

Справа виднеется кирпичный пандус, наверное, для ремонтных бригад, вполне целый на вид. Сет перебирается туда и выходит по нему со станции. Слева, за невысокими заборами, просматривается пепелище. В темноте почти ничего не разобрать, только силуэты, похожие на надгробия. Пустота, ни звука, ни шороха, и очертания Мейсонова холма на горизонте.

Сет помнит, что железка тянется до самого океана, хотя они ездили туда всего пару раз, и, честно говоря, берег там ничуть не лучше, чем в Халфмаркете. Валуны, утесы, дико холодная вода. Но когда отъезжаешь от станции в сторону моря, поначалу за окном тянутся длинные заборы и стены, сетчатые и кирпичные, а по углам выглядывают из-за деревьев вышки. Архитектура, предназначенная укрываться в складках местности. Тюрьма.

В лунном свете за деревьями уже проступает одна из вышек. До нее, наверное, минут десять, не больше, хотя лучше бы несколько часов.

Десять минут — это слишком просто.

За такое короткое время он не успеет настроиться.

Сет шагает по кирпичному пандусу, сжимая фонарик, словно дубинку. Проверяя, не бежит ли за ним кабан, он видит мостик над путями, с которого он впервые увидел выгоревшие районы и где, как выяснилось, сам попался на глаза Томашу.

Вот они, наверное, всполошились, когда узнали, что тут есть кто-то еще. Даже испугались. Его? Или за него? А когда засекли его под душем? За интимным занятием?.. Сет чувствует, что краснеет, хотя Реджина смущалась не меньше, а Томашу, конечно, все любопытно.

Сет чувствует укол совести за то, что обманул Томаша. Небось сидит сейчас и в радостном нетерпении ждет его с минуты на минуту. А Реджина думает, что ей виднее. Может, ей и правда виднее.

Томаш и Реджина. Странная парочка, перехватившая его на пути к Мейсонову холму и не давшая угодить в какую-то передрягу. Дозированно подкидывающая ответы на все мыслимые и немыслимые вопросы, при этом недоговаривая достаточно, чтобы сохранялась интрига...

— Хватит, — перебивает он сам себя. — Иначе скоро крыша поедет.

Пощечина точно была настоящей. И объятия Томаша, и едва уловимый кисловатый запах двенадцатилетнего мальчишки ощутимо настоящие. Он до сих пор чувствует их кожей и носом.

Да, положим, Томаш слишком напоминает Оуэна, и именно такого персонажа подсознание могло подсунуть Сету, чтобы помочь... ну, принять смерть или сменить реальность... или какая там задача у этого места, если у него вообще есть задача. Тогда вполне логично.

Но Реджину он бы выдумывать не стал. Она не похожа ни на кого из знакомых, ниоткуда. Ни выговором, ни самоувренностью.

Нет, они настоящие. Или совсем как настоящие.

Но тогда Гудмунд...

— Прекрати! — велит он себе в который раз и шагает дальше.

Сквозь деревья между железкой и тюрьмой видно приближающийся угол пятиметровой кирпичной стены. Внешний край тюремной обороны.

Сет решает действовать по обстоятельствам. Если дыра большая и в нее можно заглянуть, он заглянет. Если в нее без проблем можно пролезть, тогда, он, пожалуй, так и сделает. Если нет, всегда можно вернуться еще раз. Чего-чего, а времени у них тут хоть отбавляй. Вторая попытка представится всегда...

В ста шагах от него у кирпичной стены горит свет.

Электрический. Совершенно точно. Странное белое пятно, не мигающее, в отличие от костра, и слишком яркое для фонарика или газовой лампы. Свет просачивается сквозь деревья и — если стена продолжается за деревьями — сквозь кирпичную кладку. При этом сияет он довольно низко, из дома не разглядишь.

Сет настороженно прислушивается — к возможным шагам по кирпичной кладке, к шуму приближающегося мотора, даже пыхтению кабана. Но вокруг никого, только он и его дыхание. Свет тоже льется безмолвно — ни урчания генератора, ни гудения флуоресцентной лампы. Он подходит ближе, и свет неожиданно резко бьет по глазам. Сощурившись и прикрыв глаза рукой, Сет доходит до дыры в тюремной стене.

Реджина была права. Брешь огромная. Пробита не только внешняя стена, но и все заборы за ней, включая деревянную ограду какой-то камеры, похожей на зал ожидания, которая теперь почти втоптана в землю. С того места, где стоит Сет, открывается прямой ход почти к самой сердцевине тюрьмы.

Источником света оказывается самый обыкновенный уличный фонарь, укрепленный на внутренней ограде, тоже пробитой и рухнувшей внутрь. Сияние заливает сваленные почти безобидными кучками кирпичи из внешней стены

и завивающиеся края металлических сеток, бесконечными рядами окружающих здание тюрьмы.

Словно что-то гигантское вырвалось оттуда наружу. Вскинулось на дыбы в центре здания и понеслось на волю, сметая все на своем пути.

«Но как? И что это могло быть такое?»

Что бы это ни было и когда бы это ни произошло, сейчас все тихо-мирно, и единственный фонарь освещает путь вглубь.

Сет стоит у бреши в нерешительности. За пробитыми стенами и заборами рельеф идет под уклон, так что видно лишь шагов на сто, а дальше все снова тонет в темноте.

Там может быть что угодно. Вообще что угодно. Гробы со спящими людьми. Или просто пустые помещения, без людей. Или одно существо в черном комбинезоне, поджидющее во мраке.

Если это задача, то Сет не знает правильного ответа.

Войти или остаться в неведении?

Он крепко сжимает в руке фонарик:

— Я одним глазком. И все. Просто гляну, что там дальше.

Он шагает в темноту.

44

Сет перелезает через первые горки беспорядочно осыпавшихся кирпичей. Отдельные обломки скатываются с грохотом, но тут же снова наступает тишина.

Внешняя кирпичная стена самая высокая, что логично. Дальше идут три ряда металлической сетки с колючей проволокой поверху (не такой, как встречается где-нибудь на го-

родских объектах, а гораздо острее и страшнее на вид). Сет с величайшей осторожностью пробирается мимо особенно запутанного клубка, но вот и это препятствие позади. Он оказывается прямо рядом с фонарем, который болтается на соплях у третьей по счету сетчатой ограды.

Вдоль забора по обеим сторонам висят еще прожектора, но этот единственный рабочий — тяжелый пластиковый кожух, приделанный к ограде, с горящей внутри лампочкой. Откуда берется ток, непонятно. На секунду Сет пугается, что под током может быть сама ограда, но потом вспоминает, что уже хватался за нее пару раз по дороге.

Он идет дальше. Прожектор теперь оказывается за спиной и светит в противоположную сторону. Все вокруг погружается в темноту. Деревья кончились. Тоже понятно: зачем давать заключенным лишнюю возможность куда-то вскарабкаться? Земля по-прежнему идет под уклон, тюрьма построена на самом дне лощины — так, кажется, это называется.

Сет видит ее очертания в лунном свете — комплекс построек, разбросанных по уходящему вниз склону, одни за заборами, другие вытянулись вдоль узкого служебного проезда. Еще там виднеются широкие пустые площадки, закатанные в потрескавшийся теперь и поросший сорняками асфальт. Наверное, прогулочные дворы для заключенных. Три главных пятиэтажных корпуса в самой низине обрамляют с трех сторон еще одну пустую площадку. Но во мраке их видно плохо.

Темно. Как в книжках пишут, ни огонька кругом.

Территория тюрьмы обнаруживает все больше сходства с остальными окрестностями. Заброшенная, безмолвная, замершая. Сет пробирается через очередные густые заросли,

хоть и не такие высокие, как на заднем дворе дома. Как обычно, ни птиц, ни других ночных обитателей не слышно.

Сет останавливается в самом низу склона. Он уже зашел довольно далеко, бреши в заборах кончились. Луна по-прежнему светит ярко, а глаза успели попривыкнуть, и видно теперь лучше.

Но вокруг не происходит ничего. Никаких признаков жизни, даже двигатель не гудит. Ни звука. Это невозможно: масса людей, собранных в одном месте — пусть даже спящих, — должна производить хоть какие-то звуки. Томаш говорил, что очнулся здесь в окружении бесчисленных гробов за бесчисленными дверьми и стенами, но сейчас ничего похожего не наблюдается. Тут, пожалуй, даже темнее, безмолвнее и недвижнее, чем в других частях города. Воздух, и тот застоявшийся, словно в надолго запертой комнате.

Ничего. Совсем ничего. Настолько ничего, что у Сета застывает подозрение.

...неужели?

Неужели они ему наврали?

Пытались они его сюда не пустить? Если и пытались, то не очень настойчиво. На самом деле, если подумать, они, наоборот, завлекали его сюда своими рассказами.

Одного.

— Нет, — говорит он вслух. — Они кто угодно, только не...

Небольшую площадку прорезает луч света — в одном из трех главных зданий открылась дверь.

Оттуда выступает Водитель.

Сет падает на землю. Спрятаться толком негде: построек, за которыми можно укрыться, поблизости тоже нет. Оста-

ется только вжаться в траву и надеяться, что ее высоты хватит.

Водитель еще довольно далеко — до фигуры, темнеющей в освещенном проеме, около двухсот метров. Он всматривается во мглу, словно почуял что-то, а потом идет выяснять. Вот он шагает по ступеням, грохоча на всю тесную лощину.

Сет сжимается, готовясь бежать. Наверняка заметил. У него небось какой-нибудь прибор ночного видения встроен...

Но Водитель вдруг возвращается и закрывает за собой дверь. Пятно света пропадает, и Сет, временно ослепнув, заивает дыхание, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги. Нет, ничего. Может, Водитель переместился с асфальтированной части площадки на заросшую травой? Может, он уже подбирается, не топая, а неслышно ступая?

А вот и шаг. Громкий и четкий, не ошибешься — точно такой же, как тогда, когда Водитель лез в окно: глухое «бум!», от которого дрожит земля.

И еще. И еще.

Эхо шагов мечется между тремя тюремными корпусами, мешая разобрать, откуда идет звук. Приближается Водитель или удаляется? Рискнув, Сет высовывает голову из травы, в глазах пляшут фиолетовые круги от ударившего в лицо света из двери.

Шаг. Еще.

Явно громче.

Делать нечего. Придется бежать со всех ног назад к железке, а там искать дорогу к их...

Нет, к Реджине и Томашу нельзя. Иначе приведешь на хвосте Водителя.

Шаг. Шаг.

— Простите, — шепчет он невольно Томашу, Реджине, самому себе, не зная, что делать и куда бежать. — Простите меня.

Он встает.

И слышит рокот заведенного двигателя.

Сет падает обратно в траву. Где-то там, в темноте, нарастает гул мотора, словно у него сперва убавили громкость, а теперь плавно выкручивают обратно. Это где-то сбоку от трех корпусов, может быть, даже...

Да, там. Лучи фар протягиваются из-за угла ближайшего здания, того самого, из которого выходил Водитель. Фургон переезжает площадку и выруливает на главную дорогу, идущую через центр тюремной территории.

Удаляясь.

Фургон движется к южному входу, который, по словам Реджини, заколочен наглухо. Но у Водителя, похоже, есть какой-то способ выбираться через него во внешний мир и патрулировать окрестности согласно поставленной перед ним или назначенней им самому себе задаче.

Как бы то ни было, Водитель уезжает. Шум мотора не то что глохнет, просто удаляется — на достаточное расстояние, чтобы можно было слегка выдохнуть. Снова мелькает мысль о Реджине и Томаше, которые прячутся где-то там, вдалеке, в городе, по которому рыщет Водитель.

— Не попадитесь, — шепчет он. — Только не попадитесь.

Сет смотрит на корпуса, на дверь, теперь плотно прикрытую. Ни щелочки, ни лучика. Глаза заново привыкли к темноте, и Сет видит площадку в лунном свете, а вокруг — окутанные безмолвной мглой здания.

Вроде бы заброшенные.

Двигатель все еще завывает где-то вдали, хотя на самом деле он гудит довольно ровно и напористо — в другом мире, где есть хоть какие-то звуки, его было бы не слышно во все.

Но все равно, главное — он удаляется!

На какое-то время тюрьма осталась без присмотра.

Сет встает. Сперва на четвереньки, потом, вздохнув поблуже, на ноги.

Ничего. Вокруг по-прежнему расстилается тишина. Двигатель теперь совсем далеко, словно его и нет.

Сет знает... чувствует, что он тут один.

И какая разница, как понимать происходящее — как плод воображения, существующий лишь в его собственной голове, как путь, который надлежит пройти, или как очередной кстати подвернувшийся этап? Правда, какая разница?

Потому что больше всего на свете Сету хочется узнать, что же там, за дверью.

45

Он крадется к ближайшему корпусу из трех окружающих площадку и заглядывает в окно. Окно забрано самой настоящей тюремной решеткой, но внутри черным-черно и ничего не разобрать. Сет щелкает фонариком. Облом. Приходится несколько раз по нему стукнуть, повернуть древние батарейки, еще пару раз стукнуть. Фонарик нехотя зажигается — света едва хватит, чтобы читать, поднеся к странице, но лучше так, чем ничего.

За пыльным армированным стеклом, прикрытым решеткой, луч фонарика выхватывает только пустой, уходящий

вдаль коридор. Видно тяжелые двери — в камеры, конечно, настоящие тюремные камеры. В каждой двери прорезано зарешеченное окошко, и ни одно не светится.

Мертвое здание, такое же мертвое, как и все остальные.

У следующего окна выбито несколько армированных стекол, но за ним, внутри, никаких отличий. Тоже длинный коридор, ряд темных пустых камер, никаких признаков жизни и движения.

И точно никаких гробов.

Перед третьим окном, последним по фасаду, фонарик вырубается и включаться отказывается, как Сет его ни проклинаят. Ладно, все равно ничего нового там не покажут. Тюрьмы разнообразием не балуют. Сет заворачивает за угол здания, на площадку.

Это бетонный пятак, весь потрескавшийся, с травой в щелях. Совершенно пустой, никаких там развалившихся скамеек или бетонных клумб — видно, что он был абсолютно голым еще до того, как здесь все пришло в запустение. Наверное, тоже прогулочный двор, а может, просто бесхозный участок, который ничем не заставляли, чтобы негде было укрыться заключенным.

Все здания на одно лицо. Уродливые, приземистые, топорные. Ни одного изгиба. В каждом единственный вход и равномерный ряд окон, повсюду тяжелые засовы, замки и решетки — на любой открывающейся створке.

Невольно мелькает мысль — где сидел тот, который похитил Оуэна? Тот, чья фамилия упорно ускользает из памяти.

Выходил он когда-нибудь на эту площадку? Почти наверняка. А все остальное время сидел в какой-то из камер. А ког-

да сбежал, может быть, прятался за этим самым углом, где сейчас стоит Сет.

Вроде бы тот заключенный не числился среди потенциальных беглецов. По словам полиции, если его иногда и запирали в карцер, то лишь для защиты от других, а не потому, что он сам представлял опасность или готовился к побегу. Он был образцовым заключенным. Так твердили родителям полицейские в те жуткие ночи поисков Оуэна, словно в утешение, а не в оправдание собственного разгильдяйства.

Сет отыскивает мысленным взглядом железную дорогу и смотрит туда, где остался его дом.

Заключенному, как выяснилось в ходе расследования, в тот день выдали пропуск, позволяющий свободно перемещаться между корпусами и ухаживать за территорией, поскольку он проявил способности к садоводству. Память все-таки выдает Сету новые подробности (вот только имя, как же этого урода все-таки звали?). И как-то так этот заключенный подстроил, чтобы одни надзиратели думали, он в одном месте, а другие — что в другом, и его очень не скоро хватились.

Полиция полагала, что у него были сообщники, но, кажется, подтверждения так и не нашли. Заключенный сотворил дыру во времени — череду уловок, позволивших ему улизнуть (да, точно, вот туда), пробраться через ограды, проскользнуть мимо охраны (которая, может быть, намеренно отвернулась), пока перед ним не остался всего один забор.

Позади Сетова дома.

К горлу вдруг подступает горечь, и Сет сплевывает на траву. Он сам открыл этому человеку дверь. Что бы ни произош-

ло в его жизни дальше, этого уже не изменишь — он открыл дверь.

«Ты не виноват, — говорил Гудмунд. — Тебе было всего восемь».

Как же хочется ему поверить...

Сет вглядывается в темноту, туда, откуда заключенный вошел в его жизнь и увел Оуэна, вернув искалеченным и сломанным.

Сет закипает, вспоминая.

И от злости страх словно бледнеет.

Сет выходит на площадку и идет к двери, из которой появлялся Водитель.

На вид такая же дверь, как и в других корпусах. Ни одна щель не светится, окна по бокам тоже темные. Сет заносит над головой фонарик, готовясь обрушить его с размаху, если кто-то подкрадется.

Но все тихо. Пустота, тишина. Здание плятится зарешеченными окнами. Безлюдные грязные постройки, наблюдающие за ним со стороны.

Дверь чуть приподнята над землей, на несколько ступеней, и слегка утоплена вглубь, а луна светит сбоку, поэтому Сету придется шагать в потемки. Стукнув на всякий случай несколько раз по фонарику (безрезультатно), он шарит по двери в поисках ручки — и находит, никак не ожидая, что...

Получилось!

Сет просто нажимает на ручку и тянет на себя — дверь распахивается на удивление бесшумно, и это поражает, как раньше ровный гул фургонного мотора. Если какая-то дверь и должна зловеще скрипеть, то именно эта, в темной

пустой тюрьме, но она скользит плавно, будто на гидравлике.

И Сет, не успев опомниться, уже стоит на пороге.

За которым кромешная тьма, словно в открытом космосе.

Сет снова щелкает фонариком — просто от нервов, не особенно надеясь.

И щурится, пытаясь хоть что-то, хоть капельку разглядеть в этой тьме.

Но там действительно одна пустота.

Ничто.

Дыра в пространстве.

Сет спускается по ступеням. Подходит к окну справа от двери и заглядывает внутрь. Тут тоже темно, однако чуть-чуть все-таки видно — хотя бы понятно, что этот корпус такой же, как и соседний: коридоры, камеры, многолетняя пыль.

Однако за дверью почему-то неестественная непроницаемая тьма, словно в отдельно взятом дверном проеме взяли и отменили пространственные и оптические законы.

За порогом не видно НИ-ЧЕ-ГО.

— Это оптическая иллюзия, — шепчет сам себе Сет. — Лунный свет так падает.

Но он все равно медлит. Безмолвный мир вокруг затаил дыхание, распахнутая дверь зияет пустым проемом.

Сет пытается раскочегарить прежнюю злость. Злость на заключенного, который смотался отсюда и все разрушил. Помогает. Сет поднимается обратно — к дверному проему, к темноте.

Тишина почти оглушает, она такая плотная, что Сет начинает сомневаться в ее реальности. Уж что-то должно быть

слышно. Шелест ветра. Шорох травы на склоне. Скрип оседающих досок.

Но перед ним лишь черная дыра. Дожидающаяся, когда он в нее шагнет.

За порогом может быть что угодно. Переход в совсем иной мир, мало ли...

— Ну бред же, — шепчет Сет, не сводя глаз с темноты.

А в сознании уже роятся мириады возможных разгадок.

Что, если этот мир — путешествие?

И это его последние шаги.

Если где-то и прячется Смерть, то ей самое место за этой дверью.

Может, дверь и есть Смерть.

А если этот мир и вправду ад, то, может быть, нужно уметь, чтобы из него сбежать.

И может быть, для этого достаточно пройти через дверь.

Главное — выбрать правильную.

Невольно вспоминается тот поход на берег...

«Нет, — предостерегает голос в голове. — Не надо».

Но Сет все равно возвращается мыслями в тот день, последний его день, когда он спокойно вошел в ледяной дикий океан и тот размозжил его о скалы.

А потом он очнулся здесь.

«Прекрати. Хватит...»

Еще он вспоминает сегодняшнее утро — невероятно, он ведь действительно только сегодня утром бежал к Мейсонову холму, а кажется, что прошли уже недели, целая вечность.

Он воскрешает то самое ощущение.

Опасное ощущение, Сет это знает. Опасно приходить в состояние, которое большинство людей не испытывает и не хотело бы испытать никогда.

Ради этого он умер? Этого он просил всю дорогу? К этому подталкивали его Томаш с Реджиной, Водитель и все остальные «наводящие» обстоятельства?

«Хочу я этого? — спрашивает себя Сет. — По-прежнему?»

И он понимает, что на самом деле не может ответить на верняка.

Вот он шанс.

Вот она дверь.

Он протягивает руку в темноту...

46

Вспыхнувший свет бьет словно кулаком. Сет зажмуривается и пятится назад на площадку, готовясь бежать...

Но не бежит.

Прикрыв глаза рукой, он смотрит сквозь ресницы, сквозь узкую-узкую щель. Дверной проем, где всего секунду назад зияла черная дыра, превратился в такой же непроницаемо белый прямоугольник.

Нет, не совсем непроницаемый.

Что-то там просматривается.

Еще одна дверь. Вторая. Из молочно-белого стекла.

И она открыта.

Сет осторожно поднимается по ступеням. У света нет конкретного источника, его излучает вся поверхность двери

и стен. Теперь стало видно лестницу, уходящую вниз и вглубь. Все белое, все будто из стекла.

И ничуть не похоже на виденное в соседних корпусах.

А еще изнутри доносится какой-то звук. Гудение — чего? Электричества? Наверное. Откуда-то ведь берется это ярчайшее сияние. Но дело не в этом. Гудение идет снизу, оттуда, куда уходит лестница, и, как бесшумная дверь, как ровный гул мотора, намекает на какой-то более мощный, навороченный и передовой источник энергии.

Замерев у порога, Сет нагибается и трогает пол. На ощупь он именно такой, каким выглядит: толстое белое стекло, и от него веет прохладой.

Этот резкий свет все равно что маяк в глухой ночи — Сет тревожно оборачивается, почувствовав себя мишенью. Наверняка где-нибудь сработала сигнализация, и Водитель уже мчится сюда.

Но слышно только басовитое гудение. И все.

Никаких звуков двигателя.

Не раздумывая больше ни секунды, чтобы не увязнуть снова в спорах с самим собой, Сет шагает через порог.

И ничего. Ни звука, ни рева сирены, выдающей непрошеного гостя. Сет оглядывается на площадку, залитую ярким светом. В любом случае надо брать ноги в руки.

До внутренней двери два шага. Пока без проблем. Молочно-белый лестничный марш уходит вниз, потом поворот, и еще марш. Отсюда едва видно подножие, от которого тянется, судя по всему, еще коридор.

Нет, ни малейшего сходства с остальными корпусами. Сет словно занесло в совершенно другое здание в совершенно

другом месте. Даже дверь — эта, вторая, — без замка, без ручки, не за что потянуть и нечего нажать. Просто панель на невидимых петлях. Таких он не видел никогда, разве что по телевизору. В фантастических сериалах.

Сет шагает за второй порог. Ничего не происходит. Шаг вниз. Еще. И еще. Он бросает взгляд через плечо, в темноту, но и там никаких перемен. И он идет дальше, стараясь ступить как можно тише, ловя самый неслышный звук.

Вокруг только это басовитое гудение.

Сет останавливается на повороте между маршрутами. Те же белые стены, те же уходящие вниз ступени, которые ведут в короткий тамбур, заканчивающийся дверью. Она закрыта. Сет подходит к ней, замечая попутно, что изнанка лестницы ничем не отличается от поверхности. Словно всю эту лестничную клетку вырезали из одного цельного куска молочно-белого стекла. Он останавливается перед дверью. Такая же, как верхняя: гладкая, безликая, светящаяся изнутри.

Сет протягивает руку, но дверь открывается еще до того, как он успевает дотронуться. Он отскакивает, однако ничего страшного не происходит: дверь просто уезжает в стену, словно откликаясь на присутствие наиболее подобающим действием. За ней еще один белый коридор, поворачивающий за угол.

Но гудение становится громче.

Сет выжидает еще секунду. И еще. Нет, по-прежнему ничего. Никто не идет. Свет в этом в коридоре другой, не просто сияние из стен. Что-то там, за углом, есть.

Сет сглатывает. И еще раз.

«Сейчас или никогда».

Нет, не вышло. Он не двигается с места.

«Ничего там такого нет. Не то, что думают Томаш с Реджиной. Не то, что мне представляется. И уж точно никаких дурацких инопланетян».

Но ему все равно страшно — гораздо страшнее, чем было снаружи.

Потому что там точно что-то есть.

Он шагает за дверь.

И идет по коридору.

Заворачивает за угол.

И смотрит.

В огромный, бескрайний зал величиной с самолетный ангар.

В котором бликуют полированными боками сотни, тысячи гробов.

47

Зал построен из другого материала, не того, что на лестничной клетке. Стены и пол напоминают отполированный до блеска идеально чистый бетон. Молочно-белые панели, разбросанные через равные промежутки по потолку, струят свет на гробы внизу. Которыми заставлен весь зал, простирающийся так далеко, что не хватает глаз.

Сет стоит на возвышении, на небольшой приступке у самой двери. Дальше ряд за рядом, ряд за рядом, ряд за рядом идут гробы. Они расстилаются ковром, уходя вдаль, в коридоры, за которыми явно скрываются еще более обширные помещения.

Этот зал куда больше, чем громоздящаяся над ним тюрьма. По центру тянутся в те же неведомые дали два длинных

прохода. «Достаточно широких для фургона», — думает Сет. Хотя нужно же как-то доставлять сюда гробы. Конечно, они могли понаделать здесь потайных дверей, открывающихся в разных точках на поверхности, но...

— Как такое может быть? — шепчет Сет. — Как?

Гудение идет отсюда. Источника не видно, никакие кабели по полу не змеятся, и вообще никаких механизмов нет, одни гробы, но звук явно отсюда, от этих штуковин, делающих свою непонятную работу.

А внутри них люди. Спящие.

Проживают свои жизни.

Сет спускается с приступки на блестящий бетонный пол, снова ожидая, что вот-вот заорет сигнализация или кто-нибудь явится узнать, какого черта он здесь забыл.

Он подходит к ближайшему гробу. Крышка плотно закрыта. На секунду кажется, что она сейчас распахнется, как та дверь, но нет, не распахивается. Сет даже не сразу находит щель между крышкой и стенками, приходится долгоглядеться. Металл на ощупь просто прохладный — не охлажденный искусственно и не подогретый. Сет обходит гроб кругом. Все точно так же, как у того, на чердаке, даже (он опускается на колени, чтобы проверить) тонкая трубка, выходящая из центра и исчезающая в отшлифованном бетонном полу.

«Как такое возможно? — Сета снова начинают одолевать сомнения. — Технически?»

Например, как быть с рождением детей? Он вертит головой, окидывая взглядом гробы, обступившие его, словно армия мертвцевов. И как поддерживать жизнедеятельность?

А питание? Он и Реджина с Томашем, конечно, не мастера спорта, но «в той жизни» вполне себе функционировали как организмы — ходили, поднимали тяжести. Да, первые пару дней после пробуждения он еле двигался, но все равно, получается, после многолетнего лежания в лежку ноги его вполне слушались и мышцы не отказали?

«Нет. Быть такого не может».

Только теперь Сет вспоминает, зачем шел сюда. За разгадкой, за ответом, отличным от тех, которые у него уже есть. Убедиться, что у этого мира есть какое-то назначение, конкретная задача. Для него, Сета.

Ему не нужны банальности.

Он нашупывает кончиками пальцев щель между стенками и крышкой, пытаясь подцепить край. С трудом, но удается просунуть в щель ногти — нестриженые, конечно, за то время, что он здесь, но кстати, а как происходит с ногтями, почему они не растут у спящих в гробах? Крышка поначалу не поддается, но Сет тянет сильнее и все-таки ее приподнимает.

На полсантиметра, на сантиметр...

Потом она выскользывает и обрушивается обратно, больно прищемив пальцы. Сет трясет рукой и приступает заново. Потом еще раз.

— Ну, давай! — пыхтит он. — Давай же!

Крышка откидывается так внезапно и так высоко, что Сет, потеряв равновесие, шлепается на пол, ударяясь локтем о бетон. Извергая поток непечатной браны, он баюкает ушибленный локоть, пока не утихает боль.

— Черт! — говорит он уже потише. И уже без злости.

Все еще пыхтя, он смотрит на открытый гроб. С пола не видно, что внутри, но изнанка крышки напоминает виден-

ное на чердаке — те же трубы и полосы металлизированного пластиря, только здесь по трубкам непрерывно бегут мерцающие огни.

Сет поднимается на колени, потом медленно выпрямляется под пульсирующую боль в локте и, наконец, заглядывает внутрь.

Он удивлен. Удивляться тут нечему, и все равно Сет такого не ожидал.

Потому что, разумеется, внутри лежит человек.

Мужчина.

Живой, дышащий человек.

Он обмотан пластирем так же, как Сет, когда очнулся, — все ноги целиком, грудь и живот. Пах открыт — и теперь Сет видит почему. Одна трубка тянется от пениса, другая воткнута между ягодицами, обе зафиксированы медицинским пластирем. Сет вспоминает ссадины на собственном теле. Отметины в тех местах, где к нему тоже подключали трубы. Отводят отходы жизнедеятельности, в точности как предполагали Реджина с Томашем.

Все остальное обмотано сплошь, до кончиков пальцев, и лицо почти полностью. Своих бинтов Сет не помнит, зато помнит ту жуткую пустоту после гибели. Ощущение безотчетной паники, совсем ни на что не похожий ужас, хуже самой смерти. Но в любом случае, получается, он в полной несознанке содрал пластири с рук и лица, выкарабкался из гроба и скатился с чердака вниз. Каким чудом он не свернул себе шею и как нашел дорогу вслепую — загадка.

Инстинкт, наверное. Память, о которой он даже не подозревал.

Единственный незамотанный участок на лице мужчины — рот. В зубах что-то вроде мундштука с гибкой трубкой, по которой подается то ли питание, то ли кислород, то ли вода — кто его знает? Кто тут вообще что-то знает? Например, металлизированная подкладка бинтов — это что, какая-то программа для снов? Или стимуляция мышц, чтобы не атрофировались? А трубы «для отходов» — может, они и репродуктивную функцию как-то выполняют?

Кто знает? Кто объяснит?

Человек в гробу не подает никаких признаков ощущения, что обстановка изменилась и над ним кто-то стоит. Только грудная клетка движется вверх-вниз — дышит. Макушка не забинтована, волосы, как и у Сета, сбриты почти под ноль. Шея тоже открыта, и Сет невольно протягивает руку — дотронуться, осторожно, едва касаясь, просто удостовериться, что человек настоящий.

Даже странно, когда кожа на ощупь оказывается теплой, живой, пульсирующей. Еще удивительнее обнаружить на подбородке щетину. Короткую, пара миллиметров, но все же. Почему она не отрастает в бороду? Как, черт дери, это все устроено? Его кто-нибудь бреет? Или всех пичкают веществами, замедляющими рост волос?

— И кто ты такой? — шепчет Сет. — Я тебя знал раньше?

Потому что, по идее, все эти люди — его земляки, все они отсюда. Жители окрестных домов, собранные в одном месте. Так что этот дядька мог жить по соседству, или дружить с родителями, или...

— Но я-то ведь переехал? — недоумевает Сет вслух. — Или это только в виртуале? Кто знает, куда перемещается твоя виртуальная сущность.

Он смотрит на человека во все глаза, и его смущает эта откровенная беззащитность. Похож на пациента реанимации. Будто его чудом откачали после какой-то неописуемо жуткой аварии и держат под наркозом, чтобы не загнулся от боли, а выздоравливать ему еще долго...

И тут у Сета закрадывается подозрение. Безумное, невозможное.

Сет гонит его прочь, скрестив руки на груди и не сводя глаз с лежащего в гробу.

Но подозрение не отпускает.

Этот человек, он ведь примерно одних с ним габаритов. Рост, вес — явно где-то близко. Примерно той же ширины плечи и грудная клетка, такие же худые поджарые ноги, волосы на теле того же цвета.

— Нет, — одергивает Сет сам себя. — Не сходи с ума.

Подозрение все равно не развеивается. Чем больше Сет разглядывает туго обмотанную бинтами фигуру и несколько полосок голой кожи, тем больше ему кажется...

— Нет!

Однако рука уже сама тянется к лицу мужчины, к бинтам. Осторожно подцепив один из них с краю, Сет пробует его отклеить. Не поддается. Тогда он ведет пальцем по бинту, нащупывая стык, а потом аккуратно поворачивает голову лежащего набок, продолжая нащупывать.

— Ну бред же, — уговаривает он себя. — Как такое вообще возможно?

Все равно нужно проверить. Убедиться...

Потому что вдруг...

Вдруг это все-таки он и есть?

И как тогда это понимать?

— Черт! — бормочет Сет. Тревога нарастает, сердце бьется все чаще. — Черт, черт!

Он наконец находит край бинта под левым ухом лежащего и начинает отклеивать — сперва с трудом, потом полегче. Отлепив полоску с лица, он приподнимает голову мужчины с подушки, чтобы размотать и сзади...

Там, где под кожей на шее мигает огонек.

Сет замирает, придерживая голову лежащего. Только теперь до него доходит, что он держит живого человека, спящего, но дышащего, теплого.

Живого!

Осторожно, потихоньку, он поворачивает голову мужчины, чтобы получше разглядеть мигающий огонек. Он мерцает зеленым, ровно, отчетливо, прямо на свободной от бинтов полоске под основанием черепа.

Точно там же, где находится шишка на голове у самого Сета.

Точно в том же месте, где он проломил череп о скалу.

А потом он замечает еще кое-что. Он приподнимает голову мужчины чуть выше. На голой коже над бинтами у самого загривка виднеется псевдокельтская татуировка, растянувшаяся по плечам на всю спину.

Татуировка, которой у Сета однозначно нет.

И тут, конечно, он замечает и остальное: что волосы у дядьки на самом деле темнее, чем у него, а щетина гуще. Торс вообще-то явно короче, и стыдно признаться, но найдите хоть одного подростка, который не узнает собственные причиндалы.

Так что этот дядька сам по себе. А Сет сам по себе.

Разумеется.

И сразу дотрагиваться до него становится неловко, словно покушаешься на чужое личное пространство, вламываешься, будто преступник. Сет накручивает бинт обратно, приговаривая: «Простите, простите!», и приклеивает кончик пластины за ухом, очевидно надавливая чуть сильнее, чем нужно. Он роняет голову дядьки на подушку...

И вот тут наконец срабатывает сирена.

48

Оглушительной ее не назовешь, но и не спутаешь ни с чем —вой накатывает волнами, словно разом проснулись все сигнализации мира. Сет ищет глазами, откуда идет звук, однако ничего такого не видит. Тогда он виснет на крышке гроба, чтобы побыстрее ее захлопнуть. Крышка обрушивается вниз, но в последний момент замирает и плавно притягивается к стенкам с едва слышным чмоканьем гидравлики, как ни в чем не бывало накрывая лежащего внутри.

Сирена воет не затыкаясь. Сет мчится назад к приступке, чтобы взлететь по лестнице, и...

Останавливается как вкопанный.

На пустой белой стене появился экран. Внутри длинной панели сливочного цвета туман словно рассеивается, и становится ясно, что это дисплей. Теперь его покрывают надписи, иконки и символы разных цветов, как на компьютерном планшете. Сирена не умолкает, и Сет готов сорваться с места, но экран словно гипнотизирует...

Потому что там, в окружении графических символов, мигают в одном ритме с сиреной слова «Кapsула открыта». Сет не хочет даже думать о том, что сигнализация наверняка уже

вызывала сюда Водителя, который несется через город на полном газу...

«Капсула открыта». «Капсула открыта». «Капсула открыта». Ярко-красным по черному.

— Но ведь я закрыл гроб! — произносит Сет и почти с возмущением тычет пальцем в красные буквы.

Сирена замолкает.

Он убирает руку. Буквы зеленеют, цифры, иконки и символы разбегаются по всему экрану, возобновляя прерванные процессы и явно не ведая о присутствии Сета. В одном из окон тасуются под разным углом изображения гробов, ряд за рядом. Это, видимо, камера наблюдения, и у Сета сердце чуть из груди не выпрыгивает, когда он видит вдруг самого себя, стоящего перед экраном. Но картинка тут же равнодушно сменяется следующей.

Сет оборачивается в поисках камеры, однако вокруг только молочная белизна световых панелей и бесконечные шеренги черных гробов. На экране продолжают тасоваться кадры, среди которых то и дело появляется большая, гаражных размеров, дверь в какой-то дальней стене, и у Сета холодаеет на сердце — в нее ведь в любую минуту, в любую секунду может въехать возвращающийся фургон...

И все равно Сет не трогается с места. В одних окнах по краю экрана мелькают всякие показатели — температура там, влажность; в других — время, причем лишь через раз отдаленно похожее на здешнее и тут же сменяющееся каким-то другим, а потом третьим. В остальных — графики и диаграммы, о которых Сет даже думать боится. Что значит «частота модуляции»? А «бета-цикл, сегмент четыре»?

«Управление потоком» вообще может подразумевать что угодно. Потоком чего? И в каком смысле «управление»? Кем управляет?

Нужно бежать. Сирена-то выключилась, но где гарантия, что Водитель не успел получить сигнал?

Однако ноги словно приросли к полу.

Потому что в центре экрана горит вопрос:

«Кapsула реактивирована?»

Теперь на весь экран выведена зеленая схема расположения гробов — судя по обозначенной здесь же лестнице, ближайших, из этого зала. Тот, который открывал Сет, выделен стрелкой, а рядом с ней, на врезке, лицо человека, видимо лежащего внутри.

Это снимок анфас, как на водительские права или паспорт. Человек не улыбается, но и несчастным не выглядит. Ему скорее скучно — надоела эта бюрократическая канитель.

Под снимком подписано имя и фамилия.

— Альберт Флинн, — вслух читает Сет.

И еще разные цифры. Что-то похожее на дату рождения, но в непривычном формате, потом, наверное, рост и вес и еще какие-то непонятные мерки. Наткнувшись взглядом на иконку «Особые приметы», Сет жмет туда. Открывается другое окно, которое показывает крупным планом татуировку, вытянувшуюся от плеча до плеча и по тыльной стороне обеих рук.

Сет нажимает на иконку снова, и окно пропадает. Он переводит взгляд туда, где мигало тревожное сообщение. Там по-прежнему светится вопрос: «Капсула реактивирована?»

— Наверное, — кивает Сет и жмет на экран.

Символ и надпись исчезают, врезка с портретом Альберта Флинна стягивается в точку, пропадая среди схематических изображений гробов.

Сет оглядывается в тревоге, понимая, что время-то бежит, но с лестницы пока ничего не слышно. Звук двигателя растворился в далекой дали, еще когда Сет прятался снаружи. Может быть, Водителя занесло в такие районы, из которых в два счета не вернешься?

Он нажимает на один из гробов на схеме. На врезке появляется женское лицо. Старше и улыбчивее, чем Альберт Флинн.

«Эмилия Флоренс Риддербос».

Сет тыкает в соседний гроб. Еще одно лицо, пожилого мужчины.

«Джон Генри Риддербос».

— Муж, — догадывается Сет: Риддербос не самая распространенная фамилия.

Он уже собирается ткнуть в следующий гроб, но останавливается. Ну да, муж. Родственников кладут рядом, это логично. Мужей с женами. Родителей с детьми.

Только Сет почему-то очнулся один и не здесь, а у себя дома.

Зато оба Риддербоса бок о бок, в одном ряду.

— А что тогда с Уэлингами?

Сет шарит взглядом по экрану, выискивая, нет ли где...

Есть. Иконка, обозначенная просто и ясно: «Поиск». Сет жмет на нее. Появляется небольшая экранная клавиатура с привычной компьютерной раскладкой. «Похоже, все-таки не пришельцы». Сет набирает «Уэлинг» и, помешав долю секунды, жмет «Искать».

Схема расположения гробов стремительно прокручивается, словно потолочная камера скользит по всем просторным залам за спиной Сета, а потом, замедлив полет, выхватывает какой-то ряд в дальнем углу, который Сет ни за что не отыскал бы сам.

Сперва на схеме высвечивается один гроб, затем другой, и появляется список фамилий.

«Эдвард Александр Джеймс Уэйнинг».

«Кэндис Элизабет Уэйнинг».

Не дожидаясь, когда сформируется весь список, Сет нажимает папину строчку.

Вот и он. Моложе, чем в жизни, волосы подстрижены по-другому, и седины нет. Но взгляд тот самый, слегка заторможенный. Сет тычет пальцем в мамину строку, и ее фотография выскакивает рядом с папиной. Мама тоже помолодела на снимке, но губы, как всегда, решительно сжаты.

Так просто. Нажал на кнопку — и получай.

Смотреть на них неожиданно тяжело. Даже не тяжело, мучительно. У Сета больно сжимается все внутри. Родители, не-привычно молодые, но стопроцентно узнаваемые, глядят на него с экрана.

И лежат где-то здесь, в каком-то дальнем зале.

Сет оборачивается. Камера двигалась так быстро, что проследить ее полет было невозможно. Они могут оказаться где угодно, в любом секторе этого бескрайнего комплекса.

Лежат и спят.

То есть не просто спят, а проживают жизнь, которая кажется им абсолютно реальной. Сет снова переводит взгляд на

экран. Интересно, что они делают вот сейчас, в данную секунду, у себя дома в Халфмаркете?

«Вы думаете о своем сыне?»

О сыне, который ушел, ничего не объяснив и не попрощавшись.

Они смотрят на него с экрана, и Сет пытается не замечать укора в их глазах.

Нужно бежать. Он слишком задержался. Водитель наверняка уже едет и будет тут в любую секунду.

Бегом, марш!

Но он не в силах оторваться от родительских фотографий.

Наконец, слогнув, чтобы унять боль в желудке, он легонько щелкает по снимкам, и они сворачиваются, исчезая в недрах схемы. Пора бежать. Давно пора бежать — только сперва глянуть еще один. Сет тянется пальцем к списку имен...

И замирает.

Оуэна там нет.

На весь список всего две строки — Эдвард и Кэндис, его родители.

Сет морщит лоб. Заново вызвав строку поиска, он повторно вбивает свою фамилию. Тот же результат — Эдвард и Кэндис Уэйнинг. Тогда он открывает поиск в третий раз и печатает полное имя Оуэна.

«Совпадений не найдено», — сообщает экран.

— Что? Да ладно?!

Он пробует снова. И снова.

Но Оуэна нет.

Быть такого не может! Сет набирает собственное имя, но его, конечно, тут тоже нет, потому что он ведь лежал в от-

дельном гробу, в старом доме, а не здесь. Наверное, места не хватило. Видимо, большинство гробов к моменту их прибытия уже были заняты и пришлось искать другие варианты.

Кто знает? И какая, в самом деле, разница?

Потому что Оуэна здесь нет. Оуэн где-то ТАМ. В этом выжженном пустом мире. В отдельном гробу. Один-одинешенек.

Один, как и Сет.

— Как вы могли? Как вы могли так поступить?

Сет закипает. Он понимает, что это глупо. Где бы ни находилось тело Оуэна, в виртуале он все равно с родителями. Он сам был тому свидетелем на протяжении восьми лет.

И все же... Что, если Оуэн проснется? Как Томаш, проснется один в незнакомом месте, где некому будет его защищить?

Решение приходит мгновенно, как единственное само собой разумеющееся.

— Я тебя найду, — обещает Сет, охваченный осознанием собственной нужности — очень приятное ощущение. — Сдохну, а найду, где бы ты ни был.

Он тянется к родительским именам на экране в надежде, что где-нибудь в данных обнаружится информация о местонахождении их младшего сына...

— Ай!

Экран бьется током. Несильно, даже почти не больно...

Но экран изменился. Схема гробов исчезла, вместо них надпись:

«Обнаружен поврежденный узел».

«Ведется сканирование», — вспыхивает следующая строчка.

Освещение в зале тоже меняется, дальний конец вдруг заливает странное зеленоватое сияние, которое стремительно (не убежишь) скользит по рядам гробов, пока не доходит до Сета.

И замирает.

— Трындец... — бормочет Сет.

«Восстановление возможно», — сообщает экран.

«Реактивация начата».

— Блин!

Неизвестно, что такое эта «рективация», но хорошего точно не жди. Сет поворачивается к тамбуру, отделяющему его от лестницы, и уже заносит ногу, чтобы бежать...

Но череп пронзает слепящая, отнимающая разом все силы боль...

Как раз в том месте у основания черепа, где мигал огонек у Альберта Флинна и где, видимо, находится «поврежденный узел»...

Все исчезает в сполохе света.

49

— Красота всегда найдется, — сказал Гудмунд. — Если знать, где искать.

Сет рассмеялся:

— Это уже какое-то неприкрытое гейство, чувак.

— «Чува-ак», — передразнил Гудмунд. — Хватит косить под англичанина.

— Я и есть англичанин.

— Когда тебе самому удобно.

Гудмунд повернулся обратно к океану. Они стояли на утесе над обрывом, в десяти — двенадцати метрах внизу волны грохотали о камни. Ощутимо укоротившийся день подсказывал, что лету скоро конец и близится учебный год.

Но не завтра. Время еще есть.

— Вот, например, посмотри, — показал Гудмунд.

Солнце, разрезанное пополам горизонтом, золотилось неправомерно ярко, напоминая огромный шар карамельного мороженого, тающий на асфальте. Небо разливало перед Сетом и Гудмундом пурпур и лазурь, где утопали перламутровые раковины облаков.

— Вот перед тобой зачуханный пляжик, — объяснил Гудмунд, — все эти щербатые скалы, бурное море, в котором не поплаваешь, и пикник здесь устроить негде, потому что ветер сдует все твои аккуратные бутербродики, да и всех родных и знакомых сдует, если не привязать веревкой. Но ты поворачиваешься в другую сторону, к океану. И там — она.

— Красота, — произнес Сет. Смотрел он не на закат, а на профиль Гудмунда, подсвеченный заходящим солнцем.

На утесе были и другие люди, пришедшие насладиться остатками лета и полюбоваться закатом, но сейчас Сет с Гудмундом стояли у обрыва одни, остальные бродили в отдалении и не примазывались к зрелищу.

— Гудмунд... — начал Сет.

— Не знаю. Правда, не знаю, Сетти. Но у нас есть настоящее, а у многих и того нет. Будущее как-нибудь само устаканиется.

Он протянул Сету руку. Сет взял ее не сразу, сперва оглянулся, не смотрит ли кто.

— Трус! — поддел Гудмунд.

Сет забрал его ладонь в свою.

— У нас есть настоящее, — повторил Гудмунд. — У меня есть ты. И больше мне ничего не нужно.

Не разнимая рук, они смотрели, как садится солнце...

— Еще что-нибудь можешь сообщить? — спросила офицер Рашади тем мягким, но не сюсюкающим голосом, которым она разговаривала с Сетом — так непохоже на остальных полицейских.

— Он был невысокий... — Сет понимал, что повторяется. Ему просто не хотелось отпускать офицера Рашади, не хотелось заканчивать беседу, потому что в кои-то веки за последние дни с ним кто-то общался.

Рашади улыбнулась:

— По идее, да. Но я посмотрела его рост в личном деле — я на пять сантиметров ниже, а меня почему-то коротышкой не называют.

— Вы совсем не коротышка, — сказал Сет, переплетая пальцы.

— Спасибо за комплимент. Но ты не волнуйся. Он нас не обхитрит. Даже коротышки не могут прятаться вечно.

— Он сделает что-нибудь Оуэну? — выпалил Сет. Тоже не в первый раз.

Офицер Рашади положила блокнот на стол и накрыла обложку ладонями:

— Мы думаем, он прикрывается твоим братом, чтобы его самого не тронули. И тогда он знает: если хоть волосок упадет с головы малыша, ему самому не поздоровится.

— Значит, он должен Оуэна беречь?

— Именно.

Они помолчали.

— Спасибо тебе, Сет, — наконец нарушила молчание Рашади. — Ты нам очень, очень помог. Теперь я пойду посмотрю, как там твои родители...

Они разом обернулись на резкий стук распахнувшейся входной двери. В гостиную вбежал полицейский, и Рашади вскочила на ноги.

— Что такое? — донесся до Сета мамин голос сверху. Она почти не спускалась с чердака, неотлучно сидя у вещей Оуэна. — Что случилось? Неужели...

Но полицейскому нужна была только Рашади.

— Они нашли его, — сообщил полицейский. — Нашли Валентина...

Телефон Гудмунда не отвечал. Гудки, гудки, гудки. На второй попытке сразу переключился на автоответчик.

Сет схватил куртку. После сделанного Моникой признания он просто должен увидеться с Гудмундом. Сию секунду. Во всем мире нет ничего более неотложного. Нужно найти его. Срочно. Сет сбежал вниз, в гостиную, перепрыгивая через ступеньку. Оклик отца из строящейся кухни поймал его уже на пороге:

— Сет?

Сет рванул дверь на себя, но отец позвал его снова, на этот раз не терпящим возражений тоном:

— Сет!

— Пап, мне нужно бежать!

Он все-таки обернулся — и замер. Отец стоял в кухонном проеме, запорошенный древесной пылью, и как-то растерянно смотрел на зажатый в руке мобильный.

— Директор школы звонил. — В папином голосе слышалось замешательство. — В субботу. Днем.

— Пап, мне правда очень срочно...

— Сказал, что его дочери прислали твою фотографию. — Отец снова глянул на телефон. — Вот эту.

Он продемонстрировал экран.

Наступила тишина. Сет оцепенел, отец, кажется, тоже. Застыл с мобильным в руке и немым вопросом во взгляде.

— Он не ругался, ничего, — наконец произнес отец, медленно разворачивая телефон к себе и рассматривая снимок. — Сказал, что ты хороший мальчик. Что кто-то явно хотел тебя подставить, и в понедельник тебе может прийтись нелегко. И что нам, наверное, следует знать. Чтобы помочь.

Он умолк, но с места не двинулся.

На глаза Сета навернулись слезы. Злясь сам на себя, он попытался их сморгнуть, но парочка все равно скатилась по щекам.

— Пап, пожалуйста. Мне нужно бежать. Я должен...

— Найти Гудмунда, — закончил за него отец.

Не спрашивая, просто констатируя.

Сет почувствовал себя в западне. Влип так, как еще не влипал; хуже, чем в тот день, когда в окно кухни их английского дома постучал человек в комбинезоне. Мир остановился тогда... и остановился сейчас. И Сет не знал, когда он теперь придет в движение.

— Прости, сын, — сказал отец.

На короткий, рвущий сердце миг Сету показалось, будто папа сейчас скажет, что никуда его не пустит...

— Мне жаль, что ты не смог прийти с этим к нам. — Отец снова посмотрел на телефон, на фотографию Сета и Гудмун-

да, недвусмысленно говорившую любому случайному зрителю, что у них все серьезно. — Ты не представляешь, как мне жаль... — К удивлению Сета, голос отца дрогнул. — Тебе есть за что на нас обижаться. Прости.

Сет сглотнул комок в горле:

— Пап...

— Знаю. Беги. Найди его. После поговорим. Мама не обрадуется, но...

Сет помедлил секунду, не веря своим ушам, однако времени терять было нельзя. Распахнув дверь, он выскочил на холод и побежал к Гудмунду.

И снова было лето, несколько месяцев назад, и Гудмунд улыбался ему на краю обрыва, а закатное солнце золотило его профиль.

— Красота всегда найдется, — сказал он. — Если знать, где искать.

А потом все поглотила яркая белая вспышка...

50

Жгучая боль сдавливает голову, словно огненные тиски, отсекая остальные ощущения. С такой болью не живут — ясно, что она испепеляет все вокруг. В ушах звучит далекий вопль, и Сет не сразу понимает, что вопль вырывается из его собственного рта...

— Я не знаю, что еще сделать! — раздается голос.

— Выключи, и все! — кричит другой голос. — Все целиком выключи!

— КАК?

Руки, которые, оказывается, его держат, опускают его на пол, но боль заполняет собой каждую клеточку, каждую мысль, и он не может сдержать вопль...

— Как же он орет! Словно его режут...

— Вот! Вот это жми! Что-нибудь жми уже!

Резко, словно от прыжка с обрыва, боль прекращается. Сета рвет на гладкий бетонный пол, и он лежит мешком, по щекам текут слезы, горло саднит, воздуха не хватает.

Его снова подхватывают чьи-то руки.

Маленькие руки. Над ухом звучит жаркая молитва на неизвестном языке — на польском, ясное дело, на каком же еще.

— Томаш? — хрипит Сет.

Две коротенькие руки стискивают его в крепчайшем объятии. В глазах все плывет, только проморгавшись, он наконец различает склоненное над ним лицо Реджины.

Оно пепельно-бледное, и даже сквозь дурман Сет видит написанный на нем ужас.

— Можешь встать? — спрашивает Реджина звенящим от напряжения голосом.

— Встаем, мистер Сет, — уговаривает Томаш, и они вдвоем пытаются его поднять.

Ноги подкашиваются, приходится чуть ли не волоком тащить его к выходу.

— Нужно бежать, — твердит Томаш. — Бежим быстрее!

— Как... — шепчет Сет, пока они затаскивают его на приступку, потом в тамбур, но больше не может выдавить ни слова.

Мысли ускользают, в голове столпотворение — картинки валятся лавиной, обрушаются волной, готовой его потопить. Он видит Томаша и Реджину, и одновременно Гудмунда на обрыве, папу, самого себя в детстве, когда искали Оуэ-

на, — и все это крутится вихрем перед глазами, даже когда он их закрывает.

— Я догадался, что ты не выполнишь обещания, — объясняет Томаш, таща его по лестнице. — А Реджина действовала нечестно.

— Но мы же за ним вернулись, — огрызается Реджина.

— В последний момент!

— Опять... — слышит Сет свой голос, хотя в голове такой сумбур, что он не уверен, на самом ли деле произнес это вслух.

Получается, что да.

— Правильно, — бурчит Реджина, выволакивая Сета на следующий лестничный пролет и подпихивая их с Томашем обоих к выходу. — Нас ведь здесь на самом деле нет. Никого. Это все тебе лишь мерещится.

— Меньше слов, больше делов! — командует Томаш. — Убыстряйтесь!

Они добираются до двери и выводят Сета наружу. Стоит моргнуть, и перед ним встают картинки из воспоминаний, такие живые и отчетливые, словно он просто переключается между этим миром и тем. Оуэн, Гудмунд, Моника, Эйч, океан, дом в Англии, дом в Америке. Все вертится и мельтешит с такой скоростью, что снова подступает тошнота, и, когда Сета укладывают на крыльце тюрьмы, его опять рвет.

— Что... происходит? — выдыхает он. — Я не могу... Мир рушится...

Сквозь свистопляску перед глазами он успевает заметить, как Реджина с Томашем тревожно переглядываются ...

Томаш в панике смотрит вверх:

— Реджина?

По лицу Реджины пробегает тень ужаса...

Но Сет моргает снова, потом еще раз, и накатывает воспоминание — как он сидит за столом с офицером Рашиди и вбегает другой полицейский, крича, что они нашли его, нашли Валентина...

Глаза Сета распахиваются.

Вот оно там, то, чего ему не хватало. То, за что можно уцепиться. Волна воспоминаний на долю секунды отхлынула...

Сет смотрит по сторонам. Он обмяк на руках у Реджины, они с Томашем опять пытаются его поднять, но та штука, та важная штука крутится на кончике языка...

— Валентин, — выпаливает Сет.

Реджина с Томашем замирают на секунду:

— Что?

— Валентин, — повторяет Сет, крепче вцепляясь в руки Реджины. — Его звали Валентин! Того, кто похитил Оуэна! Того, кто...

— Сет, ты не слышишь? — кричит Реджина.

Сет умолкает. И прислушивается.

Шум двигателя.

Близко, и нарастает с такой скоростью, что им точно не убежать.

Томаш опрометью кидается через площадку туда, где свалены два велосипеда. Сет в панике порывается сделать то же самое, однако ноги не держат совсем, и Реджине приходится ухватить его, чтобы он не упал.

— Нет, в таком состоянии мы с тобой не убежим, — бормочет она, озираясь в поисках укрытия.

— Но Томаш...

Томаш, вместо того чтобы поднять велосипед, лихорадочно копается в ранце на багажнике и что-то там разворачивает.

— Давай же! — пыхтит Реджина, выволакивая Сета к центральному из обрамляющих площадку зданий.

Двигатель ревет уже почти над ухом, свет фар разгоняет темноту за углом корпуса, из которого они втроем только что выбрались...

— Реджина! — кричит он.

— Вижу! — отвечает она.

Томаш несется обратно к ним через площадку, в руках у него что-то длинное, металлическое, не разберешь в лунном свете. Сет моргает, пытаясь приспособиться к освещению...

...они с Гудмундом лежат на кровати, Гудмунд поднимает телефон в руке и фотографирует их вдвоем, навсегда запечатлевая интимный момент...

— Реджина? Реджина, похоже...

— Томми, нет! — вопит она.

Сет присматривается сквозь рябь в глазах. Томаш все еще бежит через площадку, на ходу возясь с тем, что у него в руках...

И тут Сету наконец удается разглядеть, что это: неправдоподобное, Томашу совершенно не положенное.

Дробовик.

Почти с самого Томаша длиной.

— Сзади! — кричит ему Сет.

За спиной мальчишки с ревом выплывает из-за угла на площадку черный фургон.

Прямо на Томаша, бегущего через...

— Нет! — вырывается у Реджины и Сета хором.

— Бегите! — вопит им Томаш.

Фургон вклинивается между ними, взвизгнув колесами на бетоне, и прямо на ходу...

Открывается дверь.
Водитель выскакивает...
И с невероятной скоростью летит на Томаша.
— Томми! — звенит в ушах крик Реджины.
Она срывается к Томашу.
Но ей никак не успеть...
Водитель взмахивает дубинкой, рассыпая искры, готовясь
ударить...
Томаш неуклюже наставляет на него дробовик...
— НЕТ! — кричит Реджина.
И Томаш нажимает спусковой крючок.

51

От грохота закладывает уши, а вспышек почему-то две: одна из дула, нацеленного в грудь Водителя, другая — от самого дробовика, взорвавшегося в руках Томаша.

Сквозь белый дым видно две разлетающиеся в разные стороны фигуры. Водитель черной торпедой врезается в фургон, чуть не срывая с петель открытую дверцу, и обрушивается на землю...

Вопящего Томаша отбрасывает спиной вперед в облаке осколков дробовика и клочьев дыма, и он кубарем катится по твердому бетону.

— ТОММИ! — Реджина с криком кидается к нему.

Сет подается за ней, хотя ноги подкашиваются. Он огибает фургон спереди, мельком цепляя взглядом неподвижную темную фигуру на земле. Реджина уже плюхается на колени рядом с Томашем.

«Нет, — твердит Сет про себя. — Пожалуйста, нет...»

Но тут до него доносится слабое покашливание.

— Слава богу, — шепчет Реджина. Сет опускается рядом. — Слава богу!

— Moje ręce, — тоненьким голоском произносит Томаш. — Moje ręce są krwawienia*.

Он показывает руки. Даже в полумраке видно, как они обгорели, с запястий свисают лохмотья содранной кожи и капает кровь.

— Томми, Томми! — Реджина сжимает мальчишку в объятиях так крепко, что тот взвизгивает. Тогда она отпускает его и начинает кричать: — ТЫ, ИДИОТ! Я ЖЕ ГОВОРИЛА, ЧТО ЭТО СЛИШКОМ ОПАСНО!

— Он был на крайний случай, — стонет Томаш. — Крайний случай настал.

Сет смотрит поверх Реджининого плеча. Расколовшийся надвое ствол дробовика валяется в зарослях, деревянный приклад раскидан дымящимися головешками по всей площадке...

…полицейский, вбежавший в гостиную, говорит: «Они нашли Валентина»…

Простонав сквозь зубы, Сет гонит видение прочь, поворачиваясь обратно к Реджине и Томашу. Девочка сняла куртку и, оторвав рукав, заматывает им предплечье Томаша.

— Где вы добыли дробовик? — спрашивает Сет слегка заплатающимся языком. События замедлились, и голова снова начала кружиться.

— На чердаке соседнего дома, — отвечает Реджина, перевязывая вторую руку Томашу, который похныкивает от боли. — Но по нему видно было, что он сломан и опасен, а значит, мы им никогда не воспользуемся.

* У меня все руки в крови (польск.).

— Повторяю, — выдавливает Томаш. — Крайний случай. Без надежды.

— Ты же мог погибнуть, ты, мелкий... — Голос Реджини срывается, в глазах злые слезы. В яростном взгляде, обращенном к Сету, предостережение: «Только пикни!» Но лицо ее тут же меняется. — Ты как там?

Сет морщится — воспоминания все еще толпятся, все еще крутятся в голове.

— Он собирался меня убить, — говорит Томаш, оглядываясь на фургон. — Убить маленького Томаша. Но я убил его первым, да?

Они все смотрят на Водителя. В груди комбинезона глубокая дыра от выпущенного почти в упор заряда.

— Валентин... — шепчет Сет, стараясь удержать имя в памяти.

— Тебя заклинило? — спрашивает Реджина.

Он смотрит на нее, скривившись от боли.

— Серьезно, ты как там?

— Не знаю. — Сет снова пытается встать.

— Ты сказал, так звали человека, — Томаш тоже встает, неуклюже, не опираясь на раненые руки, — который забрал какого-то Оуэна?

— Моего брата.

Томаш издает понимающее «а-а-а».

Воспоминания не отпускают, затягивают, будто воронка вихря, стискивают, захлестывают, будто что-то от него хотят.

— Валентин... — шепчет он снова.

— Ну, да, — мягко произносит Реджина. — Валентин. Мы поняли. — Она поворачивается к Томашу: — Еще где-нибудь болит?

— В груди чуть-чуть, — говорит мальчишка, показывая забинтованными руками, куда пришла отдача от дробовика. — Но не сильно.

— На велосипеде он не удержится, — говорит Реджина Сету. — Придется тебе его везти. Сможешь?

— Думаю, да, — рассеянно кивает Сет.

Валентин — почти наверняка тот самый заключенный, который похитил Оуэна. То самое имя, которое Сет, хоть убей, не мог вспомнить дома, как ни силился.

Пока не случилось то, что случилось там, среди гробов.

Но это еще не все...

Воспоминания галдят громче, обступают со всех сторон.

— Валентин... — шепчет он опять.

— Дома мы вас уложим в кровать, — обещает Реджина. — Обоих. — Она оборачивается к фургону: — Но сперва...

Она подкрадывается к лежащему на земле Водителю.

— Что ты делаешь? — испуганно кричит Томаш.

— Убеждаюсь, что он мертв. — Реджина ступает медленно, осторожно, готовая в любой момент сорваться с места.

Сет смотрит на нее, но почти не видит — перед глазами снова берег, море, холод...

Полиция, Оуэн, Валентин...

Моника, Гудмунд, Эйч...

Цунами накатывает снова, подминает его под себя, топит...

— По-моему, плохая мысль, — пытается остановить Реджину Томаш, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Где-то тут, вот прямо тут, под волной нахлынувших картинок...

— Я рискну, авось одной гадостью в мире станет меньше, — отвечает Реджина.

— Сет? — зовет Томаш. — Реджина, с Сетом что-то совсем нехорошо.

Девочка поворачивается на обеспокоенный голос Томаша. Сет сжимает ладонями виски, словно голова сейчас взорвется.

— Нет, — бормочет он. — Нет, нет.

Поток воспоминаний хлещет, словно водопад, картины застят глаза, толпятся, накрывают с головой, тянут на дно...

Но он еще пока различает что-то сквозь них, хотя все слабее и слабее...

Что-то нехорошее...

Движение...

За спиной Реджины, зашевелившись, начинает подниматься Водитель.

52

Томаш в испуге что-то кричит по-польски. Перевода не требуется. Реджина резко оборачивается к Водителю.

— Велики! — Вопль Томаша сливаются с визгом Реджины.

Девочка хватает Сета за руку, увлекая за собой, но тот, как под гипнозом, смотрит на Водителя, который медленно приподнимается.

И плавно встает.

— Не тормози! — Реджина дергает Сета с такой силой, что чуть на землю не роняет.

И он бежит, то есть в основном старается вовремя представлять ноги, чтобы не упасть. Томаш уже у велосипедов, но поднять их израненными руками не может. Реджина подбирает велик и практически швыряет Сету. Он машинально ло-

вит руль, Томаш карабкается на багажник, обхватывая Сета перевязанными руками.

Сет в последний раз оглядывается на Водителя.

Тот стоит у фургона, локтем опираясь на помятую дверь. Смотрит на них через безликий визор шлема, бликующий в лунном свете.

В груди зияет огромная дыра.

«Как? — пробивается изумленный вопрос сквозь кутерьму в голове. — Как?!»

Но они уже катят прочь, со всей скоростью, которую способны выжать немеющие ноги Сета. Реджина вылетает с площадки первой, Сет изо всех сил старается не отставать и не свалиться.

— Только не падай, — слышит он мольбу Томаша за спиной. — Не падай, не падай.

Сет сосредоточивает перегруженный мозг на одной единственной задаче — удержать равновесие. Боль в стиснутых Томашем боках совсем некстати, но Сету все-таки удается вслед за Реджиной обогнать первый корпус. Напрягая слух, он ловит шум двигателя — тот гудит мерно, не ускоряясь и не нарастая. Похоже, Водитель в погоню не торопится.

«По крайней мере, на грузовике, — поправляет сам себя Сет. — Мало ли, может, он бегает быстро?»

Он сильнее жмет на педали.

Реджина впереди с усилием катит вверх по заросшей бетонной дорожке. «Жми! — приказывает себе Сет. — Вперед, вперед, вперед, крути, крути, крути, ну же, ну же, ну!»

— Молодец, хорошо едешь, — подбадривает его Томаш, словно заглянув в бурлящие мысли.

— Тяжеловато, — признается Сет, давя на педали. Пот заливает глаза. — Выпадаю...

«Выпадаю откуда? — думает он. — Из сознания? Из этого мира?»

Он боится моргнуть и впустить то, что мгновенно возникает под сомкнутыми веками. Даже в открытых глазах постоянно мельтешат призрачные тени, один мир наслаждается на другой; все, кого он когда-то знал и любил, увязываются следом в этой отчаянной гонке...

— Он за нами не едет! — кричит Томаш Реджине.

— Как он еще жив? — откликается она. — Как он вообще взял и встал?

— Броня? — высказывает догадку Томаш, но Реджина качает головой, и Сет понимает, о чем она. Простым бронежилетом или формой тут и не пахнет, это что-то куда более кошмарное. От такой дырищи в груди одеждой не спасешься.

Водитель должен был умереть. Остаться лежать там навсегда.

А он вот взял и поднялся...

Одну за другой они проскаивают бреши в оградах — до самой груды битого кирпича у железной дороги, где еще горит прожектор. Дальше проезда нет, и Реджина, притормозив, перетаскивает велик через осыпавшуюся кирпичную кладку.

Сет с Томашем следуют ее примеру, соскочив на землю. Сет хватает велосипед за раму, вскidyвает...

И мир пустеет.

Звуки, шумы, воспоминания, картинки накрывают Сета, словно лавина.

Он вскрикивает придушенно, велосипед выскользывает из рук, брякается на кирпичи, и колесо сминается «восьмеркой».

— Сет! — в ужасе взвизгивает Томаш, склоняясь над великом. — Может, получится распрямить? Ау?

Он оглядывается на Сета — и умолкает. Потому что Сет застыл, словно статуя, в той же позе, в которой выронил велика.

Он видит Томаша, видит велосипед, видит спешащую к нему Реджину.

Но и всё остальное тоже видит.

Всё.

Ничего с этим не поделать.

Голова переполнена теснящимися образами, с которыми он не в силах совладать, и они парализуют, не давая даже двинуться...

Всё. Там всё.

— Что происходит? — В ушах эхом звенит далекий голос Реджины, словно через три комнаты.

— Его заклинило, — распахнув от изумления глаза, сообщает Томаш.

Реджина подходит к Сету:

— Сет, ты тут? Слышишь меня?

Отголосок ее слов разносится над бескрайним простором событий всей Сетовой жизни, и, пока у него сложится ответ, пройдет слишком много времени, он попросту не успеет объяснить...

Он слишком далеко. Так далеко, что до них теперь не дотянуть...

И тут Реджина берет его за руку.

Сжимает в ладонях, крепко-крепко, но довольно ласково:

— Сет! Где бы ты ни был, ничего страшного. Ты вернешься. То, что с тобой там происходит, в этом твоем мире, происходит не всегда, так будет не всегда. Это не конец. Всегда есть что-то еще. Неважно, где ты и что там видишь, мы по-прежнему здесь, с тобой. Я и Томми.

Сет хочет ответить, но его будто прокручивают на замедленном повторе. Мысли так переполнены, что места для действий и слов просто нет.

— Да, — подтверждает Томаш. Он осторожно берет другую руку Сета в свою, замотанную в рукава от Реджининой куртки. — Мы здесь, мистер Сет. Мы тебя не бросим. Мы тебя найдем. — Лицо его внезапно озаряется улыбкой. — Как сейчас, в побеге века! Даже отстреливаться пришлось!

Реджина шикает на него, но продолжает вглядываться Сету в глаза:

— Скажи нам, где ты, Сет. Скажи, и мы тебя вытащим.

Сет чувствует руки Томаша и Реджины, теплые и крепкие, чувствует волнение Томаша даже через повязку, и стук их сердец, кажется, чувствует, хотя что там у Томаша уловишь...

И все равно он чувствует что-то подлинное...

(Да?)

(Да.)

Чувствует, что возвращается...

Вокруг все еще бушует водоворот, круговертъ, торнадо...

Но уже близится затишье.

Едва заметное.

И все же.

Он поднимает глаза к луне, окидывает взглядом тюремную территорию, слушает тишину на склоне — никакие Во-

дители из мрака не вываливаются, никакие двигатели не ревут, хотя в голове по-прежнему бьется мысль, что нужно бежать, нужно выбираться отсюда, но...

Но Реджина с Томашем тоже тут.

И он рассказывает.

Рассказывает им, что произошло...

— Я вспомнил. Я, кажется, все вспомнил.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

53

— Все? — переспрашивает Томаш. — В каком смысле, все?

— Оно все где-то здесь, в памяти, — поясняет Сет. — Все, что случилось. Зачем мы здесь. Как мы сюда попали. — Он морщит лоб. — Но стоит присмотреться пристальнее, и оно ускользает. — Сет протягивает руку, словно пытаясь ухватить мысль за хвост. — Оно просто...

— Нужно добраться до дома, Сет, — говорит Реджина, не дождавшись продолжения. — Расскажешь, когда будем в безопасности.

Томаш горестно смотрит на покореженное колесо:

— На этом уже не поедешь.

— Бежать можешь? — спрашивает Реджина Сета.

— Наверное.

— Тогда вперед.

Она устремляется по кирпичному пандусу вдоль путей. Парни бегут следом — Сет справляется сносно, лучше, чем сам ожидал; Томаш то и дело оглядывается проверить, как он там.

— Беги, — велит Сет. — Я никуда не денусь.

— Ты это уже обещал, — напоминает Томаш. — И не выполнил обещания.

— Прости. Мне, правда, очень жаль.

— Все извинения позже, — обрывает их Реджина. Она тяжело пыхтит, Сет с Томашем без труда ее нагоняют. — Чертова сигареты.

— А еще, — вставляет Томаш, — лишний вес.

Реджина дает ему подзатыльник, но все же слегка прибавляет скорость. Они добираются до станции. Водителя пока не видно и не слышно. Преодолев платформу, они выскакивают с противоположной стороны, а потом сбегают по лестнице между домами. Вместо того чтобы повернуть к дому Сета, они берут курс на север, по плотно застроенным улицам. На невесть каком по счету повороте Реджина затачивает их в засаженный деревьями двор — передохнуть в укрытии.

Они прислушиваются, тяжело дыша. Все окутано ночной тишиной. Никаких шагов, не слышно даже шума двигателя, который они обязательно уловили бы с любого расстояния.

— Может, мы действительно его уокошили... — надеется Реджина.

— Тогда как он поднялся? — недоумевает Томаш. — Я его застрелил. Из ружья.

— И сам чуть не убился при этом.

— Это сейчас неважно, хотя спасибо я до сих пор не до-ждался. Я застрелил его с одного метра. А он взял и ожил?

— Не знаю... — Реджина, хмурясь, смотрит на Сета: — Ты у нас вроде «вспомнил все». Что скажешь?

— Ничего. — Сет мотает головой. — Все в кучу. Никак не рассортировать, и еще...

Он умолкает, потому что стоит задуматься, и его снова за-сосет трясина воспоминаний. В ней растворена вся его жизнь, но никакой возможности что-то отфильтровать. Словно миллионы инструментов играют одновременно миллион разных песен в голове, и ничего из этой какофонии не вытянешь. Сет хватается за то единственное, в чем нет сомнений.

— Мне нужно найти брата. Этим и займусь.

— Он здесь? — спрашивает Томаш.

— Похоже. Я как будто чувствую, что он где-то тут. Один, без присмотра. А если он проснется, а рядом никого...

Глаза Сета наполняются слезами, Реджина с Томашем смотрят на него настороженно.

— Понимаю, — говорит Реджина. — Но лучше дождаться утра. Этот недобитый может рыскать где угодно.

Сет вглядывается в долгую темную ночь. Голова словно чугунная от мыслей и воспоминаний, даже с Реджиной и Томашем говорить трудно, трудно удерживаться в настоящем. Все отгадки где-то там, сомнений быть не может, просто пока никак не разобраться...

— Сет? — тормошит его Реджина.

— Ага, — почти машинально откликается он. — Я подожду. Нужно отдохнуть. Я едва стою...

— Я не об этом.

Она отворачивает воротник его футболки.

— Ты мигаешь, мистер Сет, — говорит Томаш.

— Что? — переспрашивает Сет, дотрагиваясь до ямки на затылке.

— Вот.

Реджина подводит его к окну дома. Грязное, но даже на фоне грязи в отражении видно мигающий синий огонек под кожей.

— Синий, — растерянно бормочет Сет. — Не зеленый.

— То есть? — уточняет Реджина. — А какой должен быть?

— Не знаю.

Реджина вздыхает:

— Так бы сразу и говорил: «Помню все, но толку — ноль».

— Я открыл гроб. Там был человек, весь в бинтах и трубках.

У него мигал зеленый огонек в том же самом месте, что у меня.

— Когда мы тебя нашли, — вспоминает Томаш, — на экране было написано: «Узел активируется». Может, синий означает, что ты не до конца активировался? Поэтому ты так кричал?

— Ага, — соглашается Реджина. — Но что тогда значит активация? — Она смотрит на Сета. — Сейчас угадаю. Ты не помнишь.

— Я же объяснил...

Она обрывает его жестом, недовольно хмурясь:

— Мне это не нравится.

— Что не нравится?

— Непонятки.

— И чем они отличаются от прежних?

— Белых пятен прибавилось.

Томаш смотрит озадаченно, пытаясь увидеть у Реджиной хоть одно белое пятно.

— Пойдем уже к нам, — решает Реджина. — В доме мне будет спокойнее.

— Далековато, — мрачнеет Томаш.

— Тогда пошевеливаемся.

Они крадутся по тротуару, смотря в оба, следя шаг в шаг за Реджиной, которая заворачивает на одну улицу, потом на другую.

— Морг-морг, — приговаривает Томаш, не сводя глаз с шеи Сета. — Морг-морг.

— Ну, совсем не раздражает, совершенно, — язвит Реджина.

— Пытаюсь понять, есть ли ритм, — объясняет Томаш.

— И как, есть? — интересуется Сет.

— Да. Морг-морг, морг-морг... А вот что он означает, вопрос, наверное, не ко мне.

Реджина идет впереди, показывая дорогу, но не давая себя догнать.

— Она на тебя злится, — говорит Томаш.

— Тоже мне новости, — пожимает плечами Сет.

— Нет, я имею в виду за тогдашнее. Сейчас мы ни от кого не бежим, вот она и вспоминает. Она не хотела, чтобы ты от нас уходил. Сказала, ты вправе поступать как знаешь, но я-то видел — она не хотела тебя отпускать. — Мальчишка заглядывает Сету в лицо. — Я тоже не хотел. И я тоже на тебя злюсь.

— Прости. Но мне нужно было посмотреть. Узнать. — Он смотрит сверху на Томаша. — Спасибо, что вернулись за мной.

— А... вот наконец и спасибо! — с неожиданной обидой выпаливает Томаш. — Не прошло и полгода.

— Как вы меня отыскали?

— Я почувствовал неладное. — Томаш хмурится Реджине в спину. — Она странно себя вела, пропала в трех соснах.

— Пропала в трех соснах?

— А еще поднадоело, что все смеются над моими ошибками, — бормочет Томаш себе под нос. — Наверное, я перепутал. Как это называется? Рассеянная. Она была рассеянная.

Сет выуживает из круговерти в голове нужное выражение:

— В облаках витала?

— Да! Точно. Витала в облаках.

— Действительно, разницы никакой.

— Опять ты смеешься! — обижается Томаш. — А я тебе жизнь спас. Снова. Но ты же у нас великий знаток польских поговорок. Давай, похвастайся. Будет весело. Продемонстрируй глубочайшие познания польского и цветастых выражений для описания чувствов!

— Где тебя английскому учили? В пятидесятых?
— ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ! — почти кричит Томаш. — Реджина была рассеянной. Я выясняю почему. Говорю, что мы идем тебя спасать. Она говорит, нет, ты этого не просил. Я говорю, какая разница, что мистер Сет просил, мистер Сет не понимает, в какой он опасности. Я говорю, берем ружье и едем. — Он снова смотрит Реджине в спину. — На это были возражения.

— И не зря, — говорит Реджина не оборачиваясь. — Ты мог погибнуть.

— А я вот он, живой, — упрямится Томаш. — Извини, в ружьях я разбираюсь получше тебя.

— Не намного. Кому тут чуть руки не оторвало?

— А кто остановил Водителя? — Томаш в сердцах всплескивает обеими забинтованными культиами. — Почему Томаша никто не принимает всерьез? Почему ему никто не скажет спасибо за гениальные идеи? Я уже дважды тебя спасал от верной смерти, но нет, я по-прежнему маленький клоун Томми, который так смешно говорит по-английски, ходит растрепанный и вечно куда-то лезет.

Они останавливаются, изумленные этой вспышкой.

— Ты смотри, — присвистывает Реджина. — Кому-то нужно поспать.

Томаш, сердито сверкнув глазами, разражается длинной яростной тирадой на польском.

— Я же извинился, — говорит Сет. — Томаш...

— Не понимаю! — кричит Томаш. — Я тоже тут один! Вы считаете, раз вы старше, значит, умнее и чувствуете глубже. Ничего подобного! Я тоже чувствую. Если я потеряю тебя или тебя, то снова останусь один, а я так не хочу! И не буду!

Он начинает плакать, но Сет с Реджиной, видя, что ему и самому за себя стыдно, не торопятся успокаивать.

— Томми... — начинает Реджина.

— Томаш! — рявкает он.

— Ты же разрешил мне звать тебя Томашем.

— Только когда ты хорошая. — Он вытирает глаза и что-то бормочет про себя. — Ты совсем не знаешь Томаша. Совсем.

— Мы знаем, что тебя ударило молнией, — подключается Сет.

Томаш поднимает на него глаза, в которых читается что-то непонятное. Недоверие, опаска (дразнится Сет или как?), но еще почему-то страх. И боль. Словно ему пришлось пережить этот удар заново.

— Я не дразнюсь, — уверяет Сет. — Я понимаю, что такое — быть совсем одному. Еще как понимаю.

— Да? — почти с вызовом спрашивает Томаш.

— Да. Правда-правда.

Он протягивает руку, чтобы примирительно положить ее Томашу на плечо, и, когда тот подныривает под ладонь, пальцы Сета задеваются точкой у основания Томашева черепа...

Которая вдруг вспыхивает от прикосновения...

И мир пропадает.

54

Темное тесное пространство. Тут есть другие люди, сколько — непонятно, сдавлены как сельди в бочке, чувствуется кислое дыхание и запах тел. Запах страха.

Голоса приглушенные, но тараторят лихорадочно. И непонятно...

Хотя нет, понятно. Это не английский, но ясно все, до единого слова.

— Мы пропали, — произносит над ухом женский голос. — Нас всех убьют.

— Им заплатят, — возражает другая женщина. Настойчиво, успокаивая первую, но чувствуется, что ей самой страшно. — Деньги придут. Больше им ничего не надо. А деньги придут...

— Даже если придут, это ничего не изменит, — говорит первая, и вокруг поднимается взволнованный ропот. — Нас убьют! Нас...

— Заткнись! — рявкает еще один голос, прямо за спиной. Он принадлежит женщине, которая крепко прижимает его к себе. — Заткнись, или я тебя сама заткну!

Первая умолкает, сраженная свирепым окриком, и тут же принимается рыдать — неизвестно еще, что хуже.

— Не слушай ее, пуделек, — шепчет в ухо голос сзади. — Все идет так, как задумано, бояться нечего. Просто маленькая заминка. И только. Скоро начнется новая жизнь. Ух, как мы с тобой заживем!

Он отвечает. Голос не его, слова не его, но произносит их он:

— Я не боюсь, мам.

— Знаю, пуделек.

Она целует его в затылок, и он понимает, что заодно она успокаивает и себя. Но он действительно не боится. Сюда ведь они добрались, значит, доберутся и дальше.

— Покажи, как ты говоришь по-английски, — шепчет мама. — Твой английский будет для нас пропуском в новую жизнь.

И он вспоминает. Как у них не хватало денег на курсы, но мама приносила домой фильм за фильмом — не скачанные на

компьютер, как в школе, и даже не на дисках, а на видеокассетах, которые проигрывались на здоровенной бандуре, перемотанной скотчем. Черно-белые или цветные, но все равно старые. Фильмы на английском, на языке, который то рвался вперед, на раздолье, то сворачивался кольцом, загоняя себя в узкие щели. Они с мамой играли, пытаясь разобрать слова по субтитрам.

Учителя всегда называли его смышенным, даже, бывало, вундеркиндом, и мало-помалу дело пошло. Почернutoе с кассет он практиковал на тех редких англоязычных туристах, которых заносило к ним в глухомань. И даже пробовал читать ветхие англоязычные романы, сданные кем-то в местную библиотеку.

Он надеется, что его знаний хватит. Они здесь. Они пересекли границу. Они дошли почти до конца. Он очень, очень надеется не ударить в грязь лицом.

— «Потерю одного из родителей, мистер Уортинг, — цитирует он маме из фильма, напрягая память, — еще можно счастье несчастным случаем. Но потерять обоих — безалаберность».

— Молодец, молодец, пуделек! — хвалит мама, хотя понимает, дай бог, через два слова на третью. — Давай еще.

— «Я окажу ему предложение, от которого он не сможет показаться».

— Да, солнышко.

— «Господи, я мужчина! — У каждого свои недостатки».

По ушам вдруг бьет дружный женский вскрик — и он вспоминает, что вокруг одни женщины и несколько детей примерно его возраста. Лязгает засов, массивная стальная дверь начинает с грохотом открываться. Облегченный вздох приветствует

вует более дружелюбного из тех двоих, которые их сюда привезли. Того, который с добродушной улыбкой и грустными глазами рассказывал о собственных детях.

— Видите? — говорит мама, выпрямляясь вместе с ним. — Несколько слов, и мир меняется.

Но тут женщины снова срываются в крик, потому что в руках добрый человек держит ружье...

55

Чья-то рука с силой толкает Сета в грудь — Реджинина, судя по немалому весу. Сет валится на перемазанный грязью тротуар. Рядом с Реджиной стоит Томаш, и теперь он смотрит на Сета сверху.

— Что ты сделал? — спрашивает Томаш в ужасе. — Что ты со мной сделал?

— Co się stało?* — откликается Сет.

По-польски.

— Что? — не понимает Реджина.

— Что?! — Томаш подскакивает ближе. — Что ты сказал?

Сет садится, качая головой. Он чувствует запах страха в битком набитой каморке; чувствует, как давят обступившие со всех сторон женщины; чувствует волну панического ужаса при виде ружья в руках того человека...

— Я говорю... — повторяет Сет, на этот раз по-английски, но Томаш бьет его по лицу, и повязка на руке совсем не смягчает удар.

— Ты не имеешь права! — Томаш с яростью молотит его, а Сет, оцепенев, даже не прикрывается, и из носа уже во-

* Что случилось? (польск.)

всю льется кровь. — Это личное! Ты не имеешь права туда лезть!

— ЭЙ! — Реджина хватает Томаша за руки и словно укутывает всем своим массивным телом в смирительную рубашку, но мальчишка по-прежнему буравит Сета возмущенным взглядом, крича: — Это не твое!

— Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит? — Взгляд Реджини упирается в затылок Томаша. — И почему у Томми мигает огонек?

— Не знаю. — Сет поднимается и вытирает залитый кровью подбородок. — Не знаю, что случилось. Я просто дотронулся, и...

— Я здесь! — кричит Томаш. — Не притворяйся, что меня тут нет.

— Прости, Томаш. За все. Я не знаю, как так вышло. Я совершенно не хотел...

— Это не твое было! — повторяет Томаш.

— Что именно? — спрашивает Реджина у Сета, не выпуская Томаша из рук.

— По-моему, — говорит Сет, — это личное.

Тут Томаш кривит губы и начинает плакать по-настоящему. Колени у него подламываются, он повисает у Реджини в руках и, зажмурившись, выдает длинные фразы на польском.

— Ну, правда, что случилось-то? — допытывается Реджина, прижимая Томаша к себе. — Можешь не рассказывать, что ты увидел, но ты дотронулся до его затылка, а потом вы оба просто застыли. Словно в астрал вышли.

— Не знаю, — разводит руками Сет.

— Ну, еще бы! — со злостью бросает Реджина.

— Реджина...

— Я не на тебя сержусь. Я сержусь на это уродское место. Вот ты вроде бы все вспомнил, а я до зарезу хочу узнать правду, но правда здесь — это лишь новые мучения. Больше в нашей жизни ничего не происходит. Только сюрпризы за каждый углом, один страшнее другого...

— Вы были приятным сюрпризом, — произносит Сет вполголоса.

— ...и погода не поддается никакой логике, и какой-то бессмертный фрик в черном костюме за нами гоняется, и... Что ты сказал?

— Я говорю, вы были приятным сюрпризом. Оба.

Томаш, всхлипывающий Реджине в футболку, косится на Сета одним глазом.

Сет вытирает нос.

— Слушайте, — начинает он и тут же, умолкнув, проводит рукой по стриженою голове, нашупывая шишку у основания черепа.

Она там, она мигает, но ответ на вопрос «почему?» все еще где-то в каше воспоминаний. Получается, Сет по-прежнему не знает ничего и наверняка может утверждать лишь одно: сейчас, в эту секунду, он тут, с Томашем и Реджиной. И кажется, он перед ними в неоплатном долгу.

— Я покончил с жизнью, — говорит он.

Сет выдерживает паузу, проверяя, слушают ли его. Слушают.

— Я вошел в океан. Разбил плечо о скалу, потом раскроил череп о ту же скалу, в той точке, где мигает. — Еще пауза. — Но это не случайно вышло. Я сам расстался с жизнью.

Реджина молчит.

— Мы чуть-чуть догадывались, — шмыгая носом, признается Томаш.

— Вот. И в тот день, когда вы меня перехватили, не дав добрежать до этого типа в фургоне, я... — После секундного колебания Сет продолжает решительно: — Я собирался повторить это еще раз. Я знаю Мейсонов холм. Знаю, откуда можно сброситься. Это я и хотел сделать. — Он сплевывает стекающую по носоглотке кровь. — Так что я не шучу, вы правда были приятным сюрпризом. Хорошим. Настолько хорошим, что даже не верится. Даже сейчас. И я прошу прощения. За то, что пришлось вам врать. За то, что отправился в тюрьму. И за то, что я подсмотрел, Томаш. Я не нарочно.

Томаш снова шмыгает носом:

— Знаю. И все-таки. — Вид у него жалкий, уголки губ опущены, нижняя кривится, глаза — словно у глубокого старика. — Ладно. Меня убило не молнией. У нас не было ничего, — продолжает Томаш, уткнувшись взглядом под ноги. — Помните кризис, когда весь мир остался без денег? Даже в виртуале, наверное...

Сет с Реджиной кивают, но Томаш на них все равно не смотрит.

— Мы и до того были бедные. А потом стало еще хуже. Раньше можно было как-то ездить внутри Европы, но когда экономика везде рухнула, выбраться оказалось невозможно. Чужие стали никому не нужны. Мы с мамой остались в западне. Но она нашла способ. Нашла человека, который сказал, что привезет нас на корабле. Даст нам паспорта и другие бумаги, по которым получится, что мы жили тут до того, как закрылись границы. — Томаш сжимает кулаки. — Мы отдали все, что у нас

было. Даже больше, но мама говорила, это ради лучшего будущего. Заставляла меня учить английский, чтобы потом мы жили хорошо. — Его глаза сужаются. — Но хорошо не стало. Путешествие было очень тяжелым, очень долгим, и эти самые «помощники», они... Совсем они нам не помогали. Один еще подобнее, а второй совсем плохой. Он очень плохо с нами обходился. Делал разные плохие вещи. С мамой...

Томаш переворачивает стиснутые кулаки и разглядывает пальцы.

— А я слишком мал, и ничего поделать не могу. Мама говорила, ничего страшного, мы уже почти на месте, почти приехали. И вот мы приплываем в Англию. Все радуются, тяжелый долгий путь позади, и вот мы тут, вот мы тут! — Лицо Томаша проясняется на миг, но тут же снова каменеет. — Однако у нас проблема. Деньги, всегда нужно больше денег, трясут еще и еще с тех, у кого уже ничего не осталось. — Он вздыхает. — Больше правда нет. И тот, который добрее, приходит туда, где нас держат. В большом металлическом контейнере, который возят на кораблях. Как свиней или мусор. В общем, однажды вечером приходит этот, добрый.

Томаш смотрит на Сета. В блестящих глазах — просьба, и Сет догадывается:

— Он тебя застрелил. Тебя, твою маму и всех остальных, — заканчивает он за Томаша.

Мальчишка кивает беззвучно, только крупные прозрачные горошины катятся по щекам.

— Ох, Томми... — шепчет Реджина.

— Но я не понимаю, почему я здесь, — хриплым от слез голосом говорит Томаш. — Меня застрелили в затылок, и я очнулся вот тут! Это же нелогично. Если мы все где-то спим, по-

чему я не проснулся в Польше? Почему не могу найти маму и остальных? — Он в отчаянии поворачивается к Сету. — Этот город совсем незнакомый. Я проснулся, испугался, что эти, плохие, наверное, за мной гонятся, поэтому сказал Реджине, когда она меня нашла, что всегда здесь жил, что мы с мамой уже давно здесь, но... — Он разводит руками.

— Может, так и было, — высказывает догадку Сет. — Может, вы доплыли сюда, вас положили в гробы и...

Нет, действительно нелогично.

Или... Эту мысль он озвучить не решается. Может быть, нелегалов просто перестали депортировать? Что, если мама Томаша добралась сюда в реале много лет назад, когда Томаш был совсем карапузом, их арестовали, и оказалось проще и дешевле усыпить их, чтобы там, в виртуале, они думали, будто их отправили обратно или они вообще никогда не выезжали из Польши.

Но если у человека хватило духу пуститься в такой путь один раз, наверное, хватит и второй? Они ведь не знали, что живут в виртуале, у них была одна цель — выбраться за границу любой ценой.

Не подозревая, что они уже там.

Циничнее некуда.

— Томми, какой ужас... — произносит Реджина.

— Главное, не бросайте меня, — просит Томаш. — Больше мне ничего не надо.

Она прижимает его к себе еще крепче.

— А ты? — спрашивает Сет. — Ты как здесь очутилась?

— Я же говорила. — Реджина смотрит в сторону. — Упала с лестницы.

— Точно?

Она обжигает его взглядом, но Томаш запрокидывает к ней лицо, на котором написан тот же вопрос.

— Это ничего, — говорит он. — Мы же твои друзья.

Реджина по-прежнему молчит, однако в глазах мелькает тень сомнения. Она делает глубокий вдох, но что она хотела — рассказать им все, отпираться дальше или послать лесом, — останется загадкой, потому что где-то вдалеке снова включается двигатель.

56

— Быстрее! — шепчет Реджина, перебегая из тени в тень.

— Далеко еще? — спрашивает Сет, пригибаясь рядом с ней в щели между двумя машинами.

— Близко, но сперва нужно пересечь широкую дорогу.

— Звук далеко, — вполголоса успокаивает их Томаш за спиной. — Он не знает, где мы.

— Он когда-нибудь видел, где вы скрываетесь? — интересуется Сет.

— Вряд ли, — отвечает Томаш. — Он всегда отставал на полпути, но...

— Что «но»?

— Но район не такой уж большой, — говорит Реджина. — И ваши затылки еще мигают. Когда вокруг темно, это очень заметно.

— Если бы они как-то ему сигналили, — возражает Сет, — он бы нас давно нашел. Уже кое-что.

— Маловато, — вздыхает Реджина.

Осторожными перебежками она ведет их через небольшую уличку и дальше по тротуару к перекрестку. Там прохо-

дит пресловутая широкая дорога, и, если не считать привычных сорняковых зарослей и наносов грязи, открытое пространство предстоит пересечь немаленько. Они выжидают между двумя белыми фургонами у края.

— Все будет хорошо, — шепчет Томаш. — Мотор далеко.

— Ты прострелил его насквозь, а он поднялся, — напоминает Реджина. — Мало ли какие еще у него фокусы в запасе. Думаешь, он не догадывается, что мы вычисляем его по звуку мотора? И ему не придет в голову на этом нас подловить?

Икнув, Томаш поспешно вкладывает забинтованную руку в ладонь Сета.

— Нам правда два шага до дома, — говорит Реджина. — Если не переберемся...

Она умолкает, тревожно блеснув глазами под луной.

— Что? — шепчет Сет.

— Слышал?

— Нет...

Но теперь слышит и он.

Шаги.

Точно, шаги.

Гораздо ближе, чем приглушенный шум двигателя вдалеке.

Медленные шаги, тихие, крадущиеся. Движутся сюда, к ним.

Томаш крепче сжимает руку Сета и ойкает вполголоса от боли. Но руку не отпускает.

— Замрите, — велит Реджина.

Шаги громче, ближе, откуда-то справа, может, с противоположного тротуара, скрытого темнотой и припаркованными вдоль дороги машинами. Странные шаги, нерешитель-

ные, то ускоряются, то замедляются, словно ноги не желают слушаться.

— Может, мы его все-таки ранили?

Реджина расправляет плечи. Видно, что ей бы этого очень хотелось. С раненым Водителем еще есть шанс спастися.

— Реджина...

Она шикает на него и беззвучно показывает пальцем в темноту. Сет с Томашем подаются вперед.

На противоположной стороне улицы что-то ворочается.

— Мотаем отсюда, — говорит Сет.

— Рано, — возражает Реджина.

— У него оружие...

— Рано!

Сет чувствует, как напрягается Томаш, готовясь бежать. Сет тоже пятится, но Реджина не трогается с места...

— Реджина! — шипит Сет сквозь стиснутые зубы...

— Смотри, — коротко бросает она.

Сердитый, взведенный, словно пружина, Сет снова наклоняется и выглядывает на широкую улицу, где шаги подбираются к залитому лунным светом участку.

Томаш за спиной тихо ахает.

Олень. Два оленя. Олениха и олененок неуверенно цокают по улице, навострив уши, останавливаясь на каждом шагу и озираясь, можно ли дальше. Олененок, выйдя из-за материнской спины, прихватывает губами пучок сорняков с дороги. Цвет шкуры в слабом свете не различишь, но тощими и больными они не выглядят. Видимо, подножного корма вокруг хватает. А если есть олененок, значит, где-то должен быть и самец-олень.

Сет, Томаш и Реджина провожают взглядом цокающую по асфальту парочку. Двигатель по-прежнему гудит где-то далеко, но отчетливо, и олениха его слышит, судя по прянущим ушам, но дожидается, пока олененок спокойно дощиплет траву.

Сама она, замерев, вскидывает голову и принюхивается.

— Нас чует, — шепчет Реджина.

Олениха не срывается с места, но подталкивает олененка дальше, и они исчезают в густой темноте, где их не разглядит даже луна.

— Bay! — выдыхает Томаш. — Ну, правда, bay!

— Да, — соглашается Сет. — Я и не думал...

Он не договаривает.

Потому что Реджина украдкой смахивает две случайные слезы.

— Реджина?

— Двигаем, — говорит она, вставая.

До дома они добираются длинным кружным путем. Деревья между домами тут разрослись на удивление мощно, и лунный свет пробивается едва-едва, словно на дне крутого каньона. Двигатель гудит далеко позади, на Реджининой улице их вроде бы никто не поджидает.

Район приличнее, чем у Сета, это заметно даже в темноте. Дома стоят обособленно, а не стена к стене, садики просторнее, улицы чуть шире. Сет вспоминает, что их дом — довольно большой и добротный — родителям оказался по карману только из-за близости к тюрьме.

— Ты тут выросла? — спрашивает Сет, сразу же чувствуя неловкость за удивление в голосе.

— Да. И даже в виртуальной утопии мы все равно были тут единственными чернокожими. О чем это говорит?

Они прячутся за очередным ржавеющим корытом на колесах, только классом повыше.

— Ничего подозрительного не вижу, — шепчет Томаш.

— Вроде нет, — говорит Реджина. — Но мало ли. Уж наверняка он умеет ждать дольше нашего.

— Для отдыха любой из этих домов сгодится, — намекает Сет. — Пустые кровати, скорее всего, везде есть.

— Да. — Реджина, сощурившись, вглядывается в улицу. — Но мой дом — моя крепость. Я свой дом не отдаю.

— Кто бы сомневался. Только...

— Ох, ну боже ты мой! — Томаш встает. — У меня руки болят. Я хочу их промыть. Он или там, или нет, а если там, то все равно знает, где нас искать, и отыщет, куда бы мы ни смылись. А еще я злой и без сил.

Он топает по улице.

— Томми! — пытается остановить его Реджина, но мальчишка не оборачивается.

— Вообще-то он прав, — говорит Сет.

— Как всегда, угу, — ворчит Реджина, однако встает и идет следом.

Сет поднимается тоже. Да, Реджина не ошиблась насчет мигающих огоньков. Затылок Томаша светит не хуже маяка.

Что же все-таки случилось? Почему они вдруг зажглись? Почему его вдруг окунуло в самое худшее воспоминание Томаша? Непонятно и нелогично, однако, по крайней мере, улеглась эта круговорть в голове, все эти знания еще клокочут там, но пока не захлестывают.

Сет смотрит на затылок Реджины. Что будет, если так же подключиться к ней?

— Томми, подожди, — окликает мальчика Реджина у дорожки, ведущей к темно-кирпичному дому, скрытому за привычной мешаниной разросшихся кустов и грязи.

Реджина осторожно оглядывается, оборачиваясь вокруг своей оси — в точности, как и сам Сет в таких случаях, — но никаких преследователей в темноте не обозначается.

— Кажется, все спокойно, — говорит Томаш. — Пока.

Реджина протяжно выдыхает, шаря глазами по фасадам соседних домов.

— Пока спокойно, — вполголоса подтверждает она.

57

— Стойте, — говорит Реджина у входной двери и, приоткрыв ее на миллиметр, вынимает обрывок бумаги. — На месте. Значит, до нас сюда никто не заходил, иначе бы вывалилась.

Она исчезает в доме, знаком велев Сету с Томашем подождать.

— Мы завесили окна, — объясняет Томаш, — чтобы нас не видно было снаружи.

Через минуту в глубине дома — в какой-то совсем дальней комнате — зажигается свет.

— Все. — Реджина появляется снова. — Сюда, быстро.

Томаш пропускает Сета и подпирает ручку столом изнутри. Они оказываются в просторной гостиной, из которой наверх ведет лестница, а в дальней стене — дверь на кухню.

Прямо посреди гостиной стоит пыльный черный гроб в окружении диванов и кресел, словно журнальный столик.

— Пойдем, там есть еда! — Томаш, протискиваясь мимо гроба, увлекает Сета за собой на кухню.

Свет идет оттуда, из подвесного фонаря, поставленного в кухонный шкафчик — наверное, бывший буфет. Черный ход законопачен по периметру одеялами, чтобы не светило из щелей.

— Мы спим наверху, — говорит Реджина. — Там три комнаты, но в одной сейчас склад. Можешь поселиться с Томми, если хочешь.

— Я все равно обычно перебираюсь на пол в ее комнате, — театральным шепотом признается Томаш.

Реджина зажигает еще один фонарь и, подозвав Томаша к раковине, разматывает повязки. Промытые раны выглядят не так страшно. Несколько глубоких порезов и ожогов, от которых Томаш шипит страдальчески каждый раз, как на руки попадает вода, но теперь ему легче шевелить пальцами.

— Заживет, — говорит Реджина, вытаскивая из ящика старые кухонные полотенца и забинтовывая Томашу руки заново. — Хотя не мешает раздобыть каких-нибудь антибиотиков на случай инфекции.

— Еще раз не за что, обращайтесь, всегда спасу, — бурчит Томаш обиженно.

Реджина тянется в шкафчик за консервами.

— На разносолы не рассчитывайте, — предупреждает она, зажигая походную газовую плитку, почти такую же, как у Сета.

Томаш забинтованными руками расставляет тарелки, пока Реджина разогревает. Сет, чтобы не стоять без дела, разливает по чашкам воду из супермаркетовских бутылок. Все молчат. Голова у Сета по-прежнему забита под завязку, и, если расслабиться, его опять парализует в попытке все это понять. Он удерживается только постоянным, неимоверным,

изматывающим усилием. Сет подавляет зевок. Подавить второй уже не хватает сил.

— Та же фигня, — ворчит Реджина, ставя перед ним тарелку кукурузной каши пополам с какой-то лапшой в соусе чили.

— Спасибо.

Реджина с Томашем усаживаются на низкие стулья, Сет устраивается на полу. Разговаривать по-прежнему не тянет, и в какой-то момент, подняв глаза, Сет видит, что Томаш уже спит — с пустой тарелкой на коленях, откинувшись головой на дверцу кухонного шкафа.

— Я знала, что это не молния, — говорит Реджина тихо, чтобы не разбудить Томаша. — Но чтобы такое...

— Я тоже не представлял.

— Куда уж тебе, — сухо бросает она.

У Сета вырывается обреченный вздох:

— Чем я тебя цепляю? Я же извинился за все.

— Извинения приняты. — Реджина ставит пустую тарелку на стол. — Давай замнем на этом.

— Ни за что.

— Вот в этом и дело. Тебе непременно нужно до всего докопаться. В этом ты весь! Взять хотя бы гениальную мысль, что мы с Томми тут исключительно затем, чтобы тебя выручать. Потрясающий эгоизм! Ты не думал, что, может, наоборот, это ты нам послан в помощь?

Сет чешет ухо:

— Прости. У меня меньше времени было на привыкание к здешней жизни. — Он оглядывает освещенную фонарем кухню и остатки ужина из древних консервов. — Отец говорил, со временем ко всему приноравливаешься.

— Мама тоже так говорила. И была права.

В ее словах такая горечь, что Сет с удивлением оборачивается. Реджина вздыхает:

— Она работала в школе. В основном вела естественные науки, но поскольку они с папой были французами, то и французский иногда. Она была замечательная. Сильная, добрая, веселая. А потом папа умер, и она как будто... сломалась. Потерялась. — Реджина хмурится. — А отчим, этот урод, видел, что ей плохо, и добивал. Поначалу, типа, все нормально, не фонтан, но терпимо, вот и терпишь. Потом становится хуже, но тоже привыкаешь. А потом в одно прекрасное утро просыпаешься и не можешь понять, как ты дошел до жизни такой.

— Мой отец тоже сломался, — произносит Сет негромко. — И мама, кажется, слегка.

— И ты.

— И я. Люди ломаются. Все.

— А тебя что добило?

— Теперь твоя очередь докапываться?

Реджина теряется на секунду, но потом ее взгляд почти теплеет.

Сет зевает. Интересно, какое воспоминание всплынет сегодня, когда сон наконец его сморит? Лучше бы хорошее, даже если болезненное. Может, та ночевка, когда он узнал, что Гудмунд разделяет его чувства? Или когда они пошли в поход и родители Гудмунда спали в соседней палатке, поэтому они могли только разговаривать, и это было здорово, лучше всего на свете, и они строили планы на будущее, на университет и дальше.

— У нас будет все, — сказал тогда Гудмунд. — Как только уедем отсюда, сможем делать что захотим. Мы с тобой вдвоем. Никто даже не подумает нас остановить.

Какими восхитительными, пугающими, правдивыми и невероятными казались Сету эти слова.

Они проговорили тогда всю ночь. Расписали наперед всю свою жизнь.

Сердце щемит при одной мысли.

— Люди ломаются, — повторяет он. — Но нам троим выпал второй шанс.

Реджина фыркает:

— Это, по-твоему, второй шанс? Насколько же дерзмовой была твоя прежняя жизнь? — Она встает и наклоняется к Томашу. — Помоги-ка мне.

Вдвоем они перетаскивают полусонного мальчишку в кровать, Реджина освещает путь зажженной свечой. Потом вытаскивает из шкафа отсыревшие одеяла.

— Придется тебе укладываться на полу.

— Ничего, — говорит Сет, сваливая одеяла кучей на ковре.

— Потом переляжешь в его кровать, когда он переберется ко мне в комнату. Он действительно так делает.

Томаш уже сопит вовсю. Реджина смотрит на него своим грубовато-ласковым взглядом, потом делает шаг к двери без всяких «спокойной ночи».

— Спасибо, что нашли меня, — говорит Сет. — И может быть, не обязательно так огрызаться на каждое «спасибо»?

Реджина хмыкает:

— Здесь не сказка. Хочешь жить, умей кусаться. — И все же выдает кривоватую улыбку. — Вообще-то я раньше была довольно милой.

— Ни за что не поверю, — тоже улыбается Сет.

— И хорошо. Незачем. — Она задерживает взгляд на секунду. — Завтра же начнем искать твоего брата. Если это действительно так важно.

— Важно. Спасибо.

— Не благодари. Тебе все равно придется делать основное самому. Мы ведь даже не знаем, с какой стороны взяться.

Сет качает головой:

— Что-нибудь придумается. Все ведь здесь, внутри, я знаю. Нужно только разобраться.

— Хорошо. Потому что мне бы тоже кое-что не помешало прояснить.

Она кивает на прощание и уходит.

Сет укладывается на полу, закутавшись в одеяло. Тихо. Шума двигателя, ни приглушенного, ни громкого, не слышино даже в промежутках между посапываниями Томаша. Реджина с Томашем устроили здесь отличное убежище. А теперь и он тут с ними укроется.

Мозг по-прежнему плавится от неразобранных воспоминаний, но на какой-то миг, прежде чем его настигает накопившаяся за день усталость, Сет чувствует себя почти в безопасности.

58

Не снится ничего.

59

— Просыпайся, мистер Сет! — Томаш тормошит его за плечо. — Мы пережили еще ночь.

Сет осовело моргает глазами. Сквозь занавешенные одеялами окна чуть брезжит тусклый свет.

— На завтрак снова кукуруза и чили, — предупреждает Томаш. — Заранее извиняюсь.

Сет открывает рот...

Но ничего не произносит.

Что-то изменилось.

Что-то здесь по-другому.

Что-то...

Он резко садится:

— Вот черт!

— Что такое? — тревожится Томаш.

— Нет!

— Что?

— Все здесь, в голове. — Сет изумленно смотрит на Томаша. — Теперь все по полочкам. Наверное, во сне все обработалось или...

Он не договаривает.

— А теперь что происходит?

Что ему ответить? Как объяснить? Хаос наконец упорядочился. Все, что когда-то выветрилось из памяти...

Не-е-е-ет.

Он встает и, чуть не забыв сунуть ноги в кроссовки, пулевой мчится в ванную, потом вниз.

— Стой! — Томаш срывается за ним. — Ты куда?

Сет дергает стул на ручке входной двери, но, наоборот, только плотнее ее заклинивает.

— Вы чего? — Из кухни появляется Реджина с тарелкой кошмарного завтрака.

— Он проснулся и сбрендил, — докладывает Томаш.

— Опять?

— Мне ничего не снилось, — говорит Сет, борясь со стулом.

— Что?

— Снов не снилось. Я спал без снов, ни единого воспоминания, ничего. — Сет уже на грани паники. — А потом проснулся и все рассортировалось.

Стул наконец отскакивает и кубарем летит в комнату. Сет рвет на себя дверь.

— Ты куда? — кричит Реджина, но он уже за порогом, уже несется по дорожке, потом по тротуару.

Потому что знает.

Он вспомнил.

Район незнакомый, но ноги несут его сами. Широкая улица, которую они переходили ночью, превращается в ориентир. Сет мчится, даже не прислушиваясь к шуму двигателя. От дома Реджины до его собственного где-то мили три на юг, как он теперь понимает, и в голове сама собой рисуется карта.

Он знает, куда бежит.

Знает.

— СТОЙ! — доносится сзади.

— Не могу, — отвечает он негромко, не заботясь о том, чтобы его услышали. — Не могу.

Он бежит дальше, уверенно поворачивая за угол. Позади остается квартал за кварталом, он бежит быстро, целеустремленно, легко. Еще поворот. Еще. Теперь улицы идут под уклон, ведя его на задворки супермаркета, на другой конец небольшого парка, где он видел уток.

— Да боже мой! — шумно пыхтит кто-то за спиной.

Сет бросает взгляд через плечо. Реджина, отдуваясь, крутит педали, видимо, запасного велосипеда, Томаш на багажнике обхватывает ее забинтованными руками за пояс.

— Ты от нас убегаешь! — обвиняет его Томаш с неожиданной злостью. — Опять!

— Нет, — качает головой Сет, не сбавляя скорости. — Правда, нет.

— Тогда что ты делаешь? — кричит Реджина.

— Вспоминаю. Я вспоминаю.

— Может, ты вспомнишь заодно, что опасность никуда не делась? — Реджине сложно выдерживать его темп.

— Простите. — Сет уходит в отрыв. — Мне нужно, простите.

Он бежит. Его ведет — он даже не может подобрать название этому чувству — какая-то тяга, против которой он не...

Ощущение, в которое не верится...

В которое он не хочет верить...

Дорога идет круто под гору, он уже у подножия холма и шепчет: «Нет! Нет-нет-нет!»

Обогнув утиный пруд, Сет взбегает на косогор и спускается с другой стороны. Здесь очень богатые дома за когда-то ровно подстриженными, а теперь буйно разросшимися живыми изгородями. Дорога тоже более гладкая, даже сорняков меньше пробивается через явно качественный бетон. Позади остается культурный центр, потом церковь на углу, и Сет понимает, что он уже почти на месте. На последнем повороте он различает позади шуршание велосипедных шин.

Сет останавливается посреди улицы.

Он на месте. Он нашел. Слишком внезапно, слишком скоро. Ему опять кажется, как тогда, у тюремной ограды, что лучше бы дорога длилась подольше.

Но вот он здесь.

— Не надо, — снова шепчет Сет.

Реджина с Томашем подкатывают к нему. У запыхавшейся Реджины хватает сил только тяжело дышать, навалившись на руль, но Томаш уже кричит, соскочив с багажника:

— Ты не можешь! Ты обещал! Ты не можешь...

Он умолкает, замечая оцепенение Сета.

И только теперь видит, куда Сет их привел.

— Мистер Сет? — окликает он в замешательстве.

Сет, не отвечая, перелезает через низкую каменную стенку на заросший травой луг. Он знает, куда идти. Не хочет, но знает. Трава высотой с него самого, и он разгребает ее обеими руками. Томаш идет след в след, чтобы не потеряться в этих джунглях. Что делает Реджина, Сет не знает, потому что не оглядывается. Он смотрит только вперед, выискивая, выглядывая.

Ноги ведут его сами.

Под зарослями травы скрываются ряды, и он идет по ним без колебаний, поворачивая в нужных местах, ориентируясь по высокому дереву, снова поворачивая...

Потом останавливается.

Томаш догоняет:

— Что происходит? Мистер Сет?

Сет слышит пыхтение Реджины.

— Реджина, что все это значит? — не унимается Томаш.

Но Сет молчит. Ноги подкашиваются, и он валится на колени. А потом, протянув руку, раздвигает траву, приминая, чтобы не мешала.

Расчищая то, что под ней.

И читает расчищенное.

Зная, что это правда, хотя этого никак не может быть.

Но это правда. Правда.

Потому что он все вспомнил. Все-все.

— Это что... — шепчет Реджина. — Боже мой!

— Что? — подпрыгивает Томаш. — Что там?

Но Сет не оглядывается, так и стоит на коленях, впившись взглядом в надпись.

Выбитую на мраморе.
«Оуэн Ричард Уэлинг.
Покинул этот мир в четыре года.
Лишь ангелам с улыбкой на устах
Твой звонкий голос будет слух ласкать».
Сет привел их на кладбище.
К могиле.
Где похоронен его брат.

60

Непонятнее всего было молчание отца с мамой, сидевших за столом напротив офицера Рашиди. Они не плакали, не кричали, вообще почти никак не реагировали. Отец смотрел стеклянными глазами куда-то поверх плеча Рашиди. Мама, поникнув головой, так что нечесаные волосы закрывали все лицо, молчала, словно не замечая никого вокруг.

— Я знаю, это вряд ли вас утешит, — негромко, с тектом проговорила офицер Рашиди, — но у нас есть все основания полагать, что Оуэн не мучился. Что это произошло вскоре после похищения и было сделано быстро. — Она потянулась через стол, явно собираясь взять кого-то из родителей за руку. Но ни отец, ни мама не шевельнулись. — Он не мучился, — повторила она.

Мама что-то прошептала едва слышно.

— Что вы сказали? — переспросила Рашиди.

Мама откашлялась и чуть приподняла голову:

— Я говорю, вы правы. Это не утешает.

Сет сидел на нижней ступени лестницы. Выпроводив его из комнаты, ни офицер Рашиди, ни другой полицейский, сообщив-

ший, что Валентина нашли, не интересовались, куда он пошел. А он прокрался назад и обратился в служ.

— Мы вас к нему отвезем, — сказала офицер Рашади. — Сейчас дождемся разрешения и поедем.

Отец с мамой молчали.

— Я глубоко вам соболезную, — продолжила Рашади. — Но Валентин схвачен и заплатит за то, что сделал, я вам обещаю.

— Посадите его обратно в тюрьму? — спросила мама. — Читай книжки, дорогой, сажай цветочки, а когда надоест — можно снова сбежать? Хороша расплата.

— Есть другие способы, миссис Уэринг, — заверила Рашади. — Сейчас все заключенные автоматически помещаются...

— Замолчите! — велела мама. — Пожалуйста. Какая теперь разница? — Она повернулась к отцу, который по-прежнему смотрел отсутствующим взглядом. — Я собиралась от тебя уходить...

Отец словно не слышал.

— Ты оглох? Я собиралась уйти от тебя в тот день. Я откладывала деньги, за ними я и возвращалась тем утром. Угораздило меня оставить их в этом дурацком окне... — Она подняла глаза на Рашади: — Я собиралась от него уйти.

Рашади посмотрела на одного, потом на другую, но отец не реагировал, а мама как-то вся напружинилась с тихой яростью, будто пантера перед прыжком.

— Я думаю, вы с этим позже разберетесь. А может быть, и разбираться не понадобится, — загадочно добавила Рашади.

— Асма... — вмешался второй полицейский, видимо назвав Рашади по имени.

— Я просто говорю, что можно устроить... Устроить так, словно этого не происходило вовсе.

И тут мама с папой наконец проявили интерес.

— Мир менялся, — тихо говорит Сет, не сводя глаз с надгробия. — Изменился. Стал почти нежилым.

— Да, это ежу понятно, — пожимает плечами Реджина. — Достаточно оглянуться.

Сет кивает.

— Долгое время люди жили двойной жизнью. Поначалу, мне кажется, в буквальном смысле, то есть можно было существовать параллельно. Перемещаться туда-сюда между реалом и виртуалом. Потом люди начали оставаться в виртуале, и это год от года становилось все привычнее. Потому что реал расползлся по швам. — Сет смотрит на Реджину и Томаша, но против солнца видит только два темных силуэта. — По крайней мере, так мне представляется.

— Я ничего не помню из прошлого, — отвечает Реджина на незаданный вопрос. — Как ни жаль.

— Наверное, так было задумано. Чтобы мы даже не подозревали про реал. Все воспоминания переписаны, все сходится, вся жизнь перед тобой как на ладони. Виртуальная. А для нас самая что ни на есть настоящая. — Сет поворачивается к надгробию и гладит выбитую на камне надпись. — Он умер. Похититель убил его. Оуэн не вернулся домой.

Горе ворочается внутри, сжимает сердце, но Сет словно каменеет на время под тяжестью старых и новых знаний.

— Ох, мистер Сет. — Томаш смотрит сочувственно. — Мне так жаль...

— Мне тоже, — вторит ему Реджина. — Но я не понимаю. Почему твой брат лежит здесь? Ты же говорил, он...

— Еще жив. Мы росли вместе. Я сидел на его занятиях кларнетом. Томаш так на него похож, что иногда даже невыносимо.

— Но... — Реджине стоит больших усилий не подгонять Сета. — Он же здесь. Он умер. В реале.

— Если это и правда реал, — вмешивается Томаш.

— Пусть уже где-то будет реал! — отрезает Реджина. — Я у себя одна, и я настоящая, все, точка. Нужно от чего-то отталкиваться. За что-то зацепиться.

— Как же тогда все это случилось? — не понимает Томаш.

— Родителям, — говорит Сет, не отрывая взгляда от надгробия, — предложили выбор.

— Вы слышали про Лету? — спросила женщина из агентства за тем же обеденным столом, где офицер Рашиди три дня назад сообщила им страшную новость.

Мама нахмурила брови:

— Это в Шотландии?

— Нет, там Лит, — заплетающимся языком поправил папа, кивнув женщине из агентства. — А это Лета. Река забвения в Аиде. Чтобы мертвые забыли прежнюю жизнь и не тосковали по ней до скончания веков.

Женщине из агентства не понравилось, что все разъяснили за нее, но она сдержалась:

— Правильно. А еще так называется программа, к которой подключаются через Коннект.

— Кто вошел, уже не выйдет, — ровным тоном произнесла мама, уткнувшись взглядом в стол.

— Да, — кивнула женщина из агентства.

— Они просто убегают от жизни, — проговорила мама, но в голосе прозвучало сомнение.

— Не убегают. Меняют на другую. На возможность обрести себя в лучшем мире. — Женщина придвинулась ближе, теряя налет официоза, словно собиралась поделиться конфиденциальной информацией. — Вы же видите, куда все катится. Причем быстрее и быстрее. Экономика. Экология. Войны. Эпидемии. Стоит ли удивляться, что люди хотят начать заново? Там, где у них, по крайней мере, будет честный старт?

— Говорят, там ничем не лучше здешнего...

— Отнюдь. Разумеется, людей не переделаешь, но по сравнению с тем, что у нас творится, это рай. Рай вторых шансов.

— Можно не стареть, можно не умирать, — чужим голосом, словно цитируя кого-то, произнес отец.

— Вообще-то нет, — возразила женщина из агентства. — До таких чудес еще не дошло. Пока. Человеческое сознание не готово. Но все остальное полностью автоматизировано. Вы будете под постоянным присмотром. Будете получать лечение при необходимости. Все физические функции организма сохраняются, включая поддержание мышц в тонусе, и буквально недавно мы разработали гормон, препятствующий росту волос и ногтей. Даже репродуктивную функцию и деторождение вот-вот удастся наладить. Это и вправду наша самая светлая надежда на будущее.

— А вы с этого что имеете? — поинтересовалась мама. — Кому это выгодно?

— Всем, — моментально ответила женщина. — Энергия, конечно, расходуется, но не в таких объемах, как у людей, которые ходят на своих двоих. Мы отключаем все, кроме питания кап-

сул, и освобождающиеся ресурсы пускаем в дело. Как минимум, мы просто будем спать, когда разразится катастрофа, и проснемся уже после. — Она наклонилась еще ближе. — Скажу начистоту. Настанет день — и довольно скоро, — когда у вас может не оказаться выбора. Даже у меня может не оказаться выбора. Так что лучше соглашаться сейчас, на собственных условиях.

Мама осторожно подняла на нее взгляд:

— И Оуэн вернется?

Губы женщины едва заметно изогнулись. Странная улыбка. Вроде бы добрая, сочувственная, но даже Сет, пристроившийся незамеченным в дальнем уголке стола, понимал, что на самом деле улыбка победная. Женщина из агентства победила, а Сет даже не знал, что они боролись.

— Учтите, — предупредила женщина, — что программа-симулятор находится на стадии прототипа.

— Пока, — подал голос отец.

— Простите?

— Вы говорили, что чудеса недоступны «пока». Об этих недоработках речь?

— Можно и так назвать, — согласилась женщина, хотя тон ее утверждал: «Лучше не надо». — Но я вам скажу две вещи. Во-первых, в Лете вы совершенно точно не почувствуете никакой разницы и, во-вторых, результаты бета-тестирования превзошли самые смелые ожидания участников.

— И мы просто... забудем обо всем, что случилось? — уточнила мама.

Женщина из агентства плотно сжала губы.

— Не совсем.

— Не совсем? — Мамин голос вдруг стал резким. — Как это понимать? Я не хочу ничего помнить.

— Лета — очень тонкая программа, с необыкновенными возможностями. Но она отталкивается от того, что в вас уже заложено. Она неспособна стереть воспоминания о таком значимом и серьезном событии...

— Тогда к чему огород городить?

— ...однако ей под силу предоставить вам альтернативный исход.

Повисло молчание.

— Что это значит? — спросил наконец папа.

— До тех пор, пока вам не имплантируют узлы и не проведут полную активацию, ничего сказать наверняка не могу, но полагаю, что вы, скорее всего, будете помнить похищение сына...

Мама недовольно хмыкнула.

— ...но закончится все гораздо благополучнее. Его найдут живым, возможно, он как-то пострадает и ему потребуется лечение и реабилитация — так вам внушил Лета, когда вы привыкнете к новому Оуэну, — однако он выживет. Программа создаст его из ваших воспоминаний, он будет расти, развиваться, взаимодействовать с вами, как делал бы ваш настоящий сын. То есть, по сути, он воскреснет. И разницы вы не заметите.

Мама открыла рот, но голос внезапно сел, и ей пришлось откашляться.

— А я смогу до него дотронуться? — спросила она хрипло. — Ощутить его запах? — Она зажала рот рукой, не в силах договорить.

— Да. Сможете. Коннект — это не игра в мир. Это и есть настоящий мир, помещенный в безопасное место. Ваша работа, дом, семья — все будет прежним, друзья останутся с вами.

ми — по крайней мере, те, кто тоже подключится, но скоро подключатся все. Он неотличим от настоящего, потому что он абсолютно настоящий.

— *А как мы будем общаться с теми, кто не подключился?* — поинтересовался отец.

Мама снова хмыкнула, словно глупее вопроса в жизни не слышала.

Женщина из агентства и бровью не повела:

— В этом и заключается основная хитрость. Мы поменяли миры местами. Когда вы там, то виртуальным представляется здешний мир, и вы взаимодействуете с ним соответствующим образом. Шлете такие же электронные письма и прочее. А если кто-то попытается открыть вам глаза, то Лета раз за разом будет погружать вас обратно в забвение. Но имейте в виду, — посерезнела она, — мы действительно близимся к краю пропасти. Очень скоро такие вопросы утратят смысл, потому что настоящего мира попросту не останется и взаимодействовать будет не с чем. Мы все будем в другом, лучшем мире, который еще не окончательно истощился.

— Я не хочу жить здесь, — высказалась мама. — В смысле, в этом городе. В этой дурацкой стране. Можете как-то посодействовать?

— Опять же, нам не под силу устроить вам новую жизнь с нуля, поскольку не от чего будет отталкиваться, но переезжать там можно так же спокойно, как и здесь. Если захотите уехать, уедете.

— Я хочу уехать. — Мама обвела взглядом гостиную. — И я уеду.

— В практическом отношении все просто, — перешла к делу женщина. — Мы имплантируем узлы, активируем память,

потом укладываем вас в спальные капсулы. Нынешнее помещение почти переполнено, но мы постоянно расширяемся. Если понадобится, можно без труда установить капсулу хоть здесь, в вашем собственном доме, и уложить вас, когда придет время.

— Так просто? — удивился папа.

— Недели хватит, — заверила женщина. — Вы снова увидите сына, и вся боль пройдет.

Мама с отцом помолчали секунду, потом посмотрели друг на друга. Отец взял маму за руку. Она сперва хотела выдернуть, но отец держал крепко, и мама сдалась.

— Он будет не настоящим, — прошептал отец. — Всего лишь программа.

— Вы не почувствуете разницы, — напомнила женщина из агентства. — Никогда и ни за что.

— Я не могу, Тед, — сказала мама. — Не могу жить в мире, где его нет. — Она повернулась к женщине: — Когда можно приступить?

Женщина улыбнулась:

— Прямо сейчас. Я принесла бумаги. Вы удивитесь, как быстро мы все провернем. — Она вытащила из портфеля три пухлые папки. — Это вам, миссис Уэринг. Мистер Уэлинг. И юному Сету.

Родители обернулись, только сейчас осознав, что он все это время сидел рядом.

— Видимо, женщина из агентства угадала, — подытоживает Сет. — В какой-то момент мир покатился под откос быстрее, чем ожидалось. И меня просто не успели перевезти из дома в тюрьму. — Он смотрит на Реджину: — И тебя тоже. И ника-

кой Водитель ни за тобой, ни за мной присматривать не приехал. Наверное, они так и не отладили систему до конца. Пришлось сохранять имеющееся и надеяться на лучшее, поскольку мир оказался на краю. — Сет выдыхает. — А потом рухнул.

— Но... — с сомнением тянет Томаш. — Нельзя же взять и заменить целого человека. Твоего брата, например...

— Да, — с жаром подхватывает Реджина. — Почему мама вышла замуж за этого урода отчима, если можно было вернуть папу?

— Не знаю. К каждой разгадке прилагается сотня новых, как ты сказала, белых пятен. — Он поворачивается к могиле. — Но мне кажется, было примерно так. Сначала просто забава — ныряешь в виртуал и выныриваешь. Потом люди начали задерживаться, убегать из реала, и власти разных стран подумали: ага, нам это на руку. Людей начали туда заманивать, потому что, ну как же, и средства экономятся, и ресурсы, и, может, в качестве бонуса мы вам сотворим что-нибудь, чего вы здесь лишились. А потом, наверное, все слишком быстро полетело кувырком. И людям пришлось остаться в виртуале, как и говорила эта тетка, потому что настоящий мир стал нежилым.

— И теперь все здесь, — заканчивает Томаш. — Даже те, кто писал программы, воскресившие твоего брата. И некому починить этот мир. Некому его улучшить.

— Да. Оуэн так и не поправился.

— Так ведь разницы-то никто из них не видит, — с неостывшей злостью выпаливает Реджина.

— Не уверен, — возражает Сет. — Думаю, они чувствуют, где-то в глубине души. Чувствуют какую-то неправильность,

но гонят бесполезные сомнения прочь. У тебя вот никогда не возникало ощущение, будто должно быть что-то еще? Где-то рядом, рукой подать, только дотянись?

— Постоянно, — тихо произносит Томаш. — Каждую секунду.

— У всех возникало, — подтверждает Реджина. — Особенно в нашем-то возрасте.

— Родители наверняка знали. На каком-то уровне. Что Оуэн не настоящий, хоть и кажется настоящим. Неужели можно совсем забыть такой ужасный выбор? Поэтому они так со мной обращались. Я был напоминанием. Грузом на душе. — Голос Сета срывается. — А я думал, они не могут простить меня за то, что Оуэна похитили на моих глазах.

— Вот почему ты говорил, что в этом есть твоя вина, — осознает Томаш.

Сет кладет руку на могилу Оуэна:

— Я почти никому не говорил. Разве что полицейской, а она сказала родителям, но больше никому. — Он смотрит на солнце и думает о Гудмунде. — Даже когда мог бы.

— Какая теперь разница? — вставляет Реджина. — Все равно твоя правда уже не правда.

Сет смотрит на нее в изумлении:

— Как это «какая разница»? Это же все меняет!

Реджина моргает недоуменно:

— Все уже изменилось, дальше некуда.

— Нет. Нет, ты не понимаешь, — качает головой Сет.

— Так объясни, — просит Томаш. — В конце концов, ты видел мое самое страшное воспоминание, мистер Сет.

— Не могу.

— Не хочешь, — поправляет Реджина.

— Да? — Сет начинает закипать. — Как, говоришь, ты погибла? Случайно свалилась с лестницы?

— Это другое...

— Почему? Я вот только что выяснил, что убил собственного брата!

Из зарослей травы, хлопая крыльями, взлетает напуганная возгласом стайка голубей. Сет, Реджина и Томаш провожают ее взглядом, пока она не исчезает в глубине кладбища, растворяясь в тени разросшихся деревьев.

И тогда Сет начинает рассказывать.

61

Он держал Оуэна за руку. Мама велела не двигаться с места, и они послушно уселись на пол рядом с обеденным столом, когда устали стоять.

И тут раздался стук. Не во входную дверь, а в кухонное окно, с заднего двора, из сада, который выходил только на череду заборов за заборами.

В окно заглядывал человек в синей рубахе со странным воротником.

— Привет, парни. — Оконное стекло заглушало голос. — Поможете мне?

— Сет? — встревожился Оуэн.

— Уходите! — велел человеку Сет, пытаясь казаться храбрее, чем есть. Но ему было восемь, и кто этих взрослых разберет, поэтому он добавил: — Что вам нужно?

— Мне нужно войти. Мне плохо. Мне нужна помощь.

— Уходи! — крикнул Оуэн, повторяя за Сетом.

— Не уйду. Даже не надейтесь, парни. Я никогда не уйду.

— Я боюсь... — прошептал Оуэн, крепче цепляясь за Сета. — Где мама?

Сета вдруг осенило.

— Вам не поздоровится! — крикнул он человеку. — Мама вас схватит! Она тут. Наверху. Сейчас я ее приведу!

— Ушла твоя мама, — невозмутимо возразил человек. — Я видел. Думал, сейчас вернется, потому что кто же оставит таких козявок одних, даже на пару минут, но нет, похоже, и впрямь умотала. Так что повторяю, парни, откройте дверь и впустите меня. Мне нужна помощь.

— Если бы вам правда нужна была помощь, — сказал Сет, — вы бы попросили маму, пока она не ушла.

Человек помолчал, словно признавая промах.

— Мне не от нее нужна помощь. А от вас.

— Нет... — почти в панике прошептал Оуэн. — Не надо, Сет.

— Я не буду, — заверил Сет. — Ни за что.

Лицо человека наполовину тонуло в тени, и у Сета мелькнула мысль, что он же, получается, совсем коротышка, если в окне видно только плечи и голову. Папе, чтобы заглянуть в окно, приходилось наклоняться.

— Я не хочу повторять дважды, — с нажимом произнес человек.

— Придется подождать, пока придет мама, — сказал Сет.

— Как бы вам попонятнее растолковать? — Голос у человека был спокойный, без злости. — Если вы меня впустите... Если вы меня впустите, я не стану вас убивать.

И он улыбнулся.

Крошечные пальцы Оуэна впились Сету в ладонь.

— Как тебя зовут, парень? — спросил человек, склонив голову набок.

— Сет, — ответил Сет, не успев сообразить, что можно было промолчать.

— Так вот, Сет, я могу высадить вашу дверь. Мне и похуже доводилось вещи творить, поверь. Высадить, войти и убить вас, но я этого не делаю, а прошу впустить меня по-хорошему. Если бы я хотел вас обидеть, стал бы я просить? Спрашивать разрешения?

Сет промолчал, только сглотнул нервно.

— Поэтому повторяю, Сет. Пожалуйста, впусти меня. Если впустишь, обещаю тебя не убивать. Честно. — Человек приложил ладони к стеклу. — Но если мне придется просить трижды, я войду сам и убью вас обоих. Мне бы не хотелось, но раз таков твой выбор...

— Сет... — прошептал Оуэн, весь съежившийся от ужаса.

— Не бойся, — шепнул ему Сет, не потому что у него появился план, а потому что так всегда говорила мама. — Не бойся.

— Считаю до трех, — сказал человек. — Раз.

— Нет, Сет, — прошелестел Оуэн.

— Обещаете не убивать нас? — спросил Сет.

— Зуб даю, — заверил человек. — Два.

— Сет, мама велела не...

— Он обещает нас не убивать.

Сет поднялся.

— Не надо...

— Сейчас будет «три», Сет, — предупредил человек.

Сет не знал, как быть. Опасность сочилась отовсюду, ею пропитался сухой, застоявшийся воздух дома, которому раньше не страшны были никакие беды. Опасность плясала вокруг человека, словно пламя.

Но Сет не понимал, в чем именно опасность. Что опаснее — если он сделает, как его просят, или наоборот? Высадить дверь этот человек сможет запросто — взрослым такое раз плюнуть, — так что, может быть, если послушаться, может быть, он...

— Три, — сказал человек.

Сет метнулся к черному ходу и задергал ручку, чуть навалившись, чтобы замок открылся.

Потом отошел. Человек шагнул от окна к двери. Рубашка со странным воротом оказалась на самом деле верхом комбинезона. Человек поглаживал подбородок, и Сет заметил шрамы на kostяшках пальцев, странные белые отметины, словно от ожогов.

— Ну, спасибо тебе, Сет. Большое тебе спасибо.

— Сет? — позвал Оуэн, выглядывая из-за двери в гостиную.

— Вы сказали, что не убьете нас, если я вас впущу, — напомнил Сет.

— Сказал.

— У нас есть бинты, если вы ранены.

— А... нет, я не ранен. Мне не поэтому плохо. Это скорее дилемма, чем рана. — Человек улыбнулся. Нехорошей улыбкой. — Я возьму одного из вас с собой прогуляться. — Он наклонился, уперев руки в колени, и посмотрел Сету в глаза. — Мне все равно кого. Правда, все равно. Но только одного. Не обоих, не никого. — Он показал один палец. — Одного.

— Мы никуда не пойдем, — заявил Сет. — Мама сейчас вернется...

— Один из вас отправится со мной, — перебил его человек. — И точка.

Он перешагнул порог и зашел в кухню. Сет попятился к плите, не отрывая взгляда от человека. Оуэн по-прежнему стоял

вцепившись в дверной косяк, весь съежившийся, белый от страха, и круглыми глазами смотрел на чужого человека посреди родной кухни.

— Вот что я придумал, Сет. — Человека словно осенила гениальная идея. — Я предоставлю тебе выбор. Ты сам выберешь, кто из вас пойдет со мной.

62

— Ой, мистер Сет, — бледнеет Томаш. — Ужас!

— Я подумал, — говорит Сет, не глядя им в глаза, — что я быстрее Оуэна смогу поднять тревогу. И лучше сумею объяснить, что случилось, чтобы они схватили этого типа как можно скорее. Оуэну было всего четыре. Он еще не очень хорошо разговаривал, и я подумал... — Сет поворачивается к могиле. — Не знаю, на самом деле, что я подумал. Вообще не знаю, правда это или версия, которую я сам себе сочинил.

— Но это же невозможно! — взмахивает руками Томаш. — Ты был маленький. Совсем маленький. Как ты мог сделать выбор?

— Достаточно большой, чтобы отдавать себе отчет. И честно говоря... — Сет сглатывает. — Честно говоря, я боялся. Боялся того, что будет, если пойду я, и я сказал...

Он умолкает.

Томаш подается к нему:

— А если этот тип сейчас тебя спросит?

— Что?

— Если этот человек сейчас придет к тебе на кухню и снова задаст свой вопрос. Скажет: или ты, или твой брат, выбирай. Что ты ответишь?

Сет в замешательстве трясет головой:

— К чему ты?..

— Тебя спрашивают сейчас, — настаивает Томаш. — Вот прямо сию секунду, кого взять, тебя или брата. Что ты отвешь?

Сет сдвигает брови:

— Это не одно и...

— Что ты ответишь?

— Чтобы взял меня, конечно!

Томаш удовлетворенно отступает:

— Именно. Потому что теперь ты взрослый. Это взрослый поступок. А тогда ты был маленький.

— Ты тоже был маленький, в том контейнере с мамой. Но ты пытался ее защитить. Я это чувствовал.

— Я был старше. Старше восьми. Я уже был не ребенок.

— Но и не взрослый. Ты и сейчас не взрослый.

Томаш пожимает плечами:

— Ну, есть же что-то посередине.

— Ты не понимаешь, — повышает голос Сет. — Я его убил.

И я только сейчас это выяснил, неужели не ясно? Я-то всегда думал, его нашли живым. Покалеченным, нуждающимся в лечении, что тоже не сахар, но... А теперь... Теперь...

Он поворачивается к могиле. В груди теснит, горло сжимается, дышать нечем, словно все тело сдавливают в тисках.

— Прекрати, — сперва тихо, потом громче повторяет Реджина. — Прекрати, Сет, хватит.

Он качает головой, уши словно ватой забили.

— Ты просто жалеешь себя! — Звенящий от ярости голос прорывается сквозь вату в ушах.

Сет оглядывается на Реджину:

— Что?

— Не винишь же ты себя на самом деле.

Сет смотрит покрасневшими глазами:

— Тогда кого винить?

Брови Реджины взлетают на лоб.

— Убийцу, например, ты, чучело! Или мать, которая оставила дома двух маленьких детей, заведомо неспособных справиться с такой ситуацией.

— Она не знала...

— Какая разница, знала или нет? Ее дело — защищать вас. Ее дело — устроить так, чтобы вы не вляпались ни во что подобное. Это ее обязанность!

— Реджина! — Томаш вздрагивает от зашкаливающей громкости.

— Да, я понимаю, почему ты винишь себя, и представляю, как родители могли в тебе это ощущение вины поддерживать, но ты никогда не думал, что, может быть, дело вообще не в тебе? Может, это твоя мама прокололась? Такое случается даже с хорошими людьми. И не ты своей ошибкой вызвал подобное с собой обращение, а они сами. Может, они попросту забыли о твоем существовании, потому что слишком увязли в собственных проблемах.

— И что, это хорошо, по-твоему?

— Нет, конечно! Не волнуйся, я не собираюсь выбивать у тебя из-под ног почву для самобичевания!

— Реджина, — предупреждает Томаш, — он же только сейчас выяснил, что его брат...

— Но может, — не унимается Реджина, — ты не был для них пупом земли, Сет? Может, они на себе циклились не меньше твоего?

— Эй... — начинает Сет.

— МЫ ВСЕ ТАКИЕ! Все! Такие уж мы есть. Мы думаем о себе.

— Не всегда, — тихо возражает Томаш.

— Достаточно часто! И может, вся эта драма в духе «я сделал неправильный выбор, и родители на всю оставшуюся жизнь от меня отвернулись»... может, тебе просто удобнее так думать, потому что легче?

— Легче? Что здесь легкого?

— Потому что тогда тебе не надо стараться самому! Ты виноват, и все, путь отрезан. Оступился, и лежи отдыхай. Можно не рисковать снова становиться счастливым.

Сет вздрагивает, словно от пощечины:

— Я рискнул стать счастливым. Рискнул!

— Недостаточно, раз все-таки свел счеты с жизнью. Бедняжка Сет, убитые горем родители его не любили. Ты говорил, нам всем хочется чего-то большего! Так вот, что-то еще всегда есть. Всегда есть что-то, чего не знаешь. Может, родители тебя и вправду недостаточно любили, и это паршиво, да, но вовсе не обязательно потому, что ты такой плохой. А просто потому, что на них свалилась страшная беда, и они элементарно с ней не справились.

Сет качает головой:

— Чего ты добиваешься?

Реджина взвывает в отчаянии:

— Сет, пойми, если ты ни в чем не виноват, если ты всего лишь случайно вляпался в какое-то дермо, так от этого никто не застрахован. Томми застрелили в затылок! Меня...

Она прикусывает язык.

— Что? — напирает Сет. — Что тебя?

Реджина смотрит ему в глаза, в ее собственных бушует пламя.

Сет выдерживает.

— Меня столкнул с лестницы отчим.

Томаш изумленно ахает.

— Он пил все больше, — говорит Реджина, не отводя взгляд. — И понемногу распускался. Там пинок, там тычок. Потом начались колотушки. Мама пыталась как-то слаживать, вроде как ничего страшного, а я отбивалась от этого урода. Каждый раз, когда он поднимал руку. Но однажды его переклинило, и он перешел черту. Наверное, и сам не хотел, ушел пок несчастный, так случилось. Он полез меня бить, я сопротивлялась, он столкнул меня с лестницы, я ударила головой и умерла. — Реджина резким движением утирает злые слезы. — И мама, которую я любила больше всех на свете, не помешала. Это была ее обязанность, а она его не остановила.

Реджина оглядывается по сторонам, смотрит на солнце, на травяные джунгли.

— А этот мир? Это дурацкий пустой мир? Мне плевать, даже если это ад. Мне абсолютно фиолетово. Настоящий он или нет, из виртуала мы выпали или откуда, или вообще это все твое больное воображение, Сет, мне плевать! Главное, что я настоящая. И Томми. И даже если это ад... — Она вдруг сдувается, словно из нее выкачали всю энергию. — Может, он и уродский, но тут точно лучше, чем там.

63

— Я не знал. — Томаш берет ее руку своей забинтованной.

— Конечно, откуда бы тебе. — Реджина вытирает нос рукавом. — Я ведь не говорила.

Солнце снова палит вовсю, и Сет в который раз замечает, что не слышно гудения и стрекота насекомых. Даже

ветра нет. Только они втроем посреди безмолвного кладбища.

— Странная мы компашка, а? — высказывается Томаш. — Домашнее насилие, убийство, самоубийство.

— И все практически без повода, — вставляет Реджина.

— Поэтому ты на меня все время злишься? — доходит до Сета. — Потому что я свел счеты с жизнью от жалости к себе? А вот вам обоим на самом деле досталось, да?

Реджина смотрит красноречивым взглядом, не требующим слов.

— Я покончил с собой не из-за того, что случилось с братом. Да, это был ужас, и с годами лучше не становилось, но причина не в этом.

— Тогда в чем? — спрашивает Томаш.

— В том, когда ты рискнул стать счастливым? — догадывается Реджина. — С тем парнем? У него еще такое имя странное.

Сет, помолчав, в конце концов кивает.

— Ну... — Томаш смотрит на надгробие. — Если под историей с братом скрывалось что-то такое, о чем ты не знал, то, может, в той истории тоже было что-то еще? Может, всегда есть что-то еще?

Солнце поднимается выше. Сета потряхивает от всего, что случилось за утро, от этой новой, но до странности знакомой боли, которая стучится в сердце. Он снова без сил, несмотря на спокойный ночной сон. Боль, злость, унижение, горе, тоска.

Но, может, есть что-то еще?

Он оглядывается на надгробие с именем Оуэна — что, если Томаш прав? Там ведь действительно скрывалось что-то, о чем он не подозревал.

А если и с Гудмундом?..

— Не считите занудой, — произносит после паузы Реджина, — но мы весь день тут собираемся стоять? Кое-кого оторвали от завтрака, и кое-кому хотелось бы все-таки поесть, если кое-кто другой не возражает.

— Да, — говорит Сет. — Да, хорошо.

Они молча идут обратно сквозь заросли травы, иногда натыкаясь на невидимые под ней надгробия. Дойдя до низкой стенки, Томаш первым перелезает на другую сторону.

— Ты никогда не думала о том, чтобы попасть обратно? — спрашивает Сет Реджину, которая тоже заносит ногу на стенку.

Реджина замирает:

— Обратно?

— Ну, не обязательно в прежнюю свою жизнь, — уточняет Сет. — Но если это все равно программы и вмешательство в память... — Он передергивает плечами. — Вдруг можно вернуться и там будет лучше?

На застывшем лице Реджины печаль.

— Как ты сможешь, узнав правду, смотреть в глаза родителям? Или брату?

— Это не ответ.

— Вы чего копаетесь? — окликает их Томаш, который не может поднять велосипед забинтованными руками.

— Ничего. Просто у Сета очередная бесполезная идея.

Сет не дает ей договорить.

— ТОМАШ! — кричит он.

Потому что замечает Водителя.

Выбегающего из-за угла часовни с искрящей дубинкой в руках...

Он несется прямо на Томаша.

Томаш оборачивается и, взвизгнув, спотыкается о велосипед в попытке унести ноги. Реджина уже перемахивает через низкую стенку и, топоча, мчится к Томашу.

Сет летит за ней, но им не успеть...

Потому что вот он Водитель, из дубинки сыплются искры и сплохи.

«Он нас поджидал», — мелькает мысль у Сета. Они ведь не слышали двигателя. Значит, он все это время сидел где-то тут. Но откуда он знал?..

Томаш вонзит на польском, боком, по-крабы, отползая в сторону.

— НЕТ! — кричит Реджина. — ТОММИ!

В ее голосе ярость, которая теперь, после ее рассказа, становится более понятной.

Она защищает Томми...

Как не защитили ее саму.

Водитель на удивление плавным движением перелетает через велосипед и, не сбавляя скорости, несется на Томаша...

Реджина развивает невиданную для нее прыть, обгоняя даже Сета...

Но слишком поздно.

Слишком поздно.

Водитель уже рядом с Томашем...

Томаш прикрывает голову забинтованными руками...

Луч света вырывается из опускаемой с размаху дубинки...

Которая обрушивается на подставленную руку Реджины, вклинившаяся между Томашем и Водителем.

Дубинка выстреливает в нее. Реджина испускает нечеловеческий крик, корчась от страшной боли. Рука, грудь и голова опутаны сетью искр и сплохов.

И тут крик обрывается, но эта внезапная оглушительная тишина в сто раз страшнее. Реджина валится на бетон — всем телом, не пытаясь как-то сгруппироваться.

И лежит.

Безжизненно.

64

Сет не думает. Не издает испуганных воплей, не кричит: «Реджина!» — вообще не испускает ни звука.

Просто действует.

Водитель нависает над Реджиной, дубинка в его руке по-прежнему плюется искрами и мигает сплохами, но Сету все равно. Он проскакивает мимо Томаша, который в отчаянии зовет Реджину, и кидается на Водителя, всем весом навалившись на безликую черную фигуру.

Тот замечает его в последний момент и пытается замахнуться дубинкой, но Сет таранит его со всего размаха, и оба падают на землю, дубинка у Водителя вылетает и катится по дороге.

С громким «бум!» они обрушаиваются на бетон. Сет приземляется на Водителя сверху, от удара у него перехватывает дыхание. Словно на стальную колонну плашмя рухнул. Боль пронзает ребра, но Сет, превозмогая ее, пытается придавить Водителя к земле.

Что делать дальше, он не знает...

Ярость, какой он не испытывал никогда в жизни, бушует внутри, словно лесной пожар.

Замахнувшись кулаком, он бьет Водителя в горло — в открытое место под шлемом. Как будто по бетону засадил. Сет вскрикивает от боли, Водитель, выгнувшись, легко сбрасывает его с себя и поднимается на ноги.

Сет снизу ясно видит его грудную клетку, в которую Томаш стрелял из дробовика. Там как-то залатано, однако дыра зияет по-прежнему, немыслимо глубокая.

«С такой дырой не живут».

Томаш в нескольких шагах от него обнимает неподвижную Реджину, рыдая ей в ухо: «Вставай, проснись, проснись!» На лицо его, перекошенное от ужаса и неверия в происходящее, страшно смотреть.

Водитель бежит к откатившейся дубинке. Сет вскакивает и снова кидается на него, понимая, что бесполезно, но ведь нужно же попытаться, нужно же хотя бы что-то...

Однако в этот раз Водитель уже наготове. Развернувшись, он встречает оторвавшегося от земли Сета ударом кулака в висок.

Перед глазами рассыпается фейерверк. Лбу холодно от твердого бетона, а остальное тело, перекрученное винтом, словно не свое.

Шевельнуться — никак: руки и ноги не слушаются, — но Сет все же умудряется повернуть голову. Он видит, как Водитель нереально плавными шагами спешит к валяющейся в стороне дубинке.

Видит, как Томаш с визгом бросается на Водителя.

Видит, как Водитель отмахивается от Томаша, словно от надоедливой осы, сметая его на землю одним небрежным движением.

Видит, как Водитель поднимает дубинку и поворачивается к нему.

«Вот, — мелькает мысль. — Вот она, моя смерть».

Водитель стремительно приближается.

«Прости», — думает Сет, не зная толком, у кого и за что просит прощения.

Однако Водитель останавливается рядом с Реджиной. Делает замысловатый фингер-флэш рукой, и дубинка скрывается в невидимом рукаве. Сет силился приподняться, но боль ударяет в голову, грозя в любую секунду вырубить его окончательно. Он оседает на землю.

Остается только смотреть, как Водитель, опустившись на колени, подхватывает Реджину на руки. Потом встает, поднимая ее крупное, тяжелое тело с легкостью, которая могла бы вызвать улыбку, но вызывает лишь ужас.

Держа Реджину на руках, Водитель оборачивается к Сету с непроницаемым, как обычно, лицом, и последнее, что он видит, прежде чем провалиться в темноту, — это уносящая Реджину черная фигура.

65

— Проснись! — доносится издалека, словно с соседней улицы. — Пожалуйста, пожалуйста, мистер Сет, очнись!

Его шлепают по щекам забинтованными руками (как эти бинты у Томаша еще не размотались?), не больно, однако ощутимо.

— Томаш? — Рот и горло словно вымазаны липкой карамелью с перьями.

— Он ее забрал, мистер Сет! — в истерике кричит Томаш. — Ее нет! Нужно ее найти! Нужно...

— Она... — Чугунная голова Сета не хочет отрываться от земли.

— Пожалуйста! — Томаш тянет его за локоть. — Я знаю, тебе плохо, но нужно его остановить! Он ее убьет!

Сет смотрит на Томаша, жмурясь от боли в черепе:

— Убьет? А он разве уже?.. Она уже разве?..

— Она выключилась, но дышала. Клянусь, что дышала.

— Клянешься? Томаш, ты не путаешь?..

— И огонек у нее мигал. — Томаш изображает пальцами. — Морг-морг-морг-морг-морг. А до этого ни разу, мистер Сет. Вообще не загорался. И он был красный. Не как наши.

— Почему он ее забрал? — Сет с усилием садится, хотя его сильно мутит. — Что он делает?

— А если он ее переподключит? — в ужасе ахает Томаш.

— Переподключит?

Томаш в отчаянии хватается за голову:

— Я понял, мистер Сет! Нас здесь не должно быть! Ты сам сказал. Мы — сбой. Мы тут случайно.

— А он здесь, чтобы исправлять сбои. — Сет дышит через рот, сдерживаясь, чтобы не вырвало. — Вроде надзирателя. Возвращает нас куда положено.

— Он вернет ее в прежнюю жизнь! — кричит Томаш. — Где она уже мертвая!

— Тогда почему он просто не добил ее здесь? Как ту женщину, про которую она сама рассказывала.

— Может, Реджине только показалось, что Водитель уносил ее подругу мертвой?

— Ох, блин! — вырывается у Сета. — Он вернет ее обратно...

Он представляет Реджину, массивную, сердитую, храбрую Реджину, летящую с лестницы, потому что ее толкнул чело-

век, от которого она отбивалась, хотя, по-хорошему, тот вообще не имел права ее и пальцем тронуть.

И ее сейчас вернут обратно прямо в этот момент. Где она снова умрет. Еще раз.

Опираясь на Томаша, Сет поднимается на ноги и смотрит сверху на мальчишку, который готов хоть к черту на рога, чтобы спасти Реджину. И его, Сета, наверное, тоже.

«Это не Оуэн. Это Томаш. А она Реджина. И у нас никого нет, кроме нас самих».

— Пойдем, заберем ее! — хрипит Сет. — И завалим этого урода раз и навсегда.

— Я думаю, он поехал в тюрьму. — Томаш, морщась от боли в руках, поднимает велосипед. — Я слышал, как фургон завелся и укатил.

— А почему не домой к Реджине? — спрашивает Сет, сосредоточенно стараясь не упасть. — Гроб ведь там.

— Не знаю. Может, ему положено присматривать только за теми, кто в тюрьме. И он думает, наше место тоже там.

— Он поджидал нас здесь. Чтобы отвезти обратно.

— Да, — кивает Томаш. — Он знал, что ты придешь сюда. Он знает твои воспоминания.

— Ох, черт, только этого не хватало!

— Нужно поспешать.

— Иду. — Сет делает пару шагов, теряет равновесие, но ему удается устоять.

Томаш смотрит с тревогой, однако взгляд его тут же твердеет.

— Ты должен быть в порядке, мистер Сет. Должен. Даже если тебе совсем худо, нужно ее вытащить. Выбора нет.

Сет останавливается на минуту, закрывает глаза, открывает снова:

— Знаю. Мы не позволим отправить ее обратно. Ни за что.

Глубоко вздохнув, он заставляет себя идти ровнее. Шаг, другой, быстрее — пока не доходит до велосипеда. Перекидывает ногу через раму, в голове короткое затмение, но ничего, проясняется.

— Держишься? — спрашивает Томаш, забираясь на багажник.

— Более-менее.

— Понимаешь, что делаешь?

— Я умею ездить на велике, Томаш.

— Нет. — Томаш утыкается лбом в спину Сета и обхватывает его за пояс, готовясь трогаться. — Вот прямо сейчас понимаешь, что делаешь?

— А что? Что я сейчас делаю?

— Ты кинулся на Водителя, когда он напал на Реджину, — поясняет Томаш. — Я видел. Ты знал, что, может быть, сам умрешь. А теперь ты едешь ее спасать, понимая, насколько он силен и на что способен. Но ты все равно собираешься ее спасать.

— Ну да, само собой, — бросает Сет с раздражением, пытаясь поставить ноги на педали и не свалиться с велосипеда вместе с мальчиком.

— Вот такой ты и есть, — продолжает Томаш. — Ты не тот мальчик, который взамен себя отдает убийце брата. Ты мужчина, который спасет своих друзей. Мужчина, который идет на это без колебаний.

— Друзей... — недоверчиво произносит Сет.

Томаш обхватывает его крепче:

— Да, мистер Сет.

— Друзей, — повторяет Сет уже увереннее.

Сет нажимает на педали, поначалу велосипед виляет под двойным весом, но постепенно ноги работают все быстрее и быстрее.

66

— Она будет там, — словно молитву твердит Томаш за его плечом. — Мы успеем.

— Мы спасем ее, — обнадеживает Сет. — Не волнуйся.

Он крутит педали, объезжая самые высокие сорняки, подпрыгивая на глубоких трещинах. Они едут к дому Сета, за которым притаилась тюрьма.

— Осторожно! — кричит Томаш.

Из-за кочки с травой вылетает вспугнутый фазан. Сет виляет вбок, чуть не заваливая велосипед, но решимость и целеустремленность уже успели добавить ему сил, и он удерживается. Он довезет их с Томашем до станции. Они проедут по пандусу вдоль путей и проберутся как можно глубже на территорию тюрьмы...

А потом?

Ладно, об этом после, пока главное — добраться дотуда. Сет прибавляет скорости, сворачивая на свою улицу.

Неважно, что правда, а что нет, неважно, что это на самом деле за место, настоящий этот мир или все-таки существует лишь у него в голове, главное сейчас только одно — то, что сказал Томаш.

Друзья.

Да, это правильно. Вот это настояще. Друзья, которых он точно не смог бы выдумать. С биографиями, на которые у него просто воображения не хватило бы.

Так что, независимо от всего остального, Реджина и Томаш — настоящие.

В памяти всплывают слова Реджины, и Сет повторяет их про себя твердо, как клятву: «Помни, кто ты такой. И вперед без раздумий».

Они заносят велик по лестнице между домами, перетаскивают через платформу и спускают на кирпичный пандус. Томаш снова обхватывает Сета за пояс, и они быстро преодолевают короткий отрезок до бреши в тюремной стене.

— Почти добрались, — заметно нервничая, бормочет Томаш, когда они пропихивают велосипед в пролом.

— Вряд ли у тебя есть план, да? — на всякий случай спрашивает Сет.

— Ага! — досадливо улыбается Томаш. — Теперь, значит, интересуемся? Когда Томаш столько раз помог нам унести ноги и подкинул массу гениальных идей... Теперь оценили наконец?

— Так есть план? — повторяет Сет, укладывая велик по другую сторону забора, перед лабиринтом пробитых оград.

— Нет, — смущенно признается Томаш, и вид у него становится совсем детский.

— Сколько тебе лет все-таки?

Томаш смотрит на унылые хохолки травы, торчащие из бетона:

— Перед тем как очнуться, мне шел двенадцатый. Как здесь считать, не знаю.

Сет берет его за плечи и разворачивает к себе лицом:

— Считай по поступкам. По ним ты настоящий мужчина.

Томаш на секунду отводит глаза, потом кивает сурово:

— Мы ее спасем!

— Спасем.

Они забираются на велосипед и несутся под горку. Три тюремных корпуса, обрамляющие площадку, при свете дня кажутся меньше. Вместе с темнотой исчезли бесконечные воображаемые закоулки, которые могли в ней скрываться.

«Нет, бесконечные закоулки все под землей», — поправляет сам себя Сет.

— Почему именно под тюрьмой? — задается он вопросом на ходу. — Больше негде было?

— Может, потому что тюрьма надежная? — предполагает Томаш. — И это место должно быть надежным тоже, чтобы все спали без помех. Логика есть, хоть и жуткая.

— Интересно, когда нам здесь наконец попадется не жуткая логика?

— Не знаю, мистер Сет. Надеюсь, что скоро.

Они доезжают до конца дорожки, подскакивая на заросших колдобинах, и приближаются к первому корпусу.

— Не слышу двигателя, — говорит Сет.

Соскочив с велосипеда, они осторожно выглядывают из-за угла на площадку, но там ничего нет — ничего необычного, по крайней мере. Днем здания смотрятся еще более суровыми и неприступными.

— Мы думаем, что она там, внизу? — уточняет Томаш.

— А где еще?

Томаш кивает:

— Тогда ты иди и забери ее, а я поищу фургон.

— Что? — Сет, опешив, даже переспрашивает не сразу. — Спятил?

— Он наверняка где-то здесь. У него тут стоянка.

— И что ты с ним сделаешь?

— Не знаю! Но пока у нас никаких идей. А это хоть что-то. Сет хочет возразить, однако ничего не идет на ум.

— Главное — не пускай к ней Водителя, — говорит Томаш. — Я поищу что-нибудь нам в помощь. А если не получится... — Он пожимает плечами. — Тогда я вернусь, и мы оба погибнем в бою.

Сет морщит лоб:

— Мы не погибнем.

— Я знаю, ты хочешь казаться смелым ради меня, но мы можем. Есть такой риск, когда борешься со смертью. Победа не гарантирована.

— Но мы победим, — твердо заявляет Сет. — Мы не позволим этому уроду забрать Реджину. Просто не позволим.

Томаш расплывается в улыбке: *

— Ей бы понравилось, если бы она тебя услышала. Да, ей бы очень-очень понравилось.

— Томаш, я тебя не пущу...

Но Томаш уворачивается, все с той же улыбкой:

— Как будто я стану спрашивать разрешения.

— Томаш...

— Найди ее, мистер Сет. Я скоро.

Сет стонет с досадой.

— Ладно, только не рискуй зря.

— Где-где, а здесь, по-моему, любой риск не зря, — заявляет Томаш и срывается с места.

Сет смотрит, как он со всех своих коротких ног перебегает площадку и исчезает за дальним углом противоположного корпуса, откуда в прошлый раз появлялся фургон.

— Не пропади, — шепчет Сет. — Только не пропади.

Он вздыхает поглубже для храбрости, потом еще раз, и сам бежит через площадку. Кажется, вот-вот откуда-нибудь выскочит Водитель, но солнце освещает каждый уголок, ничего подозрительного не видно. Сет прислушивается, замерев перед дверью корпуса. Двигателя не слышно, шагов тоже.

Реджины — вопящей, дерущейся, стонущей от боли — тоже.

Сет открывает вход. Стеклянно-молочная внутренняя дверь и лестница не изменились, все так же сияют изнутри. Сет шагает через первый порог и движется ко второму.

Пока ничего, кроме электрического гудения снизу.

Пригнувшись, Сет проходит несколько ступенек. Еще несколько. Вот и поворот между маршрутами. Сердце стучит в груди так громко, что на миг пронзает страшная мысль — вдруг и Водитель слышит?

А потом раздается вопль.

Реджинин.

Сет, не задумываясь, одним махом преодолевает остаток лестницы.

67

Он мчится по нижнему коридору, вписывается, не сбавляя скорости, в последний поворот и выбегает в огромный зал. Кровь стучит в ушах, кулаки сжаты, хоть сейчас в бой.

«Вперед без раздумий», — проносится в голове.

Но Реджины нигде нет. С приступки видно только бесконечные ряды гробов, как и раньше. Вот тот, который он открывал, — теперь накрепко закрытый, как ни в чем не бывало. Залу нет ни конца ни края, и Сет вспоминает сменявшиеся на экране кадры с бесчисленных камер наблюдения.

Она может быть где угодно.

— Реджина! — кричит он, и крик тонет в огромном гулком пространстве.

Тишина. Ответа нет. И воплей больше не слышно.

Сет поворачивается к молочной панели на стене — вдруг удастся снова ее включить? Она загорается от прикосновения, по окнам бегут непонятные строки (а иногда проносятся так быстро, что все равно ничего не разберешь), вокруг мигают картинки с камер, натыканых по всему комплексу.

Но в самом центре экрана застыл один неподвижный кадр. Открытый гроб где-то в глубине необъятного зала.

И в нем Реджина.

А над ней склонился Водитель и обматывает ее бинтами.

— Нет! — Сет судорожно тычет пальцем в экран, пытаясь выяснить, где этот гроб.

Рядом с Реджиной появляется схема расположения, как в прошлый раз, но координаты написаны непонятно. Что значит «2.03.881»? Зал два, третий ряд, гроб 881? И что?

Сет озирается, понимая, что придется искать наугад, оббегать все, пока не найдет, и постараться ее...

Реджина снова кричит.

Он резко разворачивается к экрану. Непохоже, чтобы она отбивалась от Водителя и вообще чувствовала его присутствие. Она кричит опять, и крик доносится не с экрана, а откуда-то из чрева огромного здания.

— Сукин сын! — выпаливает Сет в экран, где Водитель делает свое дело, не обращая внимания на Реджинин страх и вопли. — Я убью тебя! Слышишь? Убью!

Он ударяет кулаком по экрану.

И изображение меняется.

В окне выскакивает Реджинино имя. Реджина Франсуаза Эмерик — и дальше досье. Рост, вес, дата рождения, еще дата — видимо, выхода в виртуал.

И еще одна, обозначенная как «Отключение».

День, когда ее столкнули с лестницы. Без вариантов. Дата смерти, только ошибочная, потому что Реджина не умерла, а очнулась здесь.

«Исконная капсула за пределами охраняемого периметра», — читает Сет. Вот почему Водитель привез ее сюда, а не к ней домой. С опозданием на годы он помещает ее к остальным.

Еще одна строчка вспыхивает мигающим красным: «Ожидается соединение с Летой».

— Лета? — произносит Сет вслух. — С какой стати?..

Он снова шарит взглядом по экрану. Вокруг Реджининого окна столько разных данных, что не разобраться. Сет нажимает «Ожидается соединение с Летой», и выскакивает еще одно окно.

На нем дата «смерти», а под ней «тайм-код повторного подключения».

Сет смотрит на дату.

Перечитывает.

— Не может быть! — шепчет он.

Цифры «переподключения», то есть время, в которое Реджину возвращают в виртуал...

Оно раньше, чем время отключения.

Получается, Водитель отбрасывает ее назад во времени. До момента гибели. Всего на несколько минут, но ДО.

— Как? — Сет жмет на экран в поисках ответов. — Как такое возможно?

«Это программа, — отвечает он сам себе. — И только. Программа, на которую все подписались сами, в которой участвуют все...»

Но все-таки лишь программа.

Если она смогла смоделировать Оуэна, кто знает, что еще ей под силу? Кто сказал, что в виртуале настоящее и прошлое вообще из одной жизни? В конце концов, он сам лично во сне проживал свое прошлое не единожды. И в прошлом Томаша тоже побывал.

И если смерть Реджины — это сбой в системе...

Может, система пытается сама исправлять ошибки.

Может, она поместит Реджину за несколько минут до случившегося и все переиграется заново, но теперь уже как надо.

Она погибнет по-настоящему.

Экран вдруг вспыхивает синим. «Производится запуск Леты», — мигает надпись. На картинке Водитель вкладывает Реджине в рот дыхательную трубку. Вот, значит, как погружают в Лету.

Сейчас она забудет. Забудет его и Томаша. У нее сотрут все из памяти.

А потом система ее убьет. Чтобы восстановить порядок в мире.

— Черта с два! — шипит Сет, нажимая «Производится запуск Леты».

Рядом выскакивает окно с надписью: «Приостановить запуск? Да. Нет.»

Сет жмет на «Да».

— Получи, фашист, гранату!

Водитель на экране оборачивается.

И смотрит прямо в камеру.
Словно в глаза Сету.
А потом пускается бежать.

Сет прислушивается, дожидаясь, откуда донесется топот. Вот и он, стремительно приближается из-за правого угла, но пока еще далекий.

Значит, там и есть Реджина.
Дыхание учащается, сердце снова начинает колотиться. Оружия нет. Отбиваться нечем. Если Водитель до него доберется, одолеть эту тушу нет ни единого шанса.

Но может, удастся сбежать. Все-таки он был неплохим бегуном в свое время.

Сет спрыгивает с приступки и мчится вдоль гробов. В эти секунды главное — не пустить Водителя к Реджине, не дать завершить процесс, который убьет ее по-настоящему. Он поворачивает в дальнем конце зала и бежит туда, откуда слышится топот Водителя. Пригибается, когда видит, как тот тоже заворачивает за угол. Замерев у гроба, Сет готов в любую секунду сорваться и увлечь Водителя за собой.

Но Водитель бежит не за ним. Он бежит по центральному проходу, мимо, даже головы не повернув...

К экрану.
— ЭЙ! — вопит Сет, вскакивая. — Я ЗДЕСЬ!

Водитель не останавливается. Забравшись на приступку, он начинает тыкать в экран — ясное дело, возобновляя Реджинин перезапуск.

Сет лихорадочно озирается, ища, чем бы запутить в Водителя, все равно чем, лишь бы отвлекся. Но вокруг одни гробы, от стены до стены и дальше, за поворот.

Его вдруг осеняет. Тот первый гроб, который он открывал, теперь снова запечатан...

«Водитель приставлен следить. Это его работа. Наводить порядок».

Сет наклоняется над ближайшим гробом и нащупывает зазор, как и в прошлый раз с трудом просовывая пальцы под тугую крышку, налегая всем весом, выталкивая ее неимоверным усилием...

И снова чуть не падает, когда крышка отскакивает. Внутри какой-то замотанный в бинты хлюпик; по трубкам, делая свою неведомую работу, текут мигающие огни. Сет оглядывается на Водителя.

Тот смотрит прямо на него.

А потом отворачивается и выбивает пальцами дробь по экрану.

Гроб перед Сетом начинает закрываться.

— Нет!

Сет пытается удержать крышку, но ее тянет вниз с непреодолимой силой. Водитель возвращается к переподключению Реджины.

— Черт!

Сет отпускает крышку. И тут, в последний момент, приходит новая мысль. Сунувшись в закрывающийся гроб, он хватает руку лежащего там мужчины и перекидывает наружу через бортик. Крышка скользит вниз, вниз, вниз, угрожая расплещь руку...

Однако, едва коснувшись, тут же откидывается обратно.

— Ха! — победно восклицает Сет и поднимает голову.

Водитель снова оборачивается.

И шагает к нему.

— Непорядочек, а? — кричит Сет, перебегая к гробу в соседнем ряду.

Теперь он уже приоровился и справляется с крышкой быстрее и проще. Ухватив руку лежащей в гробу старушки, он перекидывает ее через бортик.

Водитель тем временем укладывает на место руку дядьки, потом нажимает какую-то точку на крышке гроба, и на металлической поверхности загорается небольшой экран. Гроб сразу же захлопывается.

Опустив взгляд на стоящий рядом гроб, Сет жмет в ту же точку. И на крышке тоже обозначается экран.

«Вот, значит, как оно работает». Увидев окно «Открыть для диагностики?», Сет нажимает «Да». Крышка поднимается, являемая на свет спящего внутри темнокожего мужчину среднего возраста. Сет перекидывает его руку через бортик и отбегает от приближающегося Водителя.

Перебираясь из ряда в ряд, Сет наугад открывает гробы и ворочает тела. Водитель следует за ним, восстанавливая порядок.

У него получается быстрее, чем у Сета. Он догоняет.

Подскочив к очередному гробу, Сет откидывает крышку. Внутри лежит миниатюрная бледная женщина. Выдохнув: «Простите!», Сет подхватывает ее на руки, вытаскивает наружу и осторожно укладывает на пол. Гроб начинает прерывисто гудеть и мигать сигнальными огнями, часть из которых бежит по трубкам, подсоединенным к женщине. Сет сжимает несколько трубок в кулаке и замирает в нереальности.

— Это ради спасения друга, — заверяет он обмякшее тело женщины. — Вы все равно, наверное, ничего не вспомните.

Он выдергивает трубки из гроба. Они вылетают на удивление легко, веером разбрызгивая вокруг какие-то жидкости, гели и фонтаны искр, а одна обжигает Сету руку. Зашипев от боли, он роняет трубку...

И едва успевает увернуться от дубинки Водителя, занесенной прямо над его головой...

Сет отскакивает, дубинка обрушивается на пол, оставляя там обугленную метку. Водитель нависает над отпрянувшим Сетом, снова замахиваясь дубинкой...

Но ему приходится обернуться к женщине, вокруг которой разливается лужа разных жидкостей из оборванных трубок.

Сет, воспользовавшись моментом, вскакивает на ноги и бежит. «Простите!» — кричит он на бегу женщине, которую Водитель укладывает обратно в гроб и уже подключает заново трубки, с молниеносной скоростью нажимая разные иконочки на экране...

Сет бежит. Только завернув за угол, из-за которого появился Водитель, он замедляет бег, пораженный увиденным.

Перед ним целое море гробов, так много, что даже на частичный подсчет уйдут часы. Широкие коридоры, соединяющие залы, тянутся так далеко, что глаз не хватает, загибаясь куда-то и уходя в неведомые глубины.

Сет пускается бежать снова, поглядывая по сторонам, ища открытый гроб, но вокруг только закрытые — отполированные, сияющие, гудящие под напряжением протекающей внутри жизни. Водитель явно мастер своего жуткого дела.

Сет рискует оглянуться. Пока не догоняет, но для Водителя это вопрос нескольких секунд. Сет уже у перехода из вто-

рого зала в третий. Притормозив, он открывает очередной гроб, заправски нажимая на крышку, которая тут же откидывается.

Внутри женщина.

С ребенком на руках.

Женщина забинтована так же, как остальные, а вот малыш по-другому — плотно укутан в одеяльце, сделанное словно из синего геля. От него трубки тянутся к матери, которая крепко прижимает маленькое тельце к себе.

Как любая другая мать.

«Вот-вот удастся наладить репродуктивную функцию и деторождение», — обещала тогда женщина из агентства.

Похоже, они успели до того, как все рухнуло. Зачатие по трубкам, роды во сне — как вообще это происходит на практике?

Но дети рождались.

«Надейтесь на будущее», — говорила женщина из агентства. И вот оно, будущее.

Они верили, что будущее настанет.

До него снова доносится топот.

Водитель скоро будет здесь.

Бросив последний взгляд на женщину с ребенком, Сет захлопывает гроб и открывает соседний. Внутри пухлый подросток. Сет выдергивает три-четыре пучка трубок, потом подхватывает тело под плечи, чтобы вытряхнуть из гроба...

По ушам бьет топот Водителя, врывающегося в зал и стремительно мчащегося по проходу.

На волне адреналина Сет рывком переваливает парня на пол. Прислоняется спиной к борту и на всякий случай выдергивает еще несколько трубок.

— Прости, — кидает он парню и несется прочь.

Выбегая из второго зала, он оглядывается...

Водитель тормозит у гроба с парнем.

Но не подходит.

Он смотрит на Сета, разрываясь между двумя неотложными задачами.

На какой-то страшный миг кажется, что сейчас он продолжит погоню.

Но нет, все-таки склоняется над парнем и начинает укладывать его обратно. Сет бежит дальше, понимая, что Водитель наверняка усваивает уроки, и в следующий раз номер с вытаскиванием тела уже не прокатит, а значит, нужно найти Реджину срочно, как можно...

И тут до него доносится ее крик.

— Реджина! — зовет Сет.

Крик донесся из соседнего зала, это точно, из того широкого коридора в дальнем конце. Она должна быть там. Должна!

Она кричит опять.

— Нет! — Сет припускает, как на стометровке. — Нет-нет-нет-нет-нет!

Он летит по коридору. Что сейчас над ним на поверхности, снаружи, — угадать невозможно. Череда залов немыслимо огромная и уходит в неохватные дали. Краешком сознания Сет успевает отметить странность. Когда построили комплекс? Почему именно здесь?

Снова Реджинин крик.

И тут Сет наконец ее замечает.
Справа, в конце ряда, почти у самой дальней стены. Гроб открыт, видно Реджину внутри.

Она выгибается, бьется.

Раньше не билась.

— Реджина!

Как и все остальные, она полуодета, верхняя половина туловища и голова обмотаны бинтами, но джинсы с обувью не тронуты, словно в первую очередь требовалось одно — стереть память. Ну да, неудивительно.

«Память — основа всего этого мутного дела».

Но Реджина сопротивляется, борется с бинтами на глазах, с трубкой во рту, которая ничуть не заглушает рвущийся из горла вопль...

— Я иду! — кричит Сет.

Подбежав, он вытаскивает трубку. Реджина тут же захочется в приступе отчаянного кашля.

— Реджина! Реджина, ты меня слышишь?

Она кричит, так громко, что уши закладывает. Руки молотят вслепую, по воздуху, по нему, куда попало.

— Ты меня слышишь?

Реджина вырывается в ужасе и снова голосит во все горло.

— Блин, Реджина!

Сет в растерянности отступает, оглядываясь на ряды гробов, на широкий центральный проход, ведущий из соседнего зала в черт его знает сколько следующих. Водителя пока не слышно, но ведь ясно, что вот-вот заявится.

— Прости. — Сет перехватывает запястья Реджины и за клинивает одной рукой. Удержать удается с трудом, а принуждение только разжигает ее ярость. — Прости, прости, про-

сти, — твердит Сет, свободной рукой пытаясь нащупать кончик бинтов на затылке девочки. — Сейчас ты меня увидишь, и все встанет на место, я обещаю...

Ладонь задевает судорожно пульсирующий красный огонек на Реджининой шее...

И в тот же миг перед глазами все меркнет.

68

— Ты — никто, — говорит мужчина. — Ты жирная. Ты уродина. На тебя никогда ни один парень не взглянет.

— На меня многие глядят, — возражает она, но в желудке шевелится страх.

Она смотрит, как его руки сжимаются в кулаки. Она крупная, но он крупнее и не боится пускать свои кулаки в ход, как только что, когда он обрушил их на маму за недостаточно горячий чай. Реджина тут же вылетела из-за стола и понеслась по лестнице наверх, а он за ней с громким ором.

Обычно он неповоротлив, когда напьется, но она стормозила, отыскивая телефон и деньги, а когда вышла, он уже тут как тут, караулил ее на лестнице.

— Никто на тебя не взглянет, — выплевывает он. — Пропишмандовка!

— Пропусти! — требует она, сама сжимая кулаки. — С дороги, или богом клянусь...

Он ухмыляется. Розовое поросячье лицо, налитое идиотским хмельным самодовольством, белобрысые сосульки, которые вечно выглядят сальными, хоть мытые, хоть немытые.

— «Или богом клянусь» что?

Она не отвечает и не двигается с места.

Он отступает на шаг и, паясничая, склоняется в издевательском полупоклоне, пропуская Реджину на лестницу:

— Ну, иди. Мне не жалко.

Она выдыхает через нос, каждый нерв — как оголенный провод. Нужно просто пройти мимо него, и все дела. Ну, стужнет, ну, увернешься от тычка, а может, ничего и не будет, куда ему пьяному...

Реджина резко кидается вперед. Он отшатывается от неожиданности (как она и рассчитывала), и вот она уже на верхней ступеньке...

— Жирная корова! — орет он.

Она чувствует удар еще до того, как кулак попадает в плечо, чувствует движение воздуха за спиной...

Пытается увернуться, но для этого она неудачно стоит...

Кулак попадает в цель...

Она падает...

Падает...

Твердые ступени летят навстречу слишком быстро, быстро, быстро...

Из груди рвется крик...

— Ты — никто, — говорит мужчина. — Ты жирная. Ты уродина. На тебя никогда ни один парень не взглянет.

— На меня многие глядят, — возражает она, но в желудке шевелится страх.

Она смотрит, как его руки сжимаются в кулаки. Она крупная, но он крупнее и не боится пускать свои кулаки в ход, как только что, когда он обрушил их на маму за недостаточно горячий чай. Реджина тут же вылетела из-за стола и понеслась по лестнице наверх, а он за ней с громким ором.

Обычно он неповоротлив, когда напьется, но она стормозила, отыскивая телефон и деньги, а когда вышла, он уже тут как тут, караулил ее на лестнице.

— Никто на тебя не взглянет, — выплевывает он. — Прощмандовка!

— Пропусти! — требует она, сама сжимая кулаки. — С дороги, или богом клянусь...

Он ухмыляется. Розовое поросячье лицо, налитое идиотским хмельным самодовольством, белобрысые сосульки, которые вечно выглядят сальными, хоть мытые, хоть немытые.

— «Или богом клянусь» что?

Она не отвечает и не двигается с места.

Он отступает на шаг и, паясничая, склоняется в издевательском полупоклоне, пропуская Реджину на лестницу:

— Ну, иди. Мне не жалко.

Она выдыхает через нос, каждый нерв — как оголенный провод. Нужно просто пройти мимо него, и все дела. Ну, стукнет, ну, увернешься от тычка, а может, ничего и не будет, куда ему пьяному...

Реджина резко кидается вперед. Он отшатывается от неожиданности (как она и рассчитывала), и вот она уже на верхней ступеньке...

— Жирная корова! — орет он.

Она чувствует удар еще до того, как кулак попадает в плечо, чувствует движение воздуха за спиной...

Пытается увернуться, но для этого она неудачно стоит...

Кулак попадает в цель...

Она падает...

Падает...

Твердые ступени летят навстречу слишком быстро, быстро, быстро...

Из груди рвется крик...

— Ты — никто, — говорит мужчина. — Ты жирная. Ты уродина. На тебя никогда ни один парень не взглянет.

— На меня многие глядят, — возражает она, но в желудке шевелится страх.

Она смотрит, как его руки сжимаются в кулаки. Она крупная, но он крупнее и не боится пускать свои кулаки в ход, как только что, когда он обрушил их на маму за недостаточно горячий чай. Реджина тут же вылетела из-за стола и понеслась по лестнице наверх, а он за ней с громким ором.

Обычно он неповоротлив, когда напьется, но она стормозила, отыскивая телефон и деньги, а когда вышла, он уже тут как тут, караулил ее на лестнице.

— Никто на тебя не взглянет, — выплевывает он. — Пропишмандовка!

— Пропусти! — требует она, сама сжимая кулаки. — С дороги, или богом клянусь...

Он ухмыляется. Розовое поросячье лицо, налитое идиотским хмельным самодовольством, белобрысые сосульки, которые вечно выглядят сальными, хоть мытые, хоть немытые.

— «Или богом клянусь» что?

69

Сет снова в зале с гробами, хватает ртом воздух. Реджина, мотая головой в беспамятстве, сбросила его ладонь с затылка, разорвав связь.

Она снова кричит.

«Неудивительно», — с ужасом думает Сет. Она застряла в жуткой временной петле, раз за разом переживая самый худший момент своей жизни.

Умирая снова, снова и снова.

Он еще чувствует ее страх, боль от удара кулаком, ужас полета по ступеням, неверие в происходящее...

Нужно как-то выдернуть ее оттуда...

— Сет?

Он застывает. Голос у Реджины слабый, отчаянный, испуганный. На глазах по-прежнему бинты, но биться она перестала.

— Сет, это ты?

— Я здесь. — Он хватает ее за руки, чтобы она убедилась. — Я здесь, Реджина. Нужно тебя вытащить отсюда. Поскорее.

— Где мы? Ничего не вижу. У меня что-то на глазах...

— Ты забинтована. Сейчас. — Сет поворачивает Реджинину голову, подцепляет край пластыря и начинает разматывать. — Мы под землей. Под тюрьмой.

— Сет... — Он как раз дошел до нижнего слоя и начинает осторожно отлеплять пластырь с Реджининых век. — Сет, я...

— Знаю. Я видел. Но нам нужно...

И тут за спиной снова слышится топот. Сет оборачивается. Водитель вбегает в зал.

Замечает их.

И останавливается.

Стоит прямо посреди центрального проезда и не сводит с них своего безликого визора.

— Нет... — шепчет Реджина. Она как раз отклеила остатки пластыря и видит то же, что и Сет.

Сет озирается. Бежать некуда. Они загнаны в угол, и, судя по Реджининому лицу, она это тоже понимает.

— Беги, — говорит она. Голос хриплый, в глазах слезы — такой слабой он ее еще не видел. — Я вряд ли смогу. Совсем дохлая. А ты выбирайся.

— Не придумывай.

— Ты же пришел за мной, — мотает головой Реджина. — И достаточно. Ты даже не понимаешь, насколько достаточно. Что ты выбрал именно это...

— Реджина...

— Ты умудрился разорвать петлю. Ты уже меня спас!

— Я тебя тут не оставлю. — Сет повышает голос.

Шаги грохочут снова. Водитель идет к ним. Медленно. До-стает дубинку, сыплются искры.

— Все, — выдыхает Реджина. — Он победил.

— Не победил, — протестует Сет. — Пока нет.

Но он и сам себе не верит.

Почувствовав прикосновение, он опускает глаза. Реджина взяла его за руку. И сжимает. Крепко.

Он сжимает ее ладонь в ответ.

Водитель уже на середине широкого центрального прое-зда, и черный визор нацелен прямо на них. Сет знает откуда-то, что в этот раз Водитель его не упустит. Не станет отвле-каться на гробы, хоть как их перевороши. Бросится прямой наводкой, и его не перегонишь, не переборешь и не остано-вишь.

Но он попытается. Все равно попытается.

— Томми в безопасности? — вполголоса спрашивает Ред-жина.

— Он убежал. Сказал, может, придумает что-нибудь.

— Значит, должен прибежать и спасти нас в последнюю секунду?

Сет против воли расплывается в отчаянной улыбке:

— Если это все плод моего воображения, то непременно.

В моей версии предусмотрен хеппи-энд.

— Впервые за все время хочется, чтобы получилось по-твоему.

Водитель уже совсем близко. Он останавливается снова, словно упиваясь беспомощностью жертв.

Сет сильнее сжимает руку Реджина:

— Мы не сдадимся. До самого конца.

Реджина кивает:

— До конца.

Водитель встрыхивает рукой. Дубинка удлиняется вдвое, искры и всполохи сыплются еще яростнее.

Сет покрепче упирается ступнями в пол, готовясь драсться.

— Сет? — окликает Реджина.

— Что?

Но ответа он не слышит...

Потому что зал наполняется визгливым воем, сперва негромким, но постепенно нарастающим...

Водитель поворачивается к проезду, уходящему дальше, в следующие залы...

Потому что звук доносится именно оттуда...

И стремительно усиливается...

Водитель бежит...

Но недостаточно быстро...

Из-за поворота на головокружительной скорости вылетает черный фургон и на полном ходу врезается в Водителя, моментально отрывая ему ногу. Фургон толкает безликую

черную фигуру по широкому центральному проезду и пригвождает к дальней стене...

Водитель еще успевает трепыхнуться. Колеса фургона, дымясь, буксуют на бетонном полу, бампер вдавливает Водителя в стену...

И он наконец обмякает на капоте, роняя дубинку, которая с грохотом катится по полу.

Водитель не шевелится.

Колеса постепенно останавливаются.

Сет с Реджиной, остолбенев, смотрят на вылезающую из-за перекошенной дверцы щуплую фигурку.

— Все целы? — спрашивает Томаш.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

70

Томаш обхватывает Реджину за талию забинтованными руками и прижимается так крепко, словно не отпустит никогда:

— Я рад. Как же я рад!

— Я тоже рада, — признается Реджина, утыкаясь лицом в воронье гнездо на голове мальчишки.

Сет в оцепенении моргает глазами. Томаш, все-таки отлепившись от Реджины, заключает его в объятия, сдавливая так, будто хочет выжать весь воздух из легких:

— Это ты! Ты сказал, что мы ее спасем, и мы спасли!

— В основном как раз ты, — признает Сет, оглядываясь на врезавшийся в стену фургон за рядами гробов и неподвижного Водителя, обмякшего на капоте. — В последнюю секунду. — Он смотрит на обоих друзей. — Опять!

Томаш ловит взгляд Реджины:

— Ему опять кажется, мы выдуманные.

— Может, он и прав, — говорит Реджина. — Как ты умудрился найти фургон да еще загнать его под землю?

— Не так уж и трудно, — пожимает плечами Томаш. — Мы же догадывались, что он припаркован где-то рядом с тюрьмой. Оставалось только отыскать.

— И завести, — подхватывает Сет. — И доехать...

— Ну, да, хорошо, там странновато получилось. Дверь все еще болтается, я сел, оно и завелось само. Я ничего не делал, он сам завелся. Потом начали зажигаться экраны с непонятными вопросами — слова-то понятные, а смысл нет. Цифры

какие-то, картинки с камер — огромные залы со всеми этими гробами...

— Да, — кивает Сет. — Я тоже видел.

— А потом такая мигающая рамка «Отправиться к помехе?». В виде вопроса. До меня доходит, что помеха — это наверняка ты, и я говорю «да», то есть жму на эту рамку, и машина едет! Я чуть не вывалился, когда она разогналась. — Томаш изображает всем телом, как его мотало по кабине. — И мы пролетели через все выжженные кварталы, нырнули в подземный гараж, а потом все вниз, и вниз, и вниз — я даже опомниться не успел. — Он разводит руками — мол, остальное вы и сами знаете. — И вот мы уже в зале. А тут Водитель, прямо посреди прохода, и я хватаюсь за руль, чтобы фургон не свернул, и наваливаюсь изо всех сил на педаль газа, и — бумс! — мы в него врезаемся. — Томаш хлопает в ладоши, изображая удар. — А потом впечатываемся в стену. — Он трет макушку. — Тряхнуло хорошо.

— Ты молодец! — хвалит Реджина. — Отлично справился.

— Да, — соглашается Сет. — Даже лучше, чем отлично.

«На удивление отлично, — договаривает он про себя. — Подозрительно отлично».

Но, с другой стороны, «маловероятно» еще не значит «невозможно»...

— Никто, конечно, не видел мою футболку? — интересуется Реджина.

— Вот. — Томаш подхватывает ворох одежды, валяющейся у гроба. — Только она вся порванная. К сожалению.

— Она мне все равно особо не нравилась. — Реджина натягивает на себя лохмотья.

— Ты как, нормально? — спрашивает Томаш.

Реджина отвечает не сразу, и в образовавшейся паузе Сету кажется, что она не захочет рассказывать вовсе.

— Сет видел, — наконец произносит она. — Видел, как я умерла.

Томаш поворачивается к нему, расширив глаза:

— И как я — тоже!

— Угу, повезло мне... — бормочет Сет.

— Я тебя чувствовала, — говорит Реджина.

— Правда? — Такого Сет не ожидал.

— Да! — подтверждает Томаш. — Я тебя тоже чувствовал тогда. Когда переживал заново.

— И почему-то мне этого хватило. — Реджина устало трет глаза ладонями. — Не знаю, как объяснить. Это был кошмар. Снова встретиться с этим уродом. Прокручивать все раз за разом... — Она смотрит на Сета. — Но потом я почувствовала, что ты тоже там. И я поняла... Кажется, просто поняла, что кто-то обо мне вспомнил.

Томаш кивает:

— Это самое замечательное.

— Не сказать, чтобы сразу все стало зашибись. Кошмар остался кошмаром. Но появилось чувство, что у меня хотя бы свидетель есть, который пытался вмешаться. Как-то меня защищить...

Она хмурится. Глаза ее снова наполняются слезами, зреет инстинктивная злость.

— Я понимаю, — говорит Сет.

Реджина смотрит на него почти обвиняющее:

— Неужели?

Сет кивает:

— Кажется, наконец да.

Они идут мимо гробов к центральному проходу, Сет впереди, Томаш в середине, Реджина замыкает, стискивая на груди лохмотья футболки.

Со стороны фургона никакого движения.

— Нога.

Томаш показывает на оторванную конечность. Ее отрезало у бедра, оттуда сочится на пол вязкая темная жидкость. Явно не кровь.

— Смазка, — определяет Реджина. — Механика. Гораздо более продвинутая, чем в виртуальном мире.

— Угу, — задумчиво соглашается Сет.

— Терпеть не могу этот твой тон, — заявляет Реджина. — Подозрительный такой весь из себя.

Они медленно приближаются к фургону. Над капотом, где распластался Водитель, клубится дым и сыплются искры. Одна рука, похоже, вывихнута, а голова повернута под таким углом, что шея должна, просто обязана быть сломанной.

— Ух ты!

Сет с Реджиной оглядываются на Томаша, который вытаскивает закатившуюся за соседний гроб дубинку.

— Осторожнее! — рявкает Реджина.

Томаш закатывает глаза:

— Сколько раз мне еще всех спаси, чтобы вы перестали обращаться со мной как с грудным? Сколько раз еще.. Ай!

Он роняет дубинку, стрельнувшую электрическим разрядом прямо ему в лицо. Ударившись об пол, она с щелчком складывается обратно, уменьшаясь до прежних размеров.

— Живой? — спрашивает Реджина, стараясь не засмеяться.

— Дурацкая штука, — ворчит Томаш, держась за щеку.

Сложившаяся дубинка вроде бы лежит смирно, и Томаш подхватывает ее с пола. Сет с Реджиной не возражают — если кто и заслужил взять ее себе, то именно Томаш.

Фургон горит, от дыма уже начинает першить в горле. Тягучая жидкость заливает капот и капает с боков. Водитель явно мертв, но Сет ловит себя (и Реджину с Томашем) на том, что слегка притормаживает, будто черная фигура может в любую секунду ожить и наброситься на них.

«По закону жанра так и положено, — думает Сет. — Злодей, которого никак не прикончишь. Который лезет к тебе снова и снова. Как раз так и должно быть по логике разыгравшегося воображения, если это именно оно тут распоряжается».

Разве что...

Разве что, разве что, разве что...

— Мне нужно посмотреть, — говорит он вслух.

— Что посмотреть?

— Что у него под шлемом. Я хочу видеть, кому это мы не даем покоя. — Он шагает к фургону. — Сейчас посмотрим...

И тут фургон взрывается.

71

Вялые искры вдруг вспыхивают яркой дугой, подпаливая лужу тягучей жидкости рядом с колесом. Раздается на удивление тихое «ууууф»...

А затем все поглощает огненный шар.

Беглецов отбрасывает назад, обдавая пламенем...

Но вспышка тут же оседает, огненный шар съеживается еще в тот момент, когда они валятся на пол, газовые языки прогорают, и остается только сам огонь, пляшущий по конту-

ру лужи перед фургоном, однако довольно сильный и жаркий.

Водитель скрыт за огненной стеной.

— Совсем очумели? — откашливаясь, бормочет Сет.

Но Томаш уже вскакивает на ноги, в панике оглядывая стоящие вокруг гробы:

— Люди! Они же сгорят! Они...

Из раскрывающихся в потолке люков начинает дождем хлестать вода. Через секунду все промокают до нитки, упругие струи барабанят по сияющим гладким гробам. Пламя затухает почти мгновенно, но вода все льется. Клубы дыма от фургона мешаются с паром, заполняя весь зал.

— Ядовитая какая дрянь, — кривится Томаш.

— Наверняка, — подтверждает Реджина. — Не похоже, чтобы тут обошлись обычным металлом.

Сет не отрываясь смотрит туда, где за стеной дыма и пара исчез Водитель.

— Я хотел посмотреть, какой он. Под шлемом.

— Мы его прибили. — Реджина дрожит под струями воды. — Может, хватит с него?

Проезд, ведущий обратно к выходу, перекрыт ядовитым паром.

— Придется выбираться через тот гараж, по которому я сюда попал, — говорит Томаш.

Реджина протягивает ему руку. Томаш берет ее. Оба выжившие смотрят на Сета.

— Угу. — Сет не в силах оторвать взгляд от клубящегося дыма. — Ага, иду.

Они шагают обратно по центральному проезду. В следующем зале дождь с потолка прекращается, однако, обернув-

вшись, Сет все равно ничего не может разглядеть. Они идут дальше и дальше, оставляя позади ряд за рядом гробов. Сет то и дело оборачивается, но до пандуса, ведущего на поверхность, они добираются много-много залов спустя, и оттуда Водителя, разумеется, давно не видно.

Во время подъема они почти не разговаривают, особенно Сет, думающий о своем. Пандус закручивается спиралью, и чем выше, тем настойчивее верхний мир дает о себе знать тонкими слоями пыли и грязи.

— Ты помнила, кто ты? — спрашивает Сет Реджину на очередном витке. — Ты сказала, что чувствовала меня, а этот мир ты помнила?

— Вообще-то да. Было ощущение несправедливости, что я опять там. Крутилась мысль, что мне нельзя здесь умирать. Если я умру здесь, то умру и там. Так что, получается, помнила.

— Мне кажется, там время может идти по-другому, — предполагает Сет. — То есть прошлое там ближе, чем здесь, в реале. А может, там просто происходит все одновременно, по кругу, снова и снова.

Реджина смотрит на него:

— Я понимаю, о чем ты.

— О чем? — тут же подскакивает Томаш.

Сет не сбавляет шага:

— На экране было написано, что система погружает тебя в Лету. Процесс забвения.

— Но не погрузила, — осторожно говорит Реджина. — Я все помнила. А это значит...

— Это значит, — подхватывает Сет, но не договаривает.

— Что значит? — возмущается Томаш. — Я не люблю, когда от меня утаивают.

— Тс-с-с... — шепчет Реджина. — Потом.

Она требовательно смотрит на Сета. Но тот молча шагает по пандусу, виток за витком. Эта часть подземного хранилища явно глубже, чем та, у тюрьмы.

Он размышляет обо всем, что произошло, и о том, как оно произошло. Обо всем, что привело их сюда. Они втроем поднимаются по пандусу к свету — и вот оно, солнце, встречает их у выхода, и Реджина громко выдыхает с облегчением. Обо всем, что вело их, его лично, вот сюда, вот сейчас.

И глядя на солнце, озаряющее покрытое пеплом пожарище, Сет, к удивлению своему (а может, и без особого удивления), чувствует, как зреет у него идея.

Потому что, может, этот мир означает одно.

А может, другое.

А может, вовсе третье, о чем они даже не предполагали.

Но кажется, он знает, что делать дальше.

— Домой? — спрашивает Реджина.

Она обращается к Томашу, но Сет едва удерживается, чтобы не кивнуть.

72

Всю долгую дорогу до дома Реджинны Томаш снова и снова пересказывает, как он их спас, с каждым разом представая во все более героическом свете, пока наконец Реджина не обрывает его:

— Да ладно тебе, ты просто нашел припаркованную машину и сел за руль. Делов-то!

У Томаша на лице неподдельный ужас.

— Вы никогда не цените...

— Спасибо, Томми, — внезапно расплывается в улыбке Реджина. — Спасибо за то, что нашел припаркованный фургон, сел за руль и спас нас в последнюю секунду. Огромное-преогромное спасибо за то, что спас мне жизнь.

Томаш смущенно розовеет:

— Да не за что.

— И от меня тоже спасибо, — вставляет Сет.

— А ты и сам здорово постарался, — великодушно делится славой Томаш. — Отвлекал этого урода, пока я не приехал вас спасать.

— Удивительно, как тебе хватило роста достать до педали газа, — говорит Реджина задумчиво.

— Да, — признает Томаш, — достал с трудом. Пришлось тянуться.

Они добираются до железной дороги и идут на север вдоль путей. Реджина то и дело похлопывает по карманам, и каждый раз напрасно. Перехватив взгляд Сета, она сердито сверкает глазами:

— Что, неужели даже после сотен смертей подряд я не заслужила одну жалкую сигарету?

— Я молчу.

— А я не молчу, — качает головой Томаш. — Ты столько раз обманула смерть сегодня, обмани еще разок.

— А тебя не спрашивают, — огрызается Реджина, но куда мягче обычного.

Они шагают почти час. Когда позади остается полуразрушенный железнодорожный мост и показывается супермаркет, Сет предлагает зайти к нему домой, но Реджина

по-прежнему дрожит даже на солнцепеке и хочет поскорее избавиться от бинтов, так что они переходят дорогу там, где видели оленей, и поворачивают к Реджининому дому.

— Все время жду, что он откуда-нибудь выскочит, — признается Реджина шепотом у дорожки к крыльцу. — Такое ощущение, что от него нельзя вот так просто избавиться.

— Это, по-твоему, просто? — возмущается Томаш.

— В выдуманной истории так и было бы, — подтверждает Сет. — Нападение, когда уже не ждешь. Злодей, которого никак не истребить.

— Ну что ты гонишь?

— Ты же сама так думаешь.

— Еще чего! — Вид у Реджины вызывающий. — Я знаю, что я настоящая. И это погружение в виртуал как раз подтверждает, что я права.

Они подходят к дому, и действительно, никаких неожиданностей на крыльце их не подстерегает. Гостиная выглядит прежней, Реджинин гроб в центре, вокруг тесным кольцом диван и кресла. Реджина идет наверх переодеваться, а Томаш — на кухню, кашеварить.

Сет садится на диван перед гробом. Слышно, как Томаш гремит посудой, чертыхаясь по-польски, когда не получается разжечь маленькую газовую плитку с первой пары попыток. Наверху шумит вода в ванной — Реджина смывает с себя кошмар пережитого.

Забавные они оба — и непростые.

При мысли о них у Сета сжимается сердце.

Но прислушавшись к себе, он понимает, что это не горькая боль. Совсем не горькая.

И он улыбается краем губ. А потом надавливает на крышку гроба, как делал в тюрьме.

С третьего-четвертого раза экран загорается — рябит, но изображение разобрать можно.

Чуть погодя Томаш выходит из кухни с двумя дымящимися тарелками в руках.

— Праздничный ужин, — возвещает он, вручая одну Сету. — Хот-доги, кукуруза и чили кон карне.

— Тебе смешно, а для американца это на самом деле почти барбекю.

— Да, я же забываю все время, что ты американец.

— Ну, не особенно-то я...

— РЕДЖИНА! — кричит Томаш так, что у Сета уши закладывает. — Ужин готов!

— Я вообще-то здесь, — говорит Реджина, спускаясь по лестнице в свежей одежде и промокая волосы полотенцем.

— На кухне, — добавляет Томаш. — Подогревается на плитке.

— Отличный способ спалить дом дотла.

— Всегда пожалуйста, — поет Томаш в ответ.

Какое-то время они молча едят.

Томаш заканчивает первым и, удовлетворенно рыгнув, ставит тарелку на приставной столик:

— Ну что? Что теперь будем делать?

— Я бы спспала неделю. Или месяц.

— Я думал, может, сходить в супермаркет, — предлагает Томаш. — Мы ведь туда так и не вернулись. А там столько еды и разных полезных штук.

— Точно, мне бы не помешало еще...

— Только не сигарет! — перебивает Томаш. — Ты снова живая. Мы тебя спасли. Давай ты бросишь курить по такому случаю. Отпразднуем.

— Вообще-то, — задумывается Реджина, — может, нам и вправду стоит отпраздновать.

Томаш оглядывается на нее удивленно:

— Ты имеешь в виду?..

— Вот-вот.

— Что опять за тайны? — спрашивает Сет.

Реджина забирает у него тарелку и несет на кухню.

— Есть вещи, которым годы идут только на пользу, — улыбается она.

Сет смотрит на Томаша — тот расплывается в улыбке до ушей.

— О чем она?

— Об особых поводах! — Мальчишка вдруг серьезнеет. — Хотя тут с ними негусто.

Реджина появляется в дверях кухни — в одной руке бутылка вина, в другой — три кофейные чашки.

— Холодильников у нас нет, так что, надеюсь, вы любите красное.

Откупорив бутылку до ужаса ржавым штопором, она наливает полную чашку себе и Сету, полчашки Томашу, который тут же откликается возмущенным «Эй!».

— Добавь ему, — просит Сет. — Он заслужил.

Реджина скептически щурится, но все же доливает, и они поднимают чашки в неловком тосте.

— За то, что мы живы! — произносит Реджина.

— Снова, — добавляет Сет.

— Na zdrowie, — заканчивает Томаш.

Они делают по глотку. Томаш сразу же сплевывает обратно в чашку:

— Фу-у-у! И люди это пьют?

— Ты на причастиях разве не пробовал? — удивляется Реджина. — Мне казалось, поляки все католики.

— Ну да. Но я думал, вино для причастия специально делают противным, чтобы все пили по чуть-чуть. А вот настоящее...

— Должно быть похоже на виноградный сок, — заканчивает за него Реджина.

Томаш кивает.

— Ничего общего, — вздыхает мальчишка. Он принюхивается к чашке и делает еще глоток, на этот раз совсем маленький. — Жуть!

Потом отпивает еще.

Сет пьет свое. Дома ему иногда наливали вина за ужином, к вящему ужасу решительно неевропейских родителей одноклассников. Оно ему никогда особенно не нравилось — слишком уксусное, но здесь, сейчас, это даже не напиток, а символ, ритуал, и здесь оно его радует.

А вот Реджина едва пригубила. Долго держит чашку в руках, потом ставит на стол.

— Не нравится? — спрашивает Сет. — Оно неплохое. Тяжеловатое, но...

— Он пил, — говорит Реджина. — От него всегда несло... Даже в воспоминаниях этот перегар. Я не думала, что на меня так действует, я ведь пробовала раньше. А вот.

— А вот, — соглашается Сет и тоже ставит чашку на стол.

Томаш следует их примеру.

Реджина скребет ногтем несуществующее пятнышко на штанах:

— Как думаете, он тоже где-то тут? Мне до конца не верилось, но теперь... По идее, должен быть, да?

— Мои родители тут, — говорит Сет. — Я их видел на экране. Где-то там лежат. Живут себе дальше.

— И моя мама тоже. Тянет на себе дерымового мужа и гибель дочери. — Реджина заминает какую-то бурную эмоцию кашлем, но на лице ее мрачный немой вопрос.

— Моя мама умерла, — будничным тоном сообщает Томаш. — Но я обрел новую семью! Сестру и брата.

— Сводного брата, — поправляет Реджина, улыбкой останавливая протесты Томаша. — Ну ладно, наполовину брата. Приемного.

— Хм... По-моему, мы тут все приемные, — высказывается Томаш.

— Я, кстати, видел младенца, — вспоминает Сет. — В одном из гробов. С матерью.

Оба уставляются на него в изумлении.

— Как такое вообще можно сделать? — поражается Томаш.

— Наверное, есть способы, — пожимает плечами Сет. — Но, в любом случае, они верили в будущее. — Он подается вперед, опираясь на стоящий перед ним гроб. — Сейчас расскажу.

Томаш ждет спокойно, а вот Реджина напрягается, словно готовясь к худшему.

— Вот, — продолжает Сет. — Я видел, как погибли вы оба. Не нарочно, но видел. — Он барабанит пальцами по гробу, от-

водя взгляд. — Так что, наверное, будет честно, если я расскажу про свою смерть.

И он начинает рассказывать.

Все без утайки.

До самого конца.

73

— К тебе гости, — коротко бросила мама в дверях его комнаты одним субботним утром.

«Гудмунд», — подумал Сет. Сердце в груди подпрыгнуло так, что закружилась голова. Они не виделись с того самого вечера несколько недель назад, когда Гудмунд обещал, что они не потеряют друг друга из виду и что будущее ждет их, нужно только настроиться.

Однако с тех пор мобильный Гудмунда — то ли конфискованный, то ли сменивший номер — не отвечал, как и все адреса его электронной почты. Хотя что стоит попросить телефон у кого-нибудь из новых одноклассников или завести себе поддельный ящик? В наши дни отрубить связь человеку невозможно.

Но Гудмунд молчал.

И вот сейчас... Сет вылетел из кровати и рванул на себя дверь...

На пороге стоял Оуэн.

— Привет, Сет, — сказал брат.

Сет мягко отодвинул Оуэна с дороги:

— Пусти. Ко мне...

— Я сочинил песню для кларнета.

— Оуэн, потом!

Сет сбежал по лестнице и с горящими глазами вылетел в гостиную:

— Гудмунд, черт, я уж и не думал...

Он замер на полуслове. Это был не Гудмунд.

— Эйч...

Лицо обдало жаром, Сет почувствовал ползущий по шее предательский румянец.

Однако к смущению примешивалась злость.

Эйч с ним не разговаривал, в упор замечать не хотел с тех самых пор, как Моника разослала снимок. Волна издевательств в школе постепенно схлынула, но вокруг Сета словно минное поле образовалось, через которое никто даже при желании не смог бы к нему пробиться. Сет всегда знал, что Эйч у них самое слабое звено, что именно ему окажется невыносимо ассоциироваться с двумя парнями, которые, как выяснилось, чпокаются друг с другом.

Но ведь он хороший? Сету казалось, что за всей этой клоунадой и дурацкими приколами скрывается нормальный, порядочный человек. И от этого бойкот ранил ещельнее.

— Это не он, это я, — подтвердил Эйч, ссгутившийся на диване под той жуткой картиной Сетова дяди, которая его тоже пугала в более мелком возрасте. Даже куртку не снял. — Я его не видел.

Они были в комнате одни. Мама исчезла незнамо куда, а отец, как всегда, стучал на кухне.

Молчание затягивалось.

— Если хочешь, я уйду, — наконец произнес Эйч.

— Зачем пришел?

— Я должен тебе кое-что сказать. Не знаю даже, надо ли... Но все-таки.

— Все-таки что?

— Все-таки, может, да.

После секундного колебания Сет уселся в кресло напротив.

— Мне было дерьмово, Эйч.

— Знаю.

— Я думал, ты мне друг.

— Знаю...

— Я ничего плохого тебе не сделал. Мы ничего плохого...

— Ага, конечно. Вы нам врали.

— Мы не врали.

— Вы скрывали. Хотя и так видно было, если кто не следил.

— Что видно? — настороженно уточнил Сет.

Эйч посмотрел ему в глаза:

— Что ты его любил.

Щеки снова вспыхнули, но Сет промолчал.

Эйч начал вертеть в руках перчатки:

— Ну, то есть я-то как раз не видел. Кретин потому что.

Но если вспомнить и сопоставить... То все же очевидно.

— И как я вам должен был объявить, спрашивается? Если вы вот так вот реагируете?

— Мы не... — запротестовал Эйч, но тут же, оглянувшись, понизил голос. — Мы не поэтому. Я не потому себя так веду.

— Ну, конечно.

Эйч вздохнул:

— Хорошо, и поэтому тоже, но больше всего не это бесит.

Хотя мне, знаешь ли, тоже нелегко. Теперь все думают, что и я голубой.

— Не думают. Ты сто лет с Моникой...

— Ну-у-у... — протянул Эйч с каким-то странным видом.

— Что?

— Мы больше не встречаемся.

Сет посмотрел удивленно:

— Вообще-то и правильно. Это ведь ее рук дело. Если бы не она...

— Сет, — перебил его Эйч.

Сет замолчал. Как-то нехорошо засосало под ложечкой от тона, которым Эйч произнес его имя.

— Что?

— Ты никогда не задумывался, откуда у нее-то эти снимки?

— В смысле?

Эйч снова приняллся теребить перчатки, комкать неловко в руках.

— Думаешь, Гудмунд просто так, по забывчивости, телефон без присмотра оставил? Протупил, да? Наш-то вундеркинд? — пробормотал он.

— Хочешь сказать... — Голос Сета оборвался, пришлось начать заново. — Хочешь сказать, он сам его дал Монике?

Эйч помотал головой:

— Нет, Сет, не то.

— Тогда что?

Эйч нехотя вздохнул поглубже:

— Ты же помнишь, как она всегда заигрывала с Гудмундом?

И он с ней в ответ?

— Ну, да, Моника по нему страдала. — Сет заметил, как дернулся Эйч. — Прости, конечно, давай без обид, она была с тобой, и отлично, но ты же сам знаешь...

— Да, — грустно кивнул Эйч. — Знаю.

— Поэтому она так и поступила. Даже мне призналась. Узнала про меня с Гудмундом, заревновала, и вот...

— Она узнала, потому что сама с ним спала.

Фраза повисла в воздухе, словно написанная, казалось, ее можно прочитать.

Можно, но глаза отказывались.

— Что? — наконец выдавил Сет.

— Она мне сказала. В итоге. Вчера вечером. — Он нахмурился. — Когда бросила меня. Сказала, что обнаружила снимки, когда ночью взяла телефон, чтобы сфотографировать их вдвоем. — Эйч совсем истерзал несчастные перчатки, вот-вот порвет. — И они, кажется, поссорились. И, типа, он сказал, что спит с ней только потому, что ей это нужно. Что она ему дорога как друг, и он не знает, как ей помочь, поэтому дает ей желаемое, потому что... — Эйч пожал плечами. — Потому что она этого желает.

Вокруг все словно застыло. И словно никогда больше не оттает. Вечная стужа.

И пустота.

«Я не могу быть всем для кого-то, — сказал Гудмунд в тот последний вечер. — Даже для тебя, Сет».

Самая большая ошибка Гудмунда. Что он не мог заменить кому-то весь мир.

Но все равно пытался.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил наконец Сет.

— Потому что это правда. И я думал... не знаю... — Эйч вздохнул. — Может, тебе теперь будет легче, что он уехал.

— Нет. Совсем не легче.

Эйч в волнении взъерошил волосы:

— Черт, Сет, я рассказываю тебе, потому что... почему все должны терять всех сразу? Мы же дружили. Ну, накосячил кто-то. Не сказал то, что должен был сказать, и сделал то, чего не

должен был делать, но, блин, людям же нужно. Я знаю. Нужно то-то и то-то, зачем — они сами не в курсе, просто нужно, и все. Мне, по большому счету, до лампочки, что она с ним спала. Гораздо страшнее то, что она меня бросила, потому что кто у меня теперь останется-то?

Он посмотрел на Сета, и Сет увидел, какой он потерянный.

— У меня было трое друзей, лучших друзей, а теперь что? Никого. Одни ушилки, которые считают, что я наполовину голубой, и никак с этой темы не слезут.

Сет медленно осел в кресле, внутри по-прежнему все рвалось в клочья.

— Зачем ты пришел, Эйч?

— Не знаю, — простонал в отчаянии Эйч. — Думал поделиться. Правдой. Говорю же, думал, тебя отпустит, если узнаешь.

Сет молчал, глаза отказывались смотреть на Эйча. Тот подождал еще немного и, больше ничего от Сета не дождавшись, надел перчатки.

— Похоже, он по-настоящему тебя любил, — выговорил Эйч. — По крайней мере, ей так показалось.

На этом Эйч ушел. Входная дверь открылась и закрылась.

Сет остался один.

Через какое-то время — он не знал какое — Сет встал и поднялся по лестнице, едва отдавая себе отчет в том, что делает. Оуэн все так же ждал на пороге, сжимая в руках кларнет:

— Послушаешь теперь мою песню?

Улыбка до ушей, на голове кавардак.

Сет прошел в комнату, даже не взглянув на него.

— Я ее для тебя сочинил, потому что ты был совсем грустный.

Оуэн поднес klarнет к губам и заиграл. Сет закрыл перед ним дверь. Это его не остановило. Неожиданно мелодичный проигрыш повторился несколько раз и довольно бегло, но Сет, не слыша ничего вокруг, просто сел на кровать.

Внутри сплошная пустота.

И странное спокойствие.

Он сам не заметил, как начал уборку в комнате.

Потом надел куртку.

И отправился к океану.

74

Томаш бледный как мел.

— Мистер Сет... Ты научился, что никому нельзя доверять.

Очень горький урок.

— Да нет, это не совсем...

— Прости, — перебивает Реджина, пряча недоумение, — но я не понимаю, почему именно это стало последней каплей.

— Ну как же! — поражается Томаш. — Ведь этот Гуманоид оказался совсем не тем, кем Сет его считал.

— Я, конечно, не хочу преуменьшать и все такое, но...

— Но Томаша убили, — договаривает за нее Сет, — тебя столкнули с лестницы. А меня всего лишь бросили. Разбили сердце.

— Разбитое сердце — это тоже больно, — изрекает Томаш. — У меня сердце разбилось, когда я очнулся тут, без мамы. Очень больно.

— Я не утверждаю, что не больно. Но все-таки слегка...

— Перебор, — заканчивает Сет. Он снова барабанит пальцами по крышке гроба, собираясь с мыслями. — Помните, мы говорили о том ощущении, будто должно быть что-то еще?

Какая-то другая жизнь помимо того убожества, в котором мы существуем?

— Ага, — нерешительно подтверждает Реджина.

— Так вот, я считал, что нашел ее. Мне казалось, Гудмунд и есть мое «еще». И плевать, что вокруг сплошное дермо. С Оуэном, с родителями и даже с травлей в школе. С этим всем можно было жить, пока у меня был он. Он был мой и больше ничей. Мы запирались в своем собственном мире, о котором никто не знал и куда больше никого не пускали. Это было мое «еще», понимаешь? Благодаря ему остальное можно было как-то вытерпеть.

— Но оно оказалось не только твоим. — В голосе Реджины появляется понимание.

— Я думал, самое худшее — это когда увезли Гудмунда. Как выяснилось, нет. Самое худшее было узнать, что он и до того мне не принадлежал. И на какое-то время в этот жуткий, невероятно дермовый день в дермовом городишке на дермовом обледеневшем берегу штата Вашингтон у меня не осталось ничего. Совсем ничего. То единственное, что меня грело, и то отобрали.

Сет вытирает слезы. Потом откашливается смущенно.

— Тебе его не хватает, — сочувствует Томаш.

— Словами не выражить как, — сиплым голосом подтверждает Сет.

— Нет, я очень даже понимаю, — разъясняет Реджине Томаш, — почему становится так плохо, когда теряешь дорогого тебе человека. Настолько плохо, что готов уйти в океан. А ты нет?

— Я знаю, что такое боль, — говорит Реджина. — Такая невыносимая, что впору сдохнуть. Поверьте мне, знаю. Я тоже заглядывала в пропасть. Не ты один.

— Я такого никогда и не утверждал, — качает головой Сет.

— Только разница в том, что я никогда ничего подобного не сделаю. Даже если встану на самом краю и всё будет толкать туда. Потому что — кто знает? Всегда может быть что-то еще.

— Но... — начинает Томаш.

— Нет, она права, — соглашается Сет. — Было это самое «еще», даже в моем случае. Только я о нем не думал, не замечал. Взять хотя бы Оуэна. Пусть этот мир — выдумка, но для моих родителей он все равно частично подлинный. С их сыном случилось страшное. Логично ведь, что они уже не будут прежними. И дело не во мне.

— А как же твой Гуманоид? — спрашивает Томаш. — Где с ним «еще»?

— С ним «еще» в том, что делало его таким надежным, таким хорошим. Ведь он и с Моникой спал по той же причине. — Сет улыбается печально. — Гудмунд не выносил, когда рядом кто-то страдает. А поскольку не знал, как еще облегчить их страдания, то предлагал им себя.

— И у тебя закрадывается подозрение: вдруг и с тобой он был только из жалости? — продолжает мысль Реджина.

— Да, вот он, главный вопрос, — подтверждает Сет. — И моя главная ошибка. Когда вспоминаешь, когда видишь все со стороны, вот как я вам сейчас рассказывал, то понятно, что нет, не из жалости. Эйч мне это говорил, Моника говорила, а я не слышал. Гудмунд любил меня. — Сет вытирает щеку. — Его любовь была везде, во всех его словах и поступках, в каждом воспоминании о нем, которые на меня здесь обрушились.

— Но от этого не легче, — предполагает Томаш.

— Нет, почему-то легче. На какую-то минуту я перестал ему верить, и этого оказалось достаточно, чтобы все вокруг покернело, но ведь не на самом деле, а только у меня в глазах. И даже это еще не все. Отец извинился передо мной напоследок за то, что не смог меня поддержать. А я об этом забыл, потому что не вписывалось это хорошее в окружающее дерьмо. И даже Эйч в то последнее утро...

— Он предлагал тебе дружбу, — констатирует Реджина.

Сет кивает:

— Он остался один. Ему не хватало меня, друзей, а рассказать мне про Монику было для него, наверное, величайшим подвигом. — Сету снова приходится откашляться. — Мне так отчаянно хотелось, чтобы нашлось «что-то еще». До боли хотелось вылезти за рамки этой никчемной жизни. — Он качает головой. — И оно было, это «еще». Я просто его не видел.

Реджина откидывается в кресле:

— И поэтому ты хочешь нам признаться.

Сет не отвечает.

— В чем признаться? — вертит головой Томаш. Ответа нет. — Ну, в чем?

Реджина не сводит глаз с Сета:

— Поэтому он хочет признаться нам, что возвращается обратно.

— ЧТО?! — Томаш вскакивает с дивана.

Реджина смотрит на Сета с вызовом.

— Да? Она угадала? — допытывается Томаш. — Скажи, что не угадала.

— Да, Сет, — подхватывает Реджина, — скажи Томми, что я не угадала.

Сет вздыхает:

— Угадала, но...

— НЕТ! — кричит Томаш. — Ты хочешь обратно? А нас бросишь? Почему?

— Я не хочу вас бросать, — заявляет Сет твердо. — В этом-то все и дело...

— Но все равно хочешь назад! — Лицо Томаша сморщивается. — Ты с самого начала хотел. С тех пор как появился. Все время рвался от нас уйти. — Вид у Томаша такой скорбный, что Сет отводит глаза, не в силах смотреть. — Я тебя не отпущу.

— Томаш, когда Реджина угодила обратно, она все помнила. Помнила, кто она и где она. — Он поворачивается к Реджине: — Так ведь?

— Ну, смутно, — неловко ежится она. — Не настолько, чтобы все изменить. Или предотвратить.

— Уверена?

Реджина открывает рот, но осекается:

— Я об этом даже не задумывалась. Просто знала, как все будет и что придется сделать.

— По-моему, тебя все-таки слегка макнули в Лету. Она начала действовать, но не успела. А вот если бы ты вернулась в виртуал без всякой Леты...

— Поздно, — вмешивается Томаш. — Мы же там все равно умерли.

— Ну что такое смерть там? Просто сбой. Там умерла моя копия. Симулякр. Который не знал и половины того, что я знаю теперь.

Томаш мотает головой:

— Все равно не вижу смысла. А вдруг ты умрешь, оказавшись там, потом умрешь здесь, и мы тебя потеряем?

— Я и сам не знаю. Но ведь может сработать? Вот Реджина же сохраняла память. А потом мы с тобой помогли ей выбраться.

Томаш начинает возражать, но тут его брови взлетают под лоб в восторженном изумлении.

— То есть ты еще вернешься к нам?

Сет смотрит на него, потом на Реджину, которая сверлит его враждебным взглядом, но и в нем читается намек на надежду.

— Конечно, вернусь.

75

Томаш облизывает губы, и Сет почти воочию видит, как бурлят мысли в лохматой голове.

— Но как ты это сделаешь?

— Я уже прикидывал. — Сет смотрит на экран в крышке гроба. — Этот сломан. Наверное, Реджина повредила его, когда выбиралась.

— Мне казалось, я с кем-то дерусь. Приходилось брыкаться и лягаться.

— Угу, — кивает Томаш, — очень на тебя похоже.

— Но я тут почитал... — Сет стучит пальцем по экрану. — Половина непонятно, однако в целом, похоже, вернуть человека обратно в гроб не так уж и сложно. — Он жмет какую-то иконку, и гроб открывается, правда, не так плавно, как стоявшие в тюрьме. Реджина с Томашем обходят гроб и встают рядом с Сетом. Он подцепляет одну из трубок: — Вот это, кажется, и есть Лета.

— Кажется? — уточняет Реджина.

— Тебе ее вставляли в рот. Так что Лету, видимо, вдыхают. И когда я прервал процесс, тебе досталось лишь чуть-чуть. Достаточно, чтобы все сознавать, но не суметь ничего сделать.

— То есть, если вернуться, не вдыхая из этой трубки... — начинает Томаш.

— Может быть, будешь все помнить — кто ты, где ты. И — может быть! — сумеешь существовать, как в те времена, когда виртуал только появился. Входить и выходить по собственному желанию.

Но Реджина уже качает головой:

— Гарантий-то никаких! Вдруг ты просто попадешь обратно и будешь умирать раз за разом, как я, а даже если нет, все равно откуда ты знаешь, что сумеешь выбраться? Я лично не припомню там двери с надписью «Выход».

— У меня будете вы двое.

— И мы тебя вытащим, если что-то пойдет не так, — обещает Томаш.

— Не факт, — возражает Реджина. — Кто его знает, как оно, когда погрузишься полностью. Нам вот пришлось умереть, чтобы выйти.

— Но я же вас вытащил. И раньше люди все время перемещались туда-сюда. Можно для начала попробовать совсем коротенькими сеансами...

— Если вообще получится эту штуку запустить. Только зачем? Зачем тебе возвращаться? Это ведь не настоящая жизнь.

Сет глубоко вздыхает. В том-то и весь вопрос. Уверен он в своих словах или принимает желаемое за действительное?

— Затем, что теперь я знаю больше. Тогда мне казалось, что весь мир сжался в точку, а это ведь не так на самом деле. Да, он не идеален, но и не настолько безнадежен, как я думал. Нам всем — случайно — выпал второй шанс. И я хочу им воспользоваться.

— И еще раз увидеться с Гуманоидом, — подсказывает Томаш.

— Да. Не буду врать. Физически я сейчас тут, а он за океаном, на другом континенте, так что увидеться с ним можно, только вернувшись. Я хочу его отыскать. Сказать, что я понимаю. И Эйча найти. И даже Монику.

— Но ты же там умер, — не отступается Реджина. — На прошлой неделе... или когда там по их времени. Меня вот уже несколько месяцев нет в живых...

— В моем городе вообще-то сейчас зима. А здесь — ну никак не она. Так что, как я и говорил, может, время тут и там течет по-разному. Ты попала обратно ДО гибели. Значит, если вернуться с достаточным запасом знаний, чтобы все изменить...

— Тогда вся эта толпа, что собралась на твои похороны, просто плечами пожмет? «Ой, ошибочка вышла»?

— Ну, с Оуэном же как-то нахимили, чтобы казалось, будто он не умирал. А с тем, кто и в самом деле жив-здоров, наверное, еще проще. Глюки неизбежны в любой программе, наверняка люди припоминают что-то неподложенное...

— А нельзя погрузиться во время, которое сам выберешь? — оживляется Томаш. — Я бы вернулся туда, где мама еще не договаривалась с этими... Я бы ее спас. — Он сникает. — Хотя нет, она ведь умерла там по-настоящему. Ее уже давно не существует.

— Прости, Томаш. И потом, наверное, все равно не получится. Водитель возвращал Реджину в определенное время, вот оно, здесь. — Сет показывает цифры на экране. — И я никак не могу его поменять. Думаю, из-за этого мы и получили лазейку — потому что Водителю нужно было устраниить сбой. Это же его работа.

— Слишком много «наверное» и «кажется», — осаживает его Реджина.

— Если есть объяснение получше, с радостью послушаю.

Реджина вздыхает:

— Лучше бы уж все это происходило исключительно у тебя в голове.

— Да, хорошо, я могу капитально ошибаться, но неужели не стоит попробовать? Представляешь, если мы действительно сможем свободно ходить из реала в виртуал? Мы расскажем остальным. Напомним им про настоящую жизнь.

— Они не захотят слушать, — отмахивается Реджина.

— Одни нет, другие — да. И если мы найдем способ их разбудить...

— Да не пойдут они обратно! Кому охота менять мир, где все работает, на мертвый и пустой?

— Твоей маме, например. Вдруг, если мы найдем способ ходить туда-сюда...

Он прикусывает язык, потому что Реджина чуть не выпрыгивает из кресла с таким видом, будто хочет его ударить:

— Даже не заикайся про мою маму! И не раздавай невыполнимых обещаний!

— Я не хотел...

Но Реджина уже уселась обратно, смаргивая злые слезы:

— Это только кажется, что всех можно спасти. И ты забываешь, что они в виртуале не просто так. Мир рухнул.

— Не рухнул, — возражает Томаш. — Мир залечивает раны. Вот олени, например. И мы.

— Да-да. Половина *мира* — это пепелище, а вторая половина тонет в пыли и грязи. Поэтому на самом деле, когда Сет вернется, его там встретят с распростертыми объятиями, у него снова будут настоящие друзья и настоящая семья, и он просто... — Реджина обрывает фразу на полуслове, делая зверское лицо.

— Я просто что? — переспрашивает Сет. — Забуду про вас? Ты это хотела сказать?

— А почему нет? Как и все остальные.

— Потому, дурья твоя башка, — наконец срывается Сет, — что я лез в океан, уверенный: у меня все отняли! Ничего больше не будет! Я до конца дней останусь одиноким и несчастным!

— Да-да, — тянет Реджина со скучающим видом. — А теперь ты наконец получил ценный урок и усвоил, что окружающие не все время думают о бедняжке Сете с его печальками.

— Нет, — твердо отвечает он. — Я усвоил другое. Что «еще» и в самом деле есть. Это вы. Вы оба и есть мое «еще».

— Вот, видишь! — Томаш, торжествуя, оборачивается к Реджине. — Он умеет говорить хорошее.

— Говорить можно что угодно, язык не отвалится, — не уступает Реджина. — Но что, если ты вернешься туда и погибнешь? Нам тогда что прикажешь делать? Похоронить тебя с почестями, потому что ты нас любил?

— Ну да, я рисковую...

— Жизнью.

— Но рискнуть стоит. Понимаете, я хочу и то, и другое. Мне и они нужны, и вы. Раз я теперь знаю, что «еще» существует, я хочу его получить. Если жизнь не заканчивается, я хочу прожить ее по полной. И остальные тоже могли бы. Почему нет? Разве мы не заслуживаем?

Томаш с Реджиной переглядываются в наступившей долгой тишине.

— Может, даже и не сработает, — прерывает молчание Сет.

— А вдруг да? — возражает Реджина.

Сет вздыхает:

— Реджина, ты определись уже.

— Но ведь тогда все изменится.

— И что? По-твоему, лучше оставить все как есть? Думаешь, людям лучше не просыпаться? В буквальном смысле. Если мы найдем способ перемещаться туда-обратно, может, удастся изменить и остальное. Улучшить жизнь.

Реджина смотрит скептически:

— Геройствуем, да?

— А кто все время пытается заставить меня посмотреть фактам в лицо? Кто орет на меня за предположения, что это все исключительно в моей голове?

— То есть ты наконец поверил, что все взаправду?

Сет изображает ладонями чаши весов:

— Шестьдесят на сорок.

— А если я тебе скажу, что это все-таки в голове? — спрашивает Реджина. — И мы здесь только для того, чтобы помочь тебе смириться со смертью?

— Тогда я открою глаза пошире, вспомню, кто я такой, и без раздумий рвану вперед.

Реджина замолкает, сраженная вернувшимися к ней бумерангом словами.

— В жизни есть что-то еще, — подытоживает Сет. — Так давайте это отыщем.

— Да-а, — произносит Томаш, помолчав. — Не знаю, как вы, а я лично хоть сейчас!

76

Они решают попробовать сегодня же. Сет горит желанием отправиться немедленно, но даже он понимает, что после такого утра вздремнуть не помешает.

Однако никому не спится.

— А... черт с ним! — наконец сдается Реджина и поднимает Томаша с Сетом с кроватей. — Пойдем попытаемся, у тебя ничего не получится, и тогда мы наконец спокойно отдохнем.

— Отличный настрой, — кивает Сет.

Они начинают собирать вещи, которые нужно перенести в дом Сета, поскольку там самое подходящее место для пробной попытки. Посмотреть, в каком состоянии его гроб, и если он целее Реджининого, то действовать.

— Мне понравилась твоя мысль насчет внесения изменений в программу, — говорит Томаш. — Я мог бы научиться.

— Программа довольно сложная.

— А я очень умный. Наверняка у меня получится в ней разобраться и — та-дам! Томаш снова спасает мир.

— Ты бы причесался для начала. — Реджина передает Томашу бутылку воды. — Когда я тебя нашла, ты был обрит наголо. Как ты умудрился отрастить такую клумбу?

— Мужские гормоны, — со знанием дела отвечает Томаш. — Грядет скачок роста. Я вымахаю выше вас обоих.

— Угу, — снисходительно улыбается Реджина. — Главное — верить.

Все велосипеды поломаны и растеряны, так что приходится идти пешком.

— Только подумай, — обращается Томаш к Сету, — может быть, ты видишь этот дом в последний раз. Если умрешь.

— Вообще-то, вы двое затем со мной и идете, чтобы этого не случилось.

— Мы постараемся, мистер Сет, но вдруг не удастся...

— А что, Томаш уже передумал спасать мир?

Мальчишка пожимает плечами:

— Не может же каждый раз получаться.

— Ты продумал, что будешь делать, когда туда попадешь? — спрашивает Реджина, переходя главную улицу. — Что, если ты откроешь глаза, а у тебя сломано плечо, и ты не сможешь спастись сам?

— Ты возвращалась на верхнюю ступеньку лестницы, — напоминает Сет. — За несколько секунд до сбоя. Может, меня вернет за несколько секунд до того, как начнутся судороги от холода. А может, вообще на берег, и тогда я просто не полезу в воду.

— Не так уж и просто. Я, например, ничего не могла с собой поделать. Трудно идти наперекор уже случившемуся.

— Предлагаешь даже не пытаться?

Реджина плотно сжимает губы.

— Предлагаю убедиться, что у тебя все схвачено.

Сет улыбается:

— Похоже, к раздаче ангелов-хранителей я припозднился.

Раз мне достались вы двое.

— А по-моему, мы отлично справляемся, спасибо большое, — надувается Томаш.

— Нет никаких ангелов-хранителей, — говорит Реджина сурохо. — Есть просто люди, которые тебя поддержат и помогут, и те, которым плевать.

— Да, — кивает Томаш. — Согласен.

— Просто люди... — Сет, пожалуй, тоже согласен.

Они идут по пустынной Хай-стрит, показавшей Сету истинную картину этого мира, мимо супермаркета, где нашлась еда, и туристского магазина, где удалось затариться полезными штуками.

Вот она, снова эта мысль, которая так никуда и не исчезала. Как вовремя здесь появляется все жизненно необходимое — еда, убежище, теплая погода... И два ангела-хранителя, которые раз за разом спасали его в последнюю минуту. И разгадки в нужный момент, подталкивающие в правильном направлении, к...

К чему? К тому, чтобы смириться? Вернуться? Умереть?

— Ладно, — бормочет он себе под нос. — Через минуту узнаем.

— Что узнаем? — спрашивает Томаш.

Они уже почти у провала, верхушки сорняков выплескиваются оттуда зеленою волной.

— Узнаем, в моей голове это происходит...

— Нет, ну сколько можно... — бубнит Реджина.

— ...книга это или фильм... или что, — договаривает Сет. — Если все это в моем воображении, то он будет нас караулить.

Томаш с Реджиной останавливаются, осознав, кого Сет имеет в виду.

— Не смешно, мистер Сет, — укоряет Томаш.

— С ним покончено, — говорит Реджина. — Он никак не может нас караулить.

— Да нет, я просто объясняю, какой сюжетный поворот выстроило бы мое воображение. Водитель будет нас караулить, наполовину обгоревший, разъяренный, и нападет на нас из-за угла, мешая осуществить задуманное.

— Но тогда все в порядке, — радуется Томаш. — Потому что в таком сюжете всегда есть последний бой, где герой обязательно побеждает.

— Угу, — соглашается Сет. — Мне такой вариант нравится.

— Никаких больше боев, слышите! — обрывает их Реджина.

— Я просто говорю...

— Так прекращай! Слишком много ты говоришь.

Сет поднимает руки, показывая, что сдается:

— Просто мысли вслух. Ничего такого не будет. Мы его прибили. С ним покончено. Точка.

И все-таки они замолкают настороженно, сворачивая на Сетову улицу.

Там пусто. Ни фургона, ни темной фигуры. Только старые машины вдоль тротуара, сорняки и грязь. Реджина выдыхает облегченно, а потом испепеляет Сета взглядом:

— Напугал всех! Балбес.

Томаш смеется:

— Мне тоже на секунду показалось...

И тут Водитель, распрямляясь, выступает из щели между двумя машинами. Шлем оплавился до неузнаваемости, оторванную ногу заменяет какая-то решетка.

Он хватает Томаша двумя оплавленными потрескавшимися руками, поднимает над землей и швыряет на противоположную сторону улицы. Мальчишка ударяется о машину, шмякается на землю и не поднимается.

«Не верю, — твердит внутренний голос, хотя вот она, Реджина, истошно зовущая Томаша, и вот он, Водитель, рывком хватающий ее за руку и пытающийся повалить. — Не верю!»

Но Сет все равно кидается в драку.

Он набрасывается на Водителя...

И даже в эту долю секунды он успевает заметить, что тот уже не так силен, как прежде, что он с трудом удерживает брыкающуюся Реджину...

Сет влетает Водителю прямо в грудь, и они оба валятся на тротуар. На этот раз вместо бетонной плиты Сет чувствует под собой словно мешок с металлическими осколками. Но не отпускает.

«Это все неправда, — не унимается внутренний голос. — Так будет, только если...»

— Заткнись! — рычит он, будто это Водитель ему нашептывает.

Он бьет по шлему, но удар получается смазанным, и kostяшки покрываются липким черным варом. Сет замахивается снова...

Рука Водителя, взметнувшись, хватает его за шею и сдергивает с себя, впечатывая лбом в дверцу стоящей рядом машины.

Но Сет предугадывает его движение, а Водитель действительно уже не так силен, как прежде. Сет успевает затормозить руку, собирающуюся превратить его в таран.

Однако хватка на шее не ослабевает, и, когда пробить лбом Сета дверцу машины не получается, рука начинает сжиматься...

Справа раздается крик, и чья-то тень заслоняет солнце. Реджина обрушивает на голову Водителя огромный камень...

Водитель замечает его («Как? — успевает подумать Сет. — Где у него глаза?») и вовремя убирает голову. Задетый камнем лишь вскользь, Водитель свободной рукой подсекает Реджину под колени. Девочка валится навзничь в сорняки. Сет с воплем вырываются, освобождая шею из водительской хватки и снова нанося удар.

Кулак с размаху обрушивается на твердые металлические пластины, облепленные вязким варом. Водитель хочет ударили в ответ, но Сет блокирует его рукой...

Да, этот гад, конечно, слабее прежнего, но не окончательно потерял силы. От столкновения запястье Сета чуть не ломается пополам, и, отшатнувшись от боли, он пропускает следующий удар. Этот приходится в висок, и Сет скатывается на тротуар.

А Водитель тем временем поднимается.

И тут снова вступает в бой Реджина, оглушая его новым камнем по затылку. Развернувшись, Водитель хватает ее за руку и сжимает, пока она, вскрикнув, не роняет камень. Тогда Водитель бьет ее по лицу, опрокидывая через низкую каменную ограду в соседний палисадник.

Реджина не поднимается.

Водитель поворачивается к Сету. Теперь они остались один на один.

Сет вскакивает на ноги.

И тут его озаряет страшная, но почему-то не допускающая сомнений догадка.

«Я его одолею, — понимает Сет, переминаясь на цыпочках при виде приближающегося Водителя. — Так ведь положено,

да? Враг неожиданно возвращается под самый конец, чтобы герой мог сразиться с ним напоследок...»

И герой побеждает.

Водитель делает шаг к нему. Еще один.

— Ты кусок дерьяма! — кричит Сет. — Ты никто! Ты просто взбесившаяся груда пластика!

Водитель замахивается, но Сет отскакивает. Протез, приспособленный вместо оторванной ноги, прихрамывает, тонкий металл угрожающе поскрипывает в колене. На каждом шагу слышится скрежет — похоже, что-то у Водителя треснуло внутри, когда Сет повалил его на землю.

Да. Конечно.

— Не можешь починиться? — кричит Сет, уворачиваясь от очередного удара. — Ты, значит, ломаешься? И наверняка гарантия уже истекла.

Еще один удар мимо, еще шаг.

Сет оглядывается по сторонам в поисках оружия, но откуда Реджина брала свои камни — непонятно.

Может, его удастся хотя бы остановить. Остановить, а уж потом...

«Я одолею его, — снова мелькает мысль. — Так и будет. Этим все закончится».

Водитель, качнувшись, бредет к Сету, Сет опять отскакивает.

Но теперь он видит способ прорваться.

— Ты... — Увернуться от удара, прикинуть следующее движение. — Всего-навсего... — Пригнуться, шаг назад. — Ржавый... — Поднырнуть, шаг. — Поломанный... — Отпрыгнуть, шаг. — СТОРОЖ!

Он кидается на Водителя...

С разбега тарана его правую ногу...

Целя в скрипящее колено...
Налегая всем телом.
И металлический протез ломается пополам.

Водитель заваливается на стоящую рядом машину, разбивая стекло, и, не в силах удержаться, рушится на тротуар. Сет выскакивает за пределы досягаемости. Подбирает первый Реджинин камень, тот, что побольше, шатаясь под его весом. Да уж, не девчонка, а тяжелоатлет какой-то.

Водитель сilitся встать, отломанная половина протеза валяется без дела на земле. Хрипя от натуги, Сет поднимает камень над головой, а потом, вопя во все горло, мчится на Водителя...

Тот вскидывает голову, расплавленный визор смотрит на Сета, такой же непроницаемый и безликий, как и прежде...

— Победа за мной! — кричит Сет. — Конец!

Он мчится вперед...

Замахивается камнем...

Водитель делает молниеносное движение рукой, неподвластное обычному человеку...

И холодная сталь обжигает откуда-то изнутри...

Камень с грохотом падает под ноги, так и не достигнув цели.

Потому что отломанная половина протеза Водителя теперь торчит у Сета из живота.

78

Сет валится на тротуар, на бок, судорожно глотая воздух, сталь одновременно леденит и жжет. Он машинально хватается за уходящую в живот железку, и руки тут же становятся

мокрыми от его собственной крови, которая льется на сорняки и грязь. Вывернув шею, Сет видит, что металлическая штуковина пронзила его насеквоздь. Противоположный конец торчит из спины.

Сет в ужасе смотрит перед собой.

Водитель приподнялся на одну ногу.

И, опираясь на припаркованные машины, медленно, подскоками, ковыляет по тротуару.

К нему.

Как же так? Все ведь шло как по нотам. Водитель оказался именно там, где ему и полагалось по сюжету.

И если это совпало, то должно совпасть и остальное.

Он должен победить Водителя, который в последний раз восстал из мертвых, — победить, а потом с триумфом отправиться...

Куда?

Непонятно. Уверенность улетучивается.

Потому что вот он лежит, и из живота, прямо под ребрами, торчит металлическая нога Водителя, кошмарная боль разрывает на части, и происходящее не умещается в голове, где осталась одна-единственная мысль: он истекает кровью.

Умирает.

А умирать теперь отчаянно не хочется.

— Пожалуйста, — шепчет Сет, пытаясь отползти по тротуару. — Пожалуйста...

Ужасающая неправильность того, что железка пронзает его, словно вертел, не воспринимается сознанием. Потому что это значит — спасения нет. Никто не явится на помощь

в последнюю минуту. Ни Томаш, ни Реджина. И даже если кто-то вдруг остановит Водителя, все равно Сет истечет кровью, и с этим ничего не поделать.

Слишком поздно.

Он кашляет кровью.

Водитель подбирается ближе.

— Пожалуйста, — снова шепчет Сет, но силы быстро его покидают. А еще боль. Она не уходит, как ни повернись, и на какую-то страшную секунду он чуть не отключается совсем.

В глазах сгущается чернильная темнота...

...и Гудмунд берет его за руку в мире только для них двоих, и они смотрят телик — какую-то незапоминающуюся дребедень, — но Гудмунд взял Сета за руку — просто потому, что захотелось, — и они сидят рядом...

Боль накатывает снова.

Драгоценные секунды упущены.

Он по-прежнему на тротуаре.

И по-прежнему насажен на вертел.

И истекает кровью.

И умирает.

А Водителю остается всего один скрежещущий подскок.

Он нависает над Сетом.

И никаких обнадеживающих звуков — не шевелятся Томаш и Реджина, не ревет мотор, никто не окликает Сета по имени и не торжествует победу.

Он один на один с Водителем.

Конец.

— Кто ты? — булькает Сет.

Но Водитель, конечно, не отвечает, только поднимает по-трескавшуюся, оплавленную руку, чтобы поставить точку в этой печальной повести.

Однако почему-то Водитель его не бьет. Он поступает еще страшнее: хватает торчащую из Сетова живота металлическую ногу.

Сет кричит от боли, такой невыносимой, что его, кажется, снова сейчас вырубит, он даже надеется на это и, похоже, именно об этом и умоляет своим криком...

Водитель проворачивает ногу, и боль становится еще яростнее, хотя куда уж там. Все тело словно окунули в кислоту, каждый мускул словно отрывают от кости по волокнам.

— ХВАТИТЬ! — кричит Сет. — НЕ НАДО! ХВАТИТЬ!

Но Водитель не прекращает. Он проворачивает ногу снова, в обратном направлении, словно пробуя, как будет больнее...

И как в тот первый раз, когда они прятались с Реджиной и Томашем на пожарище, Сет чувствует, что Водителя бесполезно умолять, в нем нет ничего человеческого, он не знает жалости.

Водитель перехватывает ногу, покрепче стискивая ее жесткими пальцами...

— Нет, — просит Сет, догадываясь, что сейчас будет. — НЕТ! НЕ НАДО!

Водитель выдергивает ногу одним жутким решительным движением, и Сет на миг становится сам не свой от ужаса, когда железка протягивается через все его нутро, и кажется, что сейчас кишки вывалиются на землю (но нет, там толь-

ко кровь, просто море крови), от уверенности, что теперь точно конец, вот оно, все, и больше никогда ничего не будет...

А потом Водитель переворачивает его на спину. Сет уже едва дышит, захлебываясь подступившей к горлу кровью, как океанской водой.

Он тонет в крови...

(Может, так оно и есть...)

(Может, так оно и было...)

(Может, он так и тонул все это время...)

Водитель без усилий отводит руки Сета от раны, и, хотя сознание велит Сету сопротивляться, бороться, сил у него уже нет...

Он отдан на милость Водителя...

Который даже слова такого не знает.

Водитель наклоняется, замахиваясь, сжимая пальцы в кулак...

Как бы хотелось все изменить, знать, что с Реджиной и Томашем все будет в порядке, остановить Водителя ради них...

Из водительских костяшек выдвигаются шипы, острые, как иглы...

Межу ними скачут искры, крохотные электрические дуги, перекидывающиеся с одного острия на другое...

«Вот и все», — успевает подумать Сет.

Вот и все...

Нет...

Из кулака Водителя вылетают молнии...

На долю секунды Сета пронзает нечеловеческая боль...

А потом наступает пустота.

79

— Ешь. — Мама ставит перед ним тарелку. — Ты такое не очень любишь, но другого нет.

Он сидит за каким-то бесконечно длинным столом, который не влезет ни в одну нормальную комнату, и эхо от стукнувшей по столешнице тарелки уносится в молочно-белую даль. Непонятное место. Невиданное прежде. Не существовавшее.

— Зато я люблю! — Оуэн тянется ложкой через стол и перекладывает дымящиеся куски на собственную тарелку.

— Макароны с тунцом? — Сидящий рядом с Оуэном Томаш смотрит удивленно. — Первый раз вижу.

— Очень вкусно! — Оуэн накладывает немного и Томашу.

— Это то самое, которое ты терпеть не можешь, Сет? — уточняет Эйч с соседнего стула.

— Правда? — доносится с торца стола голос отца.

— Боюсь, что да, — подтверждает Гудмунд, подаваясь вперед справа от Сета. — Ненавидит всеми фибрами. Вареный тунец и так редкостная гадость, а если еще смешать с луком...

— И впрямь, — кривится Моника, которой Оуэн тоже положил попробовать. — Ужас!

— Вот оно, влияние Интернета, — укоризненно произносит мама, усаживаясь. — Не нравится что-то — сразу «гадость», а тот, кому нравится, сразу «дурак». А как же широта взглядов? — Она съедает кусок. — По-моему, вкуснотища!

— О вкусах стали спорить, — соглашается отец, раскрывая газету. — Хотя любой знает, что это бесполезно.

— Все равно, — Томаш смотрит в тарелку, насупившись, — мои вкус и взгляд одинаково против.

— Можешь отъесть у меня, — предлагает Гудмунд, подвигая Сету тарелку с аппетитными макаронами и курицей в грибном соусе.

— Или у меня, — следует его примеру Эйч.

— Тогда и меня посчитайте. — Моника передает Сету через стол свою тарелку, где вместо тунца теперь те же макароны с курицей.

— У меня другое, — говорит Томаш, перед которым теперь дымится ароматное рагу из мяса с овощами, — но я его с детства обожаю.

Мама качает головой:

— Все кругом думают, что им виднее. Все.

— Иногда полезно выяснить, что ошибаешься, — раздается чей-то голос за спиной.

Сет оборачивается. Реджина. Чуть в стороне от стола, темным силуэтом на фоне освещенного проема. Она не вместе с остальными. Отдельно. И словно ждет чего-то.

Кого-то. Его.

Сет щурится против света.

— За этим я здесь? — переспрашивает он сипло, словно до этого много лет молчал. — Для этого все устроено?

Реджина делает шаг вперед, и свет за ее спиной меркнет, превращаясь в россыпь звезд на ночном небе, где сияет Млечный Путь. Она встает перед Сетом, все та же массивная, неуклюжая Реджина.

Только она улыбается. И улыбка ее говорит: «Не валяй дурака».

— Не валяй дурака, — произносит она вслух, и голоса за столом утихают.

— Это не воспоминание, — говорит Сет. — Не такое, как другие.

— Само собой.

Он окидывает взглядом сидящих за мирным ужином, по-прежнему занятых едой и беседой. Все, кого он знает. Гудмунд оглядывается на него. С улыбкой.

— И на сон не похоже. — Сету становится горько.

— Вот опять, — укоряет Реджина. — Ты опять думаешь, что у меня на все есть ответ.

— Это смерть? Я наконец умер?

Она лишь пожимает плечами.

— Что я здесь делаю? Что все это значит?

— Понятия не имею.

— Но ты же на что-то намекала? — Сет обводит рукой комнату, гостей за столом, Гудмунда, который глядит пристально и с тревогой. — Что происходит?

Реджина усмехается:

— Ты серьезно? Настоящая жизнь — это всего лишь жизнь. Вечная неразбериха. Смысл зависит лишь от того, как посмотреть. Тебе остается только одно — разобраться, как в ней жить. — Она наклоняется к нему почти вплотную. — А теперь ноги в руки, гений. Пока солнце не зашло.

80

Он открывает глаза.

Он по-прежнему на тротуаре. И Водитель наклоняется над ним. И искры пляшут на остриях шипов...

Но постепенно гаснут, слабеют, меркнут.

Прекращаются.

Сет вдыхает.

Он может вздохнуть!

Потом закашливается кровью и сплевывает ее комком...

Он дышит! В легких сырость и тяжесть, как при тяжелой простуде, но они работают. Он вдыхает еще раз. И еще.

С каждым разом все легче.

— Что происходит? Я умер?

Водитель не двигается. Шипы втягиваются обратно в kostяшки кулака, однако сам он все еще громоздится рядом. Сет пытается отползти, грудную клетку пронзает боль. Он кладет руку на рану...

Что-то не так.

Он по-прежнему весь в крови, но та уже не хлещет водопадом.

— Что?..

Водитель наблюдает, смотрит, что Сет сделает дальше.

Словно выжидает.

Корчась от все такой же невыносимой боли, Сет закатывает промокшую от крови футбольку, и под ней...

Рана, аккурат в ямке под ребрами. Жуткая на вид, невозможная, смертельная...

И кажется, заастающая.

Сет в замешательстве переводит взгляд на Водителя, который наблюдает не шевелясь, потом обратно на рану. В ней мерцают крохотные искры — где-то там, под кожей. Сет чувствует легкое покалывание.

Они словно зашивают рану изнутри.

Все еще больно, очень больно, однако разорванные слои прямо на глазах спаиваются, смыкаются, будто переплетающиеся пальцы. Через минуту от кровотечения не остается и следа.

Сет невольно вскрикивает, когда искры перемещаются глубже и начинают трудиться над выходным отверстием на спине. Сет пытается нашупать его рукой, но отдергивает — искры «колются».

Водитель наблюдает. Визор все так же непроницаем, однако Сет чувствует этот пристальный взгляд.

— Что ты сделал? — ахает он, снова корчась от боли в ране.

Затягивающейся ране.

— Что ты сделал? — повторяет Сет, вкладывая в вопрос все обуревающие его чувства. — Я не понимаю!

Обхватив руками живот, Сет скручивается в новом приступе, но уже вроде терпимо. Он смотрит на Водителя сквозь застилающие глаза слезы.

— Почему? — шепчет он. — Не понимаю.

Водитель не издает ни звука — не разберешь, слышит он Сета или нет. Он все такой же загадочный, и шлем все такой же непроницаемый, безликий, черный, как бездна.

Электрические разряды от искр вроде бы стихают. Сет смотрит на рану. Шрам страшный, багровый, больно коснуться. И все же это шрам. Смертельная рана затянулась.

Сет поднимает глаза на Водителя и повторяет свой давний вопрос:

— Кто ты?

Водитель не откликается. Балансируя на одной ноге, он подтягивается ближе, опираясь на соседнюю машину, и снова нависает над Сетом. Сет облизывает губы, соленые от запекшейся крови. Бежать сил нет, драться — тем более. Остается только ждать, что будет делать Водитель.

И Сет даже предположить не может что.

Водитель вдруг дергается — все изломанное тело сотрясает яростная конвульсия...

Поднимает руку, словно хочет за что-то ухватиться...

Но перед ним ничего, уцепиться не за что, Сет по-прежнему внизу, на тротуаре.

Посреди грудной клетки Водителя возникает пятно света — крохотное белое пятнышко, которое затем взрывается таким бурным фонтаном искр, что Сет невольно отшатывается, мыча сквозь зубы от боли.

Водитель тряется, привалившись спиной к припаркованной машине, словно примагниченный. Из тела вырываются молнии, заставляя его биться в агонии, швы и суставы не выдерживают и лопаются. В воздухе стоит гул, переходящий в нарастающее завывание, молнии пронзают Водителя все чаще, опутывая его натуральной электрической сетью...

Сет отползает подальше, за каменную стенку, где неподвижно лежит Реджина.

Он оглядывается...

Воздух рвется на части с оглушительным треском...

И Водитель разлетается в клочья.

Его разносит на миллион крохотных горящих, оплавленных ошметков.

Сет сжимается в комок, спасаясь от этого града шрапнели, накрывая собой Реджину...

Но перед этим успевает заметить, как шлем Водителя взрывается осколками, схемами и какими-то непонятными субстанциями, которые были, возможно, живой плотью...

А потом наступает тишина. Только останки Водителя сыплются хлопьями на землю с легким шелестом, словно

кислотный снег. Приподнявшись, Сет выглядывает из-за стенки.

Водителя нет.

Все покрыто горящими оплавленными хлопьями.

С ним покончено. Совсем.

А из бокового окна машины, на которую опирался Водитель, высовывается голова Томаша с выжженной в шевелюре комичной дорожкой.

В руке он сжимает дубинку.

— Да, — говорит он. — На такое я не рассчитывал.

81

Сет, преодолевая ноющую боль внутри, медленно поднимается на ноги и, взглянув на Реджину, — дышит? — идет к Томашу.

— Я подобрался сзади, — говорит тот, вылезая из машины. — И ткнул его в спину.

— Да, — кивает Сет, тяжело дыша. — Вижу.

Томаш ковыляет к нему, еще нетвердо держась на ногах после жуткого полета через пол-улицы. Он наклоняется к Сету с объятиями, и тот крепко прижимает его к себе, упираясь взглядом в почти ровную просеку в густой шевелюре.

— Я видел, как он тебя убил, — дрогнувшим голосом произносит Томаш, касаясь дыры в Сетовой футболке. — Видел.

— Да. Я и сам не понимаю.

— Я думал, ты умер.

— Я тоже. Может, я и в самом деле...

Взгляд Томаша падает на газон за каменной стенкой.

— Реджина!

Он бежит туда, Сет за ним.

— Я думаю, он ее просто вырубил, — предполагает Сет, вместе с Томашем опускаясь рядом с ней на колени.

Правый глаз Реджины, куда ее ударили Водитель, заплывает и багровеет, но других ран не видно, и крови на затылке тоже.

— Реджина! — кричит ей Томаш почти в самое ухо...

Девочка вздрагивает и едва слышно стонет сквозь приоткрытые губы.

— Томми, имей совесть... — Остальные слова заглушает радостный вопль Томаша, который кидается ее обнимать. Реджина мужественно выдерживает минуту. — Ну все, отпусти меня.

Сет оттаскивает Томаша, и оба смотрят, как Реджина медленно приподнимается с травы.

— Что случилось?

— Сам бы хотел знать, — разводит руками Сет, оглядываясь на лежащие кругом ошметки Водителя.

— Я его убил, — заявляет Томаш, против обыкновения не ожидая похвалы. — Ткнул дубинкой ему в спину. — Он вытаскивает из кармана дубинку — совершенно обугленную, расколотую на конце. — Кажется, перегрелась.

— Водитель умер? — спрашивает Реджина.

— Если он в принципе был живой, — уточняет Сет.

Реджина срезает его сердитым взглядом, от которого сама же и морщится.

— Клянусь, если ты опять начнешь разводить философию...

— Он спас мне жизнь.

— Что?!

— Только сперва убил, — напоминает Томаш, еще слегка звенящим от тревоги голосом.

— Он проткнул меня своей ногой. — Сет задирает футболку, показывая багровый рубец. — А потом вытащил ее и... что-то сделал. Заштопал рану.

— Этого я не видел, — заявляет Томаш. — Я пробирался в машину. Видел только, как он проткнул Сета этой штукой, и подумал... — Подбородок у него начинает дрожать. — Подумал, он тебя убил. И Реджины не видно. И я подумал...

— Знаю. — Сет обнимает его одной рукой и дает выпла-
ваться.

Реджина качает головой, но резко останавливается — ви-
димо, от боли.

— Непонятно.

— Угу, — соглашается Сет. — Непонятно.

Реджина трогает щеку рукой:

— Мама! У меня все лицо болит.

— А у меня все тело.

— А у меня волосы. — Томаш грустно запускает руку в про-
реженную шевелюру.

Сет по-прежнему обнимает за плечи Томаша, который си-
дит привалившись к Реджине, а та, в свою очередь, упирается
в Сета вытянутой ногой. Какое-то время они просто сидят
рядом, израненные, ничего не понимающие.

Но живые.

82

Медленно, постепенно, со скрипом, они поднимаются, за-
ботливо помогая друг другу, но никак эту заботу не ком-
ментируя. Сет показывает друзьям оставленные Водителем

шрамы, так и не поняв, каким все-таки чудом затянулись его раны.

— Ну как? — спрашивает Сет у Реджины, которая проверяет, что творится у него с обратной стороны, на спине.

— То же самое, что и спереди. Только вот...

Она что-то отлепляет от кожи и показывает Сету. Это пропитанный кровью кусочек ткани, повторяющий очертаниями дыру на футболке.

— Похоже, рану он тоже как-то очистил, — констатирует Реджина. — Загадка века. Почему он тебя спас?

— Если он тут следит за порядком, — размышляет Сет, — может, ему положено оберегать наши жизни?

— И исключительно с этой целью он устроил метание копья? — уточняет Томаш. — Ты же мог умереть моментально.

— Да и меня с Томашем он, кажется, только рад был укокошить, — вставляет Реджина.

— Не знаю... — тихо отвечает Сет, все еще думая о происшедшем, о том, почему Водитель так поступил. А он сам? Что, если он действительно умер тогда на какое-то время, пронзенный железкой?

Что все это значит?

— Жизнь не обязана складываться так, как ты желаешь, — изрекает Томаш. — Даже если ты на сто процентов уверен.

Сет понимает, что мальчишка думает о маме. У них жизнь точно сложилась совсем не так, как они рассчитывали. И у Реджины тоже. Они бредут к дому Сета, старательно перешагивая через догорающие в лужицах останки Водителя.

Нет, жизнь далеко не всегда складывается предсказуемо.

Иногда в ней вообще не разберешься.

«Нужно просто как-то приспособиться и жить», — думает Сет.

— Болеутоляющих у тебя там, конечно, нет? — спрашивает Реджина почти у самого дома.

— Можно наведаться в супермаркет, — предлагает Сет. — Выкопаем какой-нибудь просроченный аспирин.

— Или морфин. — Реджина со стоном вновь хватается за глаза.

— Могу вылечить. — Томаш поднимает дубинку. — Электричеством. Вдруг сработает?

Реджина отвешивает ему мягкий подзатыльник.

— Значит, не так уж и болит, — заключает Томаш.

Они заходят внутрь. Все по-прежнему. Окно по фасаду разбито, кухня и гостиная завалены мебелью, которой они баррикадировались от Водителя.

— Не могу поверить, что мы с ним окончательно разделились, — говорит Реджина, когда Сет перелезает через поваленный холодильник за водой. — Как он вообще вернулся? Мы же видели, что он сгорел. Это даже для робота слишком.

— И что теперь будет? — спрашивает Томаш, плюхаясь на кушетку. — Кто станет присматривать за спящими?

Сет не отвечает, потому что и сам не в курсе. Он перелезает обратно с бутылкой воды и тремя чашками, и все усаживаются за журнальный столик пить и отдыхать.

Так они сидят довольно долго.

— Ты знал, — наконец подает голос Реджина, словно продолжая светскую беседу, а не вырывая Сета из полудремы, в которую он сам не заметил, как погрузился.

— Что знал?

— Ты сказал, что Водитель будет нас караулить для решающего боя. Так и вышло.

Сет сдвигает брови.

— Я сам в это не верил, — признается он, почти не лукавя.

Реджина смотрит в свою чашку.

— Все эти задвиги насчет того, что происходящее с нами происходит лишь у тебя в голове. Или что мы — твои... — тихо говорит она.

— Ангелы-хранители, — подхватывает Томаш. — Она права. Мы что, и вправду ангелы? Если да, то почему нельзя было сделать меня повыше ростом? Возмутительно.

— Он действительно нас караулил, — произносит Сет, щупая шрам под ребрами. — Как я и говорил.

— Как ты и говорил, — эхом откликается Реджина.

Они смотрят на него, словно у него должно быть объяснение, о котором они сами не догадываются. Но у него нет. Водитель, не знавший жалости, пожалел его. Водитель, убив его, сам же и воскресил. Ни одно объяснение — что это все происходит взаправду или у него в воображении — все равно полностью ничего не объясняет.

И потом, может, смысл как раз в том, что смысла нет? Ну, то есть не совсем, потому что, глядя на Реджину с Томашем, Сет видит по крайней мере два хороших смысла.

«И если это все в моем воображении, — думает он, — то не исключено...»

— Нет, ерунда, — бросает он в сердцах. — Никто ничего толком не знает.

Он смотрит на картину над камином, на перепуганную, истошно ржущую лошадь, смысл жизни которой состоял

в том, чтобы нагонять на него страх, выплескивая скорбь всего мира.

Но ведь это просто картина.

Он переводит взгляд на Реджину с Томашем:

— Ну что? Приступим?

— Уверен? — в сотый раз с тех пор, как они поднялись на чердак, уточняет Реджина.

— Нет, — в сотый же раз отвечает Сет. — Но все равно попробую.

— Все, последняя, — говорит Томаш, обматывая металлическим пластирем голый живот Сета и стараясь не особенно давить на шрам.

До этого этапа они добрались не сразу. Сперва отмылись под холодной водой куском застывшей жидкости для посуды, потом наведались в супермаркет за просроченными болеутоляющими и поглотали их в чрезмерном, пожалуй, количестве. После этого забрали в туристском магазине примеченные Сетом несколько коробок металлического пластиря и заодно ножницы, которыми Реджина состригла остатки Томашевой шевелюры.

Сет включил гроб. В отличие от Реджининого, этот вроде бы работал. После нажатия «пуска» на экране начали сменяться вопросы, некоторые даже понятные. Перебирая окошки по наитию, после долгих мытарств и с Томашевой помощью Сет наконец вывел на экран табличку «Подготовка процесса обратного погружения».

Он переоделся в шорты, ноги и корпус обмотали пластирем, договорившись, что проведут только пробный запуск, «не дальше, чем досчитать до шестидесяти», как настоял То-

маш, только посмотреть, куда Сет попадет в виртуальном мире. Достаточно быстро, чтобы не нужно было подключать трубы и чтобы он смог выжить, если случится худшее.

Но почему-то в этот раз, вопреки обыкновению, Сет настроен оптимистично.

— Может, ничего и не получится, — тоже в сотый раз говорит Реджина. — Даже наверняка не получится.

— Ну, вот же, обнадеживающий знак. — Сет стучит пальцем по огоньку на затылке, который с того момента, как они запустили гроб, мигает зеленым. — Но ты права, кто его знает, как пойдет.

— Осталась только голова, мистер Сет. — Томаш поднимает рулон пластиря повыше.

— Давай я. — Реджина забирает у него рулон и начинает разматывать, но останавливается. — Сет...

— Может, ничего и не получится. Может, я застряну здесь.

— Или очнешься на дне морском и умрешь до того, как мы тебя спасем.

— Или нет.

— Или мы с Томми не сможем тебя вытащить, даже если все пройдет хорошо.

— Или сможете.

— Или ты просто решишь остаться там и забудешь про нас...

— Реджина, — мягко говорит Сет, до глубины души тронутый ее волнением. — Я не знаю, как все пойдет. Но хочу выяснить. И я впервые за долгое время чувствую, что все вза-правду.

Во взгляде Реджинны читается готовность продолжить бесконечный спор.

Но она этого не делает.

— Мистер Сет! — Томаш с торжественным видом берет его за руку. — Желаю тебе огромной-преогромной удачи! А еще очень-очень желаю, чтобы ты к нам вернулся.

— И я тоже, Томми. Томаш, — исправляется он сразу же.

— Ага, — улыбается мальчишка, — тут я, по идее, должен сказать: да ладно, можешь звать меня Томми. Но мне нравится, как ты произносишь Томаш, так что давай оставим так. На долгие-долгие годы.

Сет кивает ему, потом Реджине.

— Уверен? — спрашивает она. В последний раз.

— Да.

Она выжидает еще минуту, потом начинает обматывать пластирем его голову, закрепляя кончик на виске.

— Увидимся, — говорит она и закрывает ему глаза.

83

Вот парень — мужчина, Сет, — которого друзья бережно укладываются в гроб.

Он не знает, что случится дальше.

Но точно знает, что в этом и смысл.

Если это вымысел, то в этом соль.

Если это не вымысел — то же самое.

Но когда друзья начинают последний этап, нажимая на экран в ответ на высвечивающиеся вопросы, он думает, что ясно одно: всегда есть что-то еще. Всегда.

Может быть, Оуэн умер, а может, и нет, в любом случае это отразилось на родителях сильнее, чем он предполагал, и, может, дело совсем не в нем.

А еще Гудмунд, и Эйч, и даже Моника. Они слабые и сильные, они совершают ошибки, как все, как он сам. А у любви и заботы столько разных сторон, и между ними есть простор для понимания, прощения и чего-то еще.

Еще, и еще, и еще.

Иногда в лице других людей, неожиданных людей, с неожиданными, невероятными собственными жизнями. Людей, которые смотрят на мир совершенно по-другому и тем самым его меняют.

Людей, которые могут оказаться друзьями.

И он не знает, что случится, когда эти друзья нажмут на последнюю кнопку. Он не знает, где очнется. Здесь? Или там? Или в каком-то новом месте, еще более неожиданном. Потому что кто скажет в конечном итоге, какой из миров реальнее других?

Но что бы ни случилось, что бы ни произошло, Сет знает, что справится.

Все, пора. Он чувствует наполненную ожиданием тишину.

— Готов? — спрашивают друзья.

«Да», — думает он.

«Вперед без раздумий».

— Готов! — отвечает он вслух.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	9
Часть вторая	137
Часть третья	253
Часть четвертая	337

*Литературно-художественное издание
Миры Патрика Несса*

**Несс Патрик
Больше, чем это**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Ведущий редактор *И. Доева*

Выпускающий редактор *Е. Крылова*

В оформлении издания использованы материалы

по лицензии агентства Shutterstock.com

Художественное оформление: *Д. Брадарская*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *И. Иванова*

18+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 06.02.2018 г.

Формат 60×90/16. Гарнитура «PT Serif».

Усл. печ. л. 25,0

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30

**Обладатель двух медалей Карнеги
Booktrust Teenage Prize
Guardian Children's Fiction Prize
Tiptree Award
Costa Book Award
Arthur Clarke Award**

«Патрик Несс создал абсолютно бескомпромиссный роман. Он превзошел самого себя».

Booklist

«Книги Патрика Несса всегда многоуровневые. Это провокационная и философская книга, милая, мрачная, смешная и грустная, предназначенная для того, чтобы о ней говорили и спорили».

The Boston Globe

«Автор блестяще играет с контрастами: жизнь и смерть, тайна и разоблачение, вина и невиновность... В новом романе Несс исследует человеческую психику совершенно особым образом».

Kirkus Reviews

Знак информационной
продукции согласно
Федеральному закону
от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

18+

ISBN 978-5-386-10149-7

9 785386 101497

